

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

В. А. Роббек

**ЯЗЫК
ЭВЕНОВ
БЕРЕЗОВКИ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
Сибирское отделение
Институт языка, литературы и истории

В. А. Роббен

ЯЗЫК ЭВЕНОВ БЕРЕЗОВКИ

Ленинград
„НАУКА“
Ленинградское отделение
1989

Рецензенты:

А.Н. МЫРЕЕВА, Ю.А. СЕМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На огромной территории правобережья реки Колымы, на восток до территории Магаданской области, между Верхнеколымским, Нижнеколымским районами Якутской АССР локализуется малочисленная группа эвенов. Они живут в гористой местности по верховьям рек Сепекине, Каменка, Березовка, впадающих в реку Колыму, и именуются эвенами Березовки. Это единственная этническая группа эвенов, которая сохранила до недавнего времени свой самобытный кочевой образ жизни, богатую материальную и духовную культуру. Эвены Березовки были советизированы в середине 50-х годов и вовлечены в социалистическое общественное производство в начале 60-х годов. В 1961 г. организовано оленеводческое отделение совхоза „Среднеколымский“ (ныне „Им. 50-летия СССР“), и в 1962 г. к ним присоединены эвены м. Чубукулах.

На территории Березовского сельского совета на 1 января 1984 г. проживало 330 человек, из них эвенов 265 человек, всего хозяйств 82, из них 62 эвенских семьи (по данным автора).

К моменту советизации эвены Березовки были расселены на трех участках. На участке Нубаликич жили Булдукины, они причисляли себя к роду Уйябэн. В местности Ниччан жили в основном Хабаровские, выходцы из рода Дбйда, и несколько семей Булдукиных. На участке Сивэр жили в основном Шербаковы из рода Булэн и Балаганчики из рода Д'ал'л'анкэн. С ними кочевали также две семьи Тарабукиных из рода Уйябэн. Несмотря на дальность расстояний между этими участками, семьи постоянно общались.

Ныне эвены Березовки являются рабочими совхоза и занимаются своими традиционными отраслями – оленеводством и добычей пушнины. В поселке Березовка имеются восьмилетняя школа, врачебный пункт, торговое отделение, сельский дом культуры, интернат, ясли-сад, отделение связи и другие учреждения.

Язык эвенов Березовки совершенно не изучен и даже не известен до сих пор науке. В литературе по эвенскому языку до настоящего времени „колымско-омолонским“ говором признается только язык эвенов, кочевавших в верховьях р. Омолона – притока р. Колымы. Этот говор записан в 1895 г. В.Г. Богоразом и опубликован в 1931 г. (3).

По существу данная работа, кроме лингвистического описания, вводит в научный оборот и большой фактический материал неизвестного в науке говора эвенского языка, если не считать ранее опубли-

Р 4602020400-543 210-89, доп.
042(02)-89

© Издательство „Наука“, 1989 г.

ISBN 5-02-027906-4

ликованные работы автора, где приводятся наряду с другими и материалы этого говора (23; 24; 25; 26; 27).

В основу работы положен языковой и фольклорный материал, собранный нами в полевых условиях во время ежегодных экспедиционных поездок за период с 1974 по 1984 г. в местах расселения эвенгов Березовки.

В данной книге дан очерк фонетики, в синхронном плане исследованы все знаменательные и служебные части речи березовского говора, их формообразование, словообразование и словоизменение. В приложении представлена оригинальная мифологическая сказка „Нелтэк“, ранее не зафиксированная в эвенском фольклоре.

Очерк лексики и словарь по рекомендации отдела филологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР будут опубликованы отдельным изданием.

Автор выражает сердечную признательность своему учителю доценту, к.ф.н. Н.И. Гладковой, заведующему кафедрой языков, фольклора и литературы народов Крайнего Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена доценту, к.и.н. Ю.А. Сему, к.ф.н. Д.М. Насилову (ЛО ИЯ АН СССР), к.ф.н. А.Н. Мыреевой (ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР), давшим ряд ценных советов, идей и замечаний в процессе работы и подготовки рукописи к печати.

Пользуясь случаем, автор выражает искреннюю благодарность своим землякам – эвенкам Березовки Среднеколымского района ЯАССР, в той или иной степени помогавшим в собирании богатого языкового материала, легшего в основу данной работы. Особую благодарность автор приносит своим близким друзьям Н.П. Тарабукину, Н.С. Хабаровскому и Е.Н. Булдукину, прекрасно знающим и любящим свой родной эвенский язык.

ТРАНСКРИПЦИЯ НЕКОТОРЫХ ФОНЕМ И ИХ ВАРИАНТОВ

Фонемы и их варианты	Обозначения, принятые в данной работе
и, (й) (краткая)	и
й, (й) (долгая)	й
иэ	иэ
э (краткая)	э
э̃ (долгая)	э̃
э̃ (редуцирован.)	э̃
эа (иа, иа)	эа
а (краткая)	а
ā (долгая)	ā
ā̃ (редуцирован.)	ā̃
е (у)	е
э̃ (долгая) (ʸ, ʸ̃, ʸ̃̃)	э̃
у, (ʏ) (краткая)	у
ū, (ū̃) (долгая)	ū
о (краткая)	о
ō (долгая)	ō
л' (среднеяз.)	л'
н' (среднеяз.)	н'
л' (среднеяз.)	л'
л	л
к	к

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ГОВОРОВ И ДИАЛЕКТОВ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Алл. – аллаховский говор	л-ч – догдо-чебогалахский говор
Арм. – арманский диалект	к-о – колымско-омолонский говор
Бер. – березовский говор	ол. – ольский говор
	ох. – охотский диалект

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

анат.	– анатомический
арх.	– архаический
букв.	– буквально
звукоподр.	– звукоподражательный
л.	– лицо
лит.	– литературный язык
мн. ч.	– множественное число
межд.	– междометие
обр.	– образное слово
суф.	– суффикс
тотемн.	– тотемное слово

вкл.ф. - включительная форма местоимения
искл.ф. - исключительная форма местоимения
фольк. - фольклорный, пример из фольклора

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

~ - знак параллельно существующей формы
< - развился из
> - развился в
/ - разделение вариантов одного и того же суффикса

Ф О Н Е Т И К А

Звуковой состав описываемого говора, как и все другие разделы грамматики, ранее не были изучены. Вместе с тем в литературе по эвенскому языку под названием „колымско-омолонский говор восточного наречия“ подразумевается и описываемый говор. Этот говор представлен в основном материалами В.Г. Богораза (3). В.Г. Богораз выделяет десять гласных фонем: а, е, *i*, о, и, *ä*, э, *ï*, *ö*, о₀ (3, с. 3). При этом им отмечено, что, кроме долгих, гласные звуки а, е, *i*, о, и „не произносятся с такой определенностью“, как, например, соответствующие русские звуки, даже если на них падает ударение“ (3, с. 3).¹

Материалы В.Г. Богораза были собраны, по его словам, у представителей трех „родов“ - Шербаковых, Балаганчиков и Ушканий (Востряковых).

Среди моих информантов тоже есть Балаганчики и Шербаковы примерно того же региона - самое верховье реки Омолон, ныне участок Сивэр Березовского отделения совхоза „Им. 50-летия СССР“ Среднеколымского района Якутской АССР. Если учесть объективные причины „колебания“ проф. В.Г. Богораза в определении фонетического состава описываемого им говора, то можно отметить, что есть существенные различия в языке эвенов Березовки с языком тех эвенов, которых описывал В.Г. Богораз.

В данной работе при классификации гласных фонем за основу была принята классификационная система В.И. Цинциус (32; 33), в свою очередь опирающаяся на физиологическую классификационную систему Л.В. Шербы. Нами приняты за основу положения Л.В. Шербы, применительно к эвенскому - В.И. Цинциус, отличительной особенностью системы которых является определение самого верхнего и самого нижнего положения языка по подъему, а также крайне заднего и крайне переднего положения языка. Исследование опирается только на слуховой метод, и поэтому мы смогли ориентировочно определить лишь шесть степеней подъема.

¹ Имеющиеся недостатки транскрипционных записей В.Г. Богораза для наших целей не имеют существенного значения, ибо они объяснимы сложностью вокализма данного говора. Сам автор признает, что у него в фонетике и в транскрипции были колебания, сущность которых он не вполне уяснил себе (3, с. 2).

В говоре достаточно четко различаются субъективно-слуховым методом следующие гласные фонемы: а, $\bar{a}$, эа, э, $\bar{e}$, иэ, и, $\bar{i}$, е, $\bar{e}$, о, $\bar{o}$, у, $\bar{u}$. Из этих четырнадцати фонем семь имеют достаточно четко различимые на слух варианты: и - ($\bar{i}$), у - ($\bar{u}$), $\bar{i}$ - ($\bar{i}$), $\bar{u}$ - ($\bar{u}$), е - (у), $\bar{e}$ - ($\bar{u}$, u^e , u_e), эа - (иа). В литературном эвенском языке и в некоторых диалектах ($\bar{i}$), ($\bar{i}$), ($\bar{u}$), ($\bar{u}$) выделены как самостоятельные фонемы (9; 14; 15; 18; 33). В описываемом говоре они не могут быть фонемами, хотя артикуляционно отличаются от фонем у, $\bar{u}$, ибо не имеют смысловозначительной и форморазличительной функций. При этом мы руководствуемся положением Л.В. Шербы, который писал, что „в живой речи произносятся значительно большее, чем мы обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т.е. служат целям человеческого общения“ (36). Варианты фонемы е (у), $\bar{e}$ ($\bar{u}$, u^e), (u_e) в большинстве случаев различаются по информантам. Однако для данного региона характерным, видимо, было бы считать следующую дифференциацию: сиверская группа тяготеет больше к е-образному, тогда как чубукулахская группа к у-образному произношению. В говоре имеются две дифтонгоидные фонемы эа (иа), иэ, отличающиеся друг от друга и от других фонем своей смысловозначительной функцией.

Вариант фонемы эа, (иа) отмечен нами у эвенов нитчанской группы, в особенности у Хабаровских и Булдукиных. Для говора характерно то, что фонемы а и э в первых слогах воспринимаются на слух как ы-образный звук независимо от гармонии гласных (эмрэн, 'пришел', бакрэн 'нашел'). Нет оснований считать эти ы-образные звуки вариантами фонем а, э, ибо природа изменения их известна - редукция гласных в первых слогах. Артикуляция их несколько иная, чем самих фонем (табл. 1).

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Согласно классификации Л.В. Шербы, уточненной В.И. Цинциус применительно к звуковому строю эвенского языка, гласные звуки классифицируем на основе артикуляции языка. Кроме язычной артикуляции, учитываем губную артикуляцию.

При изолированном произношении звука в рамках одного слова или корня в зависимости от движения языка по горизонтали различаются три ряда гласных. Основными являются передний и задний ряды, а средний - промежуточный между ними:

гласные переднего ряда: и, $\bar{i}$, ($\bar{i}$), ($\bar{i}$), иэ, э, $\bar{e}$, эа, (иа), а, $\bar{a}$. При произношении их тело языка продвигается вперед;

гласные заднего ряда: у, $\bar{u}$, ($\bar{u}$), ($\bar{u}$), о, $\bar{o}$. Они отличаются тем, что при произношении их тело языка отодвигается назад.

Промежуточное положение между ними занимают гласные среднего ряда: е, (у), $\bar{e}$, ($\bar{u}$), (u^e), (u_e), ($\bar{e}$), ($\bar{a}$). При произношении их тело языка как бы распластано в полости рта и несколько оттянуто назад.

По степени подъема, т.е. по положению языка по вертикали, отчетливо различаются три ступени: а) гласные самого верхнего подъема (и, $\bar{i}$, у, $\bar{u}$), когда язык высоко поднят к нёбу; б) гласные самого нижнего подъема (а, $\bar{a}$), когда язык максимально опущен; в) гласные среднего подъема (э, $\bar{e}$, ($\bar{e}$), е (у), $\bar{e}$, о, $\bar{o}$), когда язык находится в среднем положении между самым верхним и самым нижним подъемом. Однако даже субъективно-слуховым методом можно обнаружить в говоре еще несколько промежуточных ступеней подъема по отношению к этим четко определенным положениям. Так, следует выделить ступень выше среднего, где включаются варианты фонем и дифтонгоидный гласный (иэ, $\bar{u}$, u^e , u_e). Следующей по возрастающей степени подъема выделяем ступень, условно называемую верхней, куда входят варианты фонем самого верхнего подъема ($\bar{i}$, $\bar{i}$ (у), $\bar{u}$, $\bar{u}$). От среднего по убывающей степени подъема следовало бы выделить ступень, условно называемую нижней, куда входят по артикуляции дифтонгоидный гласный эа, его вариант (иа) и редуцированный вариант фонемы самого нижнего подъема ($\bar{a}$). В соответствии с изложенной классификацией элементы звуковой системы данного говора представлены в табл. 1.

Как видно из табл. 1, гласные березовского говора неравномерно распределены по рядам. Из шести ступеней подъема фонематическое значение имеют пять:

1) узкие, включающие I-II ступени подъема, - и, $\bar{i}$, у, $\bar{u}$, например: илри 'кожа (у человека)', илрэ 'заходите', унсá 'тающий снег', үкэн 'блюдо, сделанное из березы, посуда';

2) полуузкий (III ступень подъема) - иэ: иэлтэпки 'мимо';

3) средний (IV ступень подъема) - э, $\bar{e}$, е, $\bar{e}$, о, $\bar{o}$, например: эрбэч 'гусь', эрики 'лягушка', эбдэ 'селезенка', эм 'небольшой выступ на горле', омчик 'изменность, окруженная горами', оқá-рáп 'с каких пор, давнишний';

4) полуширокий (V ступень подъема) - (эа), например: эарáқáп 'за что, за какой его проступок';

5) широкий (VI ступень подъема) - а, $\bar{a}$, например: амаркан 'олень четырех-пяти лет'; авидай 'идти по сутробу без лыж'.

Кроме противопоставления по артикуляционным рядам и степени подъема, гласные говора различаются по участию и неучастию губ при произношении их, т.е. по лабиализации. По этим признакам гласные говора подразделяются на:

1) нелабиализованные - и, $\bar{i}$, ($\bar{i}$), ($\bar{i}$), иэ, эа, (иа), а, $\bar{a}$, ($\bar{e}$), ($\bar{a}$);

2) слабо лабиализованные - э, $\bar{e}$;

Таблица 1

Гласные

Ступень подъема	Передний ряд			
	нелабиализованный		слабая лабиализация	
	краткий	долгий	краткий	долгий
I (самый верхний)	и	й		
II (верхний)	(й)	(й)		
III (выше среднего)		изэ		
IV (средний)			э	э̄
V (нижний)		эа(иа)		
VI (самый нижний)	а	ā		

3) менее сильно лабиализованные – е, ē, (Yē), (y^o), (Y^o), у, ū, (ý), (у), (ý), о, ô.

Кроме того, гласные говора различаются по долготе и краткости. По этому признаку различаются:

1) краткие гласные: и, у, (й), (ý), (у), э, (э̄), е, о, (ă), а;

2) долгие гласные: й, ū, (й), (ý), изэ, (Yē), (y^o), (Y^o), э̄, ē, ô, ā, э̄ā, (iā).

Долгота и краткость гласных в говоре выделены по признаку их фонематичности. Так, например, только по этим признакам различаются слово: и-й: ит^и 'лицо' – йт 'зуб'; у-ū: ур 'живот' – ūр 'прежний' (о ком-нибудь); э-э̄: элгэн 'ведет' – э̄лгэн 'промежуток'; е-ē: кейэн 'видит' – кейэн 'его рога (о горном баране)'; о – ô: олдэн 'кончил (что-нибудь делать)' – ôлдэн 'делает'; а – ā: гад 'они взяли' – гād 'половина'. При определении долготы гласных мы учитываем, что признак длительности сам по себе явление относительное, так как трудно определить абсолютные границы между различиями ее степени. В описываемом говоре они зависят от темпа речи. Наблюдалось, что в речи одних дикторов (№ 6–8, 19–21) гласные произносились протяжно и мелодично по сравнению с речью других дикторов (№ 14, 12, 17). Долгота гласных может зависеть и от позиционно-комбинаторных условий, и от других причин (иногда от количества слогов). Обычно в многосложных словах гласные произносятся короче, чем такие же гласные в словах, состоящих из одного или двух слогов. Например, в предложении: Но-нэн оръби усивкэчисид'энсэвэйтэн-тэкэн-уч 'Он медленно, нехотя делает вид, будто пытается привязать веревкой то одного, то другого своего оленя' в подчеркнутом слове имеется четыре долгих гласных э̄. Долгота их различная, но каждая из произносимых диктором (24, 5) короче, чем э̄ в слове э̄рин '(он)зовет'. В этом слове имеется один редуцированный гласный э̄, который почти не

Средний ряд			Задний ряд	
нелабиализованный	менее сильная лабиализация		менее сильная лабиализация	
краткий	краткий	долгий	краткий	долгий
			у	ū
			(ý)	(ý)
(э̄)	е	(Yē)(y ^o)(Y ^o)	о	ô
(ă)		ē		

произносится в этом слове в суффиксе 3-го лица ед. ч. –тэн, т.е. сверхкраткий, тогда как в коротких словах в составе этого же суффикса произносится как ы-образный звук: эмметтэн 'обычно приходит'. В говоре краткие гласные также имеют неодинаковую длительность. При определении на слуховом уровне зона длительности кратких колеблется от полудолгих до сверхкратких. Например, в слове чэлэңчисидэй 'вести на поводке белого оленя' первый гласный э̄ долгий, второй э̄ краткий, но произносится чуть дольше, чем четвертый э̄, а третий – редуцированный э̄ произносится ы-образно. Если учесть приведенный выше сверхкраткий э̄ в составе суффикса –тэн, то мы видим четыре различных варианта краткого э̄. Примерно такую же картину наблюдаем в говоре с кратким гласным а. Несмотря на такое различие, краткие гласные в говоре четко сохраняют свое фонематическое количество, будучи противопоставленными долгим гласным.

Фонетическая система березовского говора состоит из основных гласных фонем, которые в свою очередь подразделяются на краткие, долгие, дифтонгоидные и их варианты.

При кратком описании гласных фонем и их основных вариантов укажем лишь на артикуляционные признаки и характер употребления их в слове.

КРАТКИЕ ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Фонема и – краткий гласный переднего ряда, самого верхнего подъема, нелабиализованный. В зависимости от гармонии гласных в говоре имеет вариант (й). Фонема употребляется во всех позициях – в начале, середине и в конце слова, например: ирбэ 'тонкий

снег', гилбитэң 'нижний край украшений одежды', чамй 'шнур передника, сделанный из ровдуги'. При любом фонетическом положении в слове не поддается редукции, например: һелиңчэнттики 'по направлению к голой вершине горы', илкэлдэсиндэвур-эсил (досл. 'чтобы друг другу оставить метки') 'померяться силой'. При сочетании с носовыми слегка назализируется: тинитиң 'узкая полоса из камуса по краям передника'.

Фонема у – краткий гласный заднего ряда, самого верхнего подъема, лабиализованный менее сильно. В зависимости от гармонии гласных в говоре эта фонема имеет один вариант (ý). Употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце, например: ул'чики 'толстый аркан, специально сплетенный', имунру 'петли пальто (узкие шнурки из ровдуги)', мизрукэттэй 'ходить (ездить) вокруг жилища (дома)'. Фонема (у) не поддается редукции при любом положении, например: мэкунунусэндэй 'наброситься (на кого-нибудь)', мөлдүчүкәндай 'заставить (поручить) обработать тополь для меховых лыж'.

Фонема э – краткий гласный переднего ряда, среднего подъема, слабо лабиализованный. Употребляется во всех положениях – в начале, середине и в конце слова, например: эйэпэн 'отросток заднего ответвления рога оленя', элэ 'широкая длинная кайма национального костюма с поперечными рисунками', экерми 'разновидность ягеля (похож на пену)'. В зависимости от корня слова, фонетического окружения преимущественно в первых слогах данная фонема сильно редуцируется. На слух становится ы-образным звуком, например: һилэпэн (һилыпын) 'верхняя половина передника, закрывающая грудь', һуклэрэкэтэн (һукларыкытын) 'когда они спали'. Однако подобная редукция не всегда зависит от местонахождения слога с данной фонемой. Например, в слове дэвэчэ 'ровдуга, окрашенная ольховой краской' ни один звук э не редуцирован, а в слове текрэндэ 'украшение в виде полосы, сшитой из волос камуса' редуцирован в предпоследнем слоге, а в последнем – нет.

Фонема е – краткий гласный среднего ряда, среднего подъема, менее слабо лабиализованный. Встречается в начале и в середине слова, например: өбэрэндэй 'наткнуться наострие', көнкэчэ 'украшение унтов в виде ромбиков белого и темного цвета'. Иногда выступает в двух вариантах, в особенности в произношении чубукулахских эвенов, например: өлики-улики 'белка', өйиһэ-уйиһэ 'жена старшего брата' и др.

Фонема о – краткая, заднего ряда, среднего подъема, менее сильно лабиализованная. Она встречается в начале и в середине слова, например: откй 'утка (зубастая)', одһнрһ 'новая шерсть (с обливявшего оленя)', Д'олчһн '(название реки) 'Летняя', тома 'обычай, закон жизни'. Данная фонема встречается в конце слов только в определенных случаях, например: Опо (имя собств.) 'Афоня', һулиңо 'дитя (ласкательное обращение к маленьким детям)'. Данная фонема не поддается редукции, в то же время слегка назализируется в сочетании с носовыми согласными, например: һонһм 'длинный', һонри 'сухожилие бедер задних ног оленя, лося' и др.

Фонема а – краткая, переднего ряда, самого низкого подъема, нелабиализованная. Она встречается во всех позициях – в начале, середине и в конце слова, например: аһсһдай 'прожить, провести год', итиһаһа 'радостная встреча', тавгида 'та половина местности'. В зависимости от фонетического окружения преимущественно в первых слогах данная фонема сильно редуцируется. Так же как и фонема э, становится на слух ы-образным звуком (ə), например: чһндуһсһндай 'мигом покатиться (о чем-нибудь срубленном)', һи-сһкһндай 'подпрыгивать' (ср. чһндуһыһндай, һисыһкһндай) и др.

ДОЛГИЕ ГЛАСНЫЕ ФОНЕМЫ

Фонема й – долгая, переднего ряда, самого верхнего подъема, нелабиализованная. В зависимости от закона гармонии гласных в говоре данная фонема имеет вариант (й̆). Она употребляется в начале и в середине слова, например: ймңэ 'местность без кустов, используемая для пастбища', йчэ 'обработанная шкура', йһиткэ-вэттэй 'добывать корм (копая до основания – об олене)', йһилэр 'олень белый с маленькими черными пятнами'. При любом фонетическом окружении не поддается редукции.

Фонема ү – долгая, заднего ряда, самого верхнего подъема, менее сильно лабиализованная. В говоре имеет свой вариант в зависимости от закона гармонии гласных (ү̆). Фонема ү употребляется в начале и в середине слова, преимущественно в первых слогах, например: үтһийа 'испорченный (об оружии, луке)', үкэһиддэй 'кушать на снегу (фольк.)', һүнтавкһндай 'растягиваться, заставить растягиваться', күкуй 'темная узкая полоса, окаймляющая украшения пальто'. В любом фонетическом окружении не поддается редукции.

Фонема э̆ – долгая, переднего ряда, среднего подъема, слабо лабиализованная. Не имеет варианта. Фонема э̆ употребляется во всех позициях в слове – в начале, середине и в конце; например: э̆һэс 'шкура полугодовалого олененка'; н'э̆ркэдэй 'жарить на вертеле издалека (постепенно)'; һэ̆вунси 'волк (одно из названий)', бэ̆ 'приманка', эбэ̆! (восклицание 'мокро!'). Эта фонема нередко употребляется в последнем слоге, например: судэ̆к 'ящик для чайной посуды', бэлтэ̆лкэн 'ребенок' (фольк.) и т.д. При любом фонетическом окружении в слове не поддается редукции.

Фонема э̆ – долгая, среднего ряда, среднего подъема, менее слабо лабиализованная. В различных фонетических окружениях, а также в зависимости от принадлежности информанта к тому или иному эвенскому роду имеет несколько вариантов (о них ниже). Фонема э̆ встречается в начале и в середине слова, например: э̆н'э 'ребенок, который едет верхом, привязанный к седлу', Э̆йинд'э (имя героя сказки), һэ̆йэлрэ 'шерсть с шеи оленя', һэ̆н 'сулорога'. Данная фонема более четко произносится представителями рода Дбйда.

Фонема *б* – долгая, заднего ряда, среднего подъема, менее слабо лабиализованная. Фонема *б* встречается в начале и в середине слова, например: *бхай* ‘напиток из грибов (фольк)’, *бн’эр* ‘снег, оставшийся в ложбинах’, *н’бри* ‘женский посох’, *тбминука* ‘украшения передника в виде узкой полоски с прямоугольниками’. Не подвергается редукции. В сочетании с носовыми согласными слога назализируется, например: *нбкиэ-э* ‘фу!’ (о дурном запахе).

Фонема *а* – долгая, переднего ряда, самого низкого подъема, нелабиализованная. Эта фонема употребляется не во всех позициях в слове, а только в начале и в середине, например: *асукандай* ‘рассердить, сердить’, *тахан* ‘свалившееся дерево’; может быть в одном слове и в начале, и в конце его, например: *талгикаб* ‘нагромождение накренившихся деревьев’, *тарастал* ‘розги’.

ДИФТОНГОИДНЫЕ ГЛАСНЫЕ

Фонема *йэ* – долгая, дифтонгоидная, переднего ряда, выше среднего подъема, нелабиализованная. Это сложный звук, состоящий из двух элементов. Первый элемент его начинается с и-образного звука, затем переходит в э-образный. В конце произношения становится единым сложным долгим звуком. Эта фонема встречается в корневых морфемах. Если слово начинается с этого дифтонгоидного гласного, то превалирует и-образное произношение, если же слово кончается этой фонемой, то э-образное, а в середине слова длительность произношения элементов почти одинаковая, например: *икчэн* (*и’кчэн*) ‘горный перевал’, *иэдди* (*и’иэдди*) ‘растущий, появляющийся’, *Нэкиэ* (*Нэ’кэ*) ‘Иннокентий’ (имя собств.).

Фонема *эа* – долгая, дифтонгоидная, переднего ряда, нижнего подъема, нелабиализованная. Она состоит из двух элементов. В зависимости от изменения состава элементов имеет три варианта (*эа*, *иа*, *йа*). Если слово начинается с этой фонемы, то первый его элемент звучит как среднеязычный шелевой *й* (*j*), второй элемент – как гласный самого нижнего подъема *а*, но звучит чуть дольше, чем краткая фонема *а*, например: *йасапу* (*й’асапу*) ‘белый олень с темной каймой вокруг глаз’, *йавкан* (*й’авкан*) ‘двухголовый олень’, *йасудай* (*й’асудай*) ‘одолжить’ и др. Если же эта дифтонгоидная фонема *эа* стоит в середине или в конце слова, то первый его элемент звучит как э-образный звук, а второй, как и в первом варианте, слышится как гласная самого низкого подъема *а*, при этом в большинстве случаев второй элемент звучит дольше, чем первый, например: *гэахан* (*гэ’ахын*) ‘ястреб’, *кэаливун* (*кэ’аливун*) ‘брус’, *кэарин* (*кэ’арин*) ‘белок глаз’, *гэа* (*гэ’а*) ‘друг’ и др. Такое отчетливое произношение первого элемента данной дифтонгоидной фонемы как *й* и *э* характерно для Хабаровских, чуть меньше для Булдукиных. Иногда в потоке речи при произношении этого дифтонгоидного звука отчетливо слышится только первый элемент, например: *мэ’а* ‘десять’, *мэ’а* ‘интересный, удивительный’, *мэ’авун* ‘сердце’ и т.д.

Если учитывать только произношение Хабаровских, т.е. представителей рода Дбйда, то следовало бы выделить дифтонгоидную фонему *эа* с произносительными вариантами *йа*, *иа*. В начале слов *эа* практически не употребляется.

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ ФОНЕМ

Варианты гласных фонем в говоре отличаются от фонем только произносительным оттенком и не обладают смысловоразличительной функцией. Они также не могут быть различителем форм слов и показателем грамматических категорий. Варианты имеют почти все краткие гласные, кроме *о*, и некоторых долгих (*а*, *э*, *б*).

Вариант фонем *и* – *й*. Артикуляционная характеристика варианта такая же, как основной фонемы, с той разницей, что вариант (*й*) более открытый, так как по артикуляционному ряду стоит чуть ниже (II ступень). Основная фонема (*и*) и вариант (*й*) противопоставляются только по гармонии гласных: основная фонема относится к ‘мягкому’ ряду, а вариант – к твердому, например: *икрилкэн* ‘с костью’ – *йтилкэн* ‘с лицом’, *инилкэн* ‘с ношей’ – *йинцйталкэн* ‘пушнина’ и др.

Вариантом долгой фонемы *й* является *й̄*. Этот звук артикуляционно характеризуется так же, как основная фонема (*й*), однако он более открытый, поэтому по подъему находится чуть ниже самого верхнего подъема, например: *йрхан* ‘крик’, *йинцян* ‘клинья пальто в бедренной части’, *тиванкча* ‘узкая полоска светлого цвета, окаймляющая праздничное пальто’. Этот вариант фонемы противопоставляется основной фонеме только по гармонии гласных в слове.

Краткая фонема заднего ряда самого верхнего подъема (*у*) имеет вариант (*ү*), отличающийся тем, что он более открыт и более лабиализован, например: *үман* ‘мозг костей ног (олень, лося)’, *гула* ‘олень коричневой масти’, *үн’капу* ‘олень с белым кольцом на шерсти задней ноги’.

Вариант долгой фонемы (*ү*) отличается тем, что он более открыт и более лабиализован (*ү̄*); в говоре встречается только в основе слова, например: *чүриха* ‘олень особо белой масти’, *үлшай* ‘покрыться плесенью, портиться (о мясе)’, *нүмкандай* ‘растягивать’ и др.

Фонема (*е*) имеет один вариант. Это у-образно произносимый звук. Он не очень характерен для данного говора и скорее всего возник под влиянием говора эвенков м. Чубукулах, где наиболее заметно у-канье, например: *умутту* вместо *эмэтту* ‘вместе’, *кучукэн* – вместо *кечукэн* ‘маленький’ и др.

Как уже отмечалось выше, долгая фонема *е* имеет несколько близких друг другу вариантов. Первый вариант (*Уе*) – сложный долгий звук, начинающийся с у-образного звука, затем переходящий в о-образный, например: *нУентэ* ‘другой’, *нУели* ‘берег’, *нУенил* ‘враги’. Второй его вариант – тоже сложный долгий звук, начинающийся

с у-образного и переходящий под конец к звуку (ə) – (y^ə). Этот вариант наиболее распространенный, например: ку^əйэ 'рог барана', л'у^əр 'два', ду^əмүэ 'тайга' и др. Третий вариант долгой фонемы (ē) следует считать исключением. Особенность его заключается в том, что первый элемент начинается с призвуча, похожего на русский у в слове 'любить'. Второй элемент – е, произносимый более долго и отчетливо, например: н'у^əнэти 'одноголазый', н'у^əн 'он' вышел', н'у^əрңи 'накалили (они)', н'у^əмэн 'обессилел (он)' и др. При произношении этого варианта дифтонга (ē) лабиализация усиливается. Следует заметить, что первый призвуч образует сочетание дифтонгоидного гласного с заднеязычным смычным носовым согласным ɲ. В результате этот вариант дифтонгоидного гласного (ē) слегка назализован.

О вариантах дифтонгоидной фонемы (эа) говорилось выше. Здесь можно отметить, что вариантов фонем больше, чем мы указали. Вообще дифтонгоидные гласные говора по составу являются сложными гласными, поэтому обозначение их двумя буквами весьма условно уже потому, что эти буквы, обозначающие определенные звуки, тоже имеют свои варианты.

ГАРМОНИЯ ГЛАСНЫХ

В данном говоре, как и в литературном эвенском языке, в употреблении гласных в составе слова существуют определенные закономерности. В зависимости от сочетания в слове гласные говора делятся на два ряда: 1) мягкий ряд, 2) твердый ряд. В составе одного слова могут сочетаться гласные только одного (твердого или мягкого) ряда. Этот порядок определяется гласным корня. В данном говоре, если в корне слова есть фонемы (а), (ā), в следующих слогах не встретятся фонемы (э), (ē); и наоборот, если в корне слова есть фонемы (э), (ē), то в следующих слогах не встретятся фонемы (а), (ā). Что касается фонем (и), (ī), (у), (ū), то они, подчиняясь этому закону гласных, становятся то мягкими, то твердыми, чем обусловлено появление их вариантов (ī̃), (ī̄), (ū̃), (ū̄). С учетом этого и вариантов других фонем гласные распределены по гармонии следующим образом:

I мягкий ряд э(э̃), ē, из, е, (у), ө(үэ), (уө), и, ī, у, ū

II твердый ряд а(ā), ā, эа(īа), (иа), о, ō, ī̄, ū̄, ū̄

Примеры: этікэңинд' эҕич 'со стороны нашего уважаемого старика', атикаңиңдаҕич 'со стороны нашей уважаемой бабушки'.

(1) эмувкэңсөвттэн-тэкэн-уч 'он) непрерывно только отправляет и отправляет';

(2) алачуқансоваттан-такан-уч 'Заставляет ждать и ждать (до назначения)';

Гармония гласных в говоре нередко вызывает соответствующие изменения в артикуляции согласных в пределах данного слова.

Из других фонетических явлений, встречающихся в говоре, отметим стечение гласных. Стечение гласных – эо, уа, уо-а, эи (эи-и) – наблюдается в междометиях, в других словах стечения гласных нет. Например:

1) Эб! Айда'ит, омчача бисимэ-э. 'О, правда, забыл(а)'; 2) Уā, йāкав тардала ичун. 'Ой, смотри что там появился'; (3) Уо-а, Опо, эд'и н'эккирэ-э тачимур. 'Ой-ой, Афоня, не делай так'; (4) Эй, һирками д'улай эмэниэ-э. 'Фу! Нож (свой) дома оставил' и др.

Итак, гласные березовского говора характеризуются следующими особенностями:

1) различным составом гласных фонем: в литературном эвенском языке, в ольском и момском говорах выделено 18 фонем (34, с. 698; 9, с. 57–63; 18, с. 32; 14, с. 11), у В.Г. Бого-раза в 'жолымско-омолонском' говоре – 10 фонем (с. 3), в охотском диалекте – 17 фонем (15, с. 17), в березовском говоре – 14 гласных фонем;

2) наличием вариантов гласных фонем; некоторые фонемы имеют до трех вариантов, например фонема е;

3) наличием различной степени лабиализации;

4) своеобразным стечением гласных в междометиях.

СОСТАВ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

За основу классификации согласных фонем березовского говора берем классификационную систему согласных Л.В. Шербы, уточнение которой применительно к эвенскому языку сделано В.И. Цинци-ус и М.И. Матусевич (32; 33).

В березовском говоре, несмотря на некоторые отличия в произношении согласных отдельными группами эвенов, в целом состав согласных един. В говоре имеются следующие согласные фонемы: п, б, т, д, д', к, г, ч, с, һ, м, н, ɲ, н', в, й, л, р. Некоторые из них выступают в речи разных групп эвенов в различных оттенках, называемых нами вариантами фонем. Так, согласная фонема в имеет вариант – (в^у), фонема л – (л'), фонема с – (с^ш) и др. Кроме того, как и в других говорах эвенского языка, шумный смычный заднеязычный согласный к имеет увулярный вариант (к^у), появление которого обусловлено воздействием закона гармонии гласных: с гласными мягкого ряда всегда употребляется фонема к, с гласными твердого ряда – его вариант (к^у), например: кйвилэдэй 'покраснеть (о следе веревки на руке)' – қарауунд'а 'большой олень сероватой масти', һэкэсэйдэй 'пнуть, ударить ногой' – йруқалқан 'насекомое (с тремя хвостами – фольк.)' и др. Фонема л имеет очень смягченный мягкий вариант (л'), например: нэлэкэн 'украшенная часть мужского передника' – н'ил'гича 'узкая полоска, отделяющая верхнюю и нижнюю части передника' и др.

В основе классификации согласных в данном говоре лежат два главных принципа: классификация по активному речевому органу и классификация по способу образования. По первому принципу согласные подразделяются на губно-губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярные и фарингальные. По степени участия шума согласные делятся на шумные и сонанты. Среди шумных по способу образования шума различаются смычные и шелевые. Среди смычных выделяем „чистые“ (взрывные) и аффрикату. Сонанты делятся на смычные (носовые) и шелевые (серединные и боковые), также выделяется дрожащий. Согласные березовского говора классифицируются:

По активному органу

- 1) губно-губные п, б, м, в;
- 2) переднеязычные т, д, (ч) с, н, л, р;
- 3) среднеязычные д', н', й, (л');;
- 4) заднеязычные к, г, (х), ц;
- 5) увулярный (к);
- 6) фарингальный h.

По способу образования

Шумные:

- 1) смычные (чистые) п, б, т, д, д', к, г, (х), аффриката ч;
- 2) шелевые с, (ш), h.

Сонанты:

- 1) смычные (носовые) м, н, н', ц;
- 2) шелевые (серединные) в, й, шелевые боковые л, (л').

Дрожащий – р.

В данном говоре имеются только три пары глухих и звонких согласных. Это шумные смычные (чистые) п-б, т-д, к-г. Пара т'-д' наблюдается только в языке нитчанских эвенов, причем не у всех, что невозможно точно определить слуховым методом, и нужно бы это исследовать экспериментально. А мы делаем различие только в словах типа: тарт'аки 'туда' – т'эахчақан 'куропатка (горная)' и др.

В устной и письменной речи эвенов Березовки начали часто употребляться заимствованные из русского, якутского языков слова, в связи с чем стали заимствоваться согласные из русского языка – ф, з, ш, щ, ж, х, ц. Это характерно для языка тех эвенов, которые в какой-то мере владеют русским языком. Однако на данном этапе описания мы не включили эти согласные в таблицу, так как, во-первых, это явление не устоялось в языке эвенов Березовки, оно на стадии становления; во-вторых, при описании говора мы опираемся на данные речи тех, кто не владеет никаким другим языком,

кроме эвенского, т.е. на язык старшего поколения постоянных оленеводов. Классификация согласных фонем березовского говора представлена в табл. 2.

ОПИСАНИЕ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ

Согласные фонемы опишем в порядке артикуляции по активному органу: губно-губные, переднеязычные, среднеязычные, заднеязычные, увулярный, фарингальный. В этих группах согласные объединяются по способу их образования (смычные, шелевые, дрожащий) и в свою очередь делятся по степени участия шума на шумные и сонанты. При этом мы отходим от традиций в эвеноведении, когда при описании согласных авторы располагают их по способу образования (смычные, шелевые, дрожащий). Нам представляется, что этот порядок не совсем соответствует фонемному составу описываемого говора, так как в нем мы выделяем аффрикату (ч), в результате чего смычные и аффриката (ч) могут иметь один и тот же вариант или быть вариантами одной и той же фонемы. При описании согласных по мере возможности будут даны их оттенки или варианты, а также местонахождение их в слове.

Губно-губные

Фонема п – шумный, смычный (чистый), взрывной, глухой непридыхательный губно-губной согласный. Он употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце, например: пэпэга 'люлька ребенка (в фольк.)', п'эах 'Фу! тыфу!' (междометие), оуапу 'беломордый (об олене)', н'ялтэ 'серединная часть нижней половины передника', тутэрэл 'зимний', бахрэт 'нашли', нонял 'начальный' и др. Фонема п редко встречается в начале эвенских слов, обычно в звукоподражательных, образных словах или архаизмах. А в конце слов в большинстве случаев бывает в составе словообразовательных и формообразовательных суффиксов, например: пус'аляндай 'пыхтеть' (от звукоподражательного пус-пус), п'эсэн'э 'человек со вздутым животом' (образное слово), тйтерэл 'древний' (суфф. -рэл), йр'эл 'защип' (-п – суфф. 1 л. мн. числа вклоч. ф.). Данная фонема мало подвергается палатализации. Она более заметна в речи нитчанской группы эвенов в позиции перед гласными мягкого ряда.

Фонема б – шумный, смычный (чистый), взрывной, звонкий, губно-губной согласный; употребляется преимущественно в начале и в середине слова и редко в конце слова: бовридай 'удачно охотиться', болган'адай 'пойти известить, рассказать', обаха 'мышь (разновидность)', д'лаб'андай 'превратиться (в кого-либо, что-либо)', нусаб-нусаб (слова, произносимые при танце – не переводится), эб 'мокро' и др. Употребление его в конце слов – нехарактерное явление в данном говоре, так как шумные звонкие обычно в конце слов встре-

Таблица 2

Классификация согласных фонем

По способу образования		По активному органу					
		губно-губные	переднеязычные	среднеязычные	заднеязычные	увулярные	фарингальные
Шумные	Смычные	Чистые	п б	т д	д' (ч)	к г	(х)
		Аффрикаты		ч			
	Щелевые			с		(ш)	һ
	Смычные	Носовые	м	н	н'	ң	
Сонанты	Щелевые	Серединные	в		й		
		Боковые		л	(л')		
	Дрожащий			р			

чаются редко. Если фонема п мало подвергается палатализации, то б почти не подвергается, точнее на слух определить трудно, однако в речи нитчанской группы чуть заметно палатализуется перед дифтонгоидными гласными. На это указал еще В.Г. Богораз (3, с. 5), например: б'эасак 'семья', б'изв'эк 'дневная пастба оленей'.

Фонема м – губно-губной смычный носовой сонант, употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине, в конце: муңиңэ 'олень темной масти с белыми волосами', һимэттэй крошить мясо, һум 'сухожилие' и др. Фонема м в конце слова становится ненапряженным смычным согласным, артикуляция которого ограничивается экскурсией: һинэм 'крепкий, прочный', н'ам 'тепло' и др. Перед гласными мягкого ряда согласный м слегка смягчается.

Фонема в – губно-губной шелевой серединный сонант, употребляется в середине и несколько ограничено в конце слов: һиңдэй 'чавкать' (во время еды); нулувқандай 'зажигать огонь (огнивом)', тардав 'там' (слова, побуждающие собак), куңав 'ребенка' (вин.п.).

Проф. В.Г. Богораз писал, что звук в произносится глухо, в особенности между двумя гласными, и нередко впадает в һ (3, с. 4). Это замечание в некоторой степени характерно для описываемого говора. В конце слов этот согласный получает у-образное наращение, например: д'ув' 'дом' (свой).

Переднеязычные

Фонема т – переднеязычный, шумный, смычный, взрывной согласный. Употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине, в конце: тэлгипу 'олень с белым кольцом на шерсти поясницы',

будутти 'темнота' (до зари), ббайт 'старинный женский пояс'. Звук т не палатализуется в любом положении в слове и всегда глухой.

Фонема д – переднеязычный, шумный, смычный (чистый), звонкий согласный. Встречается во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце: долдун 'богатый человек, начальник', дэавун 'добыча, оставленная на некоторое время', кэңдэ 'каргин' (о породе оленя); эмэрдэкэн 'олень, у которого одна нога белая', гад 'половина'.

Согласный д не палатализуется. В языке сиверской группы эвенов в конце слова чередуется с т: гүд~гүт 'высокий', һөд~нет 'красивый' и др.

Фонема ч – переднеязычный, шумный, глухой, аффриката. Несмотря на то что на слух довольно трудно разграничить с переднеязычным смягченным (т'), мы предпочли считать согласную ч аффрикатой, ибо в данном говоре нет смягченного (т'). Фонема ч встречается во всех положениях в слове: чэңэлэн 'отросток верхней части заднего ответвления рога оленя', чэлкэ 'белый олень (в песне)', һэкимчэ 'летнее мужское пальто из ровдуги', бэчэнд'э 'олень, переболевший копыткой', йа́ч 'чем', һинмач 'быстро' и др. В.Г. Богораз выделял палатализованное ч (3, с. 4).

Фонема с – переднеязычный, шумный, шелевой согласный. Употребляется только в середине и конце слова: йа́сапу 'белый олень с темной шерстью вокруг глаз', басудай 'убить, истребить противника (фольк.)', һиңэс 'иной', экэс 'чешуя рыбы' и др. По данным В.Г. Богораз, в языке эвенов, живших на реке Омолоне, нет такого согласного. Вместо этого он приводит согласный звук ш, который 'произносится довольно близко к һ, в особенности между двумя гласными и в начале слова' (3, с. 4). В березовском говоре эвенского языка нет 'шеканья'. Однако следует отметить, что в языке сиверской группы эвенов, в особенности у Балаганчиков, согласный с произносится очень шепеляво. Нередко в середине слова встречается удвоенный согласный с, например: һэссэ 'попаша', дас-син '(он) покрыл' и др. В сочетании с гласными мягкого ряда согласный с слегка палатализуется.

Фонема н – переднеязычный, смычный, звонкий носовой сонант. Употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце: найса 'шкура лося', нэңэн 'накренившееся дерево', һэңдэй 'наткнуться, попадаться случайно', һинтактай 'разгонять (олений)', һелиңэң 'скала, голая вершина', һиңилгэн 'нижний зернистый слой снега' и др. В конце слов фонема н воспринимается как ненапряженный смычный согласный. В сочетании с гласными мягкого ряда не палатализуется.

Фонема л – переднеязычный шелевой боковой сонант. В березовском говоре имеется два варианта: а) перед согласными ч, д', н' и в некоторых случаях с гласными мягкого ряда употребляется палатализованный вариант, б) в остальных случаях – веларизованный (твердый). Употребляется эта фонема в середине и в конце слова, в конечной позиции мягкий вариант не употребляется: һитэл 'чэ

‘врезающийся, вдавленный’, ал’д’и ‘могила’, н’ил’гича ‘узкая полоска, окаймляющая украшение пальто’, нултá ‘сушеная рыба (фольк.)’, һөлэд’элдэй ‘начать заострять, точить луки (фольк.)’, һйлэр ‘белый с пестринкой олень’, битлэмийэ ‘место, где когда-то жили люди’, чбһал ‘прикрытое место в яранге, где лежат неиспользуемые вещи’, нэл ‘украшенная часть женского передника’. Палатализованный вариант фонемы (л’) может быть и в корне слов, например: ал’тиучидай ‘держат голову набок’, һул’ридай ‘заострить кол (пень)’ и др.

Фонема р – переднеязычный дрожащий сонант. Употребляется только в середине и в конце слова. Как и в других говорах, не оглушается, т.е. не переходит в шумный. Может быть и в интервокальном положении, и в различных сочетаниях с согласными: урэлү ‘олень с белым брюхом’, дулгинрэ ‘полоска из ровдуги, окрашенной ольховой краской’, урдэн ‘расшитая серединная часть передника’, н’йчэлрэ ‘облинявший (олень)’, н’брилкэр ‘имеющие клык’ и др.

Среднеязычные

Фонема д’ – среднеязычный шумный смычный палатализованный согласный. Его можно даже считать аффрикатой. В любой фонетической позиции не оглушается, всегда звонкий. Употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце: д’эвлэ ‘деревянный щит (фольк.)’, д’уурэһэндэй ‘ехать в поисках новостей (фольк.)’, эд’илэд’ид’эниллэ ‘изобразительное слово (о человеке смешном и несерьезном)’, н’адмад’илдай ‘собираться ехать навестить родственников’, һөлнэд’ ‘гость (издалека)’.

Фонема н’ – среднеязычный смычный носовой сонант. Употребляется во всех положениях в слове: н’ипчик ‘оружие (фольк.)’, н’ин-һэн ‘дерево без ветвей’, н’нэргэт ‘трава, растущая на кочке весной’, чбн’икаф ‘твердый снег’, һэнун’э ‘опасно’, һалган’ ‘пешком’, һимэчивээн’ ‘доской для крошения мяса’ и др.

Фонема й – среднеязычный шелевой срединный звонкий сонант. Употребляется во всех положениях в слове. В начале слова бывает только в сочетании с гласными переднего ряда самого нижнего подъема а, ä, поэтому его часто путают с дифтонгоидным гласным иа. Однако в березовском говоре согласный (й) произносится очень отчетливо, что побуждает считать, что этот согласный употребляется в начале слова: йамкүлэсандай ‘кашлянуть многозначительно’, йävчидай ‘ласти оленей (ночью)’, йарикаф ‘каменистые россыпи на скалах’, йасудай ‘одолжить’. Эту же точку зрения подтверждает то, что согласный (й) может быть и в постпозиции к (а): аймата-а (восклицание при страхе), айадай ‘любить’. В середине слова, если й стоит в интервокальном положении, сильно сонантируется, например: гвэйиңидэй ‘стоять не дыша (от страха или удивления)’, эйэн’э эйэн’из ‘(запев в фольклоре – не переводится)’. В середине слова перед согласными и в конце слова произносится почти одинаково, например: бэйиңунэдэй ‘идти охотиться’, қоңалдай ‘чернеть

(виднеться черному предмету)’. Фонема й встречается в середине слова в дублированном употреблении и тогда произносится очень отчетливо: һиҗинмэййон ‘разделявание его (о добыче)’.

Вариант фонемы л’. Как говорилось выше, переднеязычный шелевой боковой сонант л имеет вариант л’. Этот среднеязычный шелевой боковой сонант встречается только в середине слова, например: ил’тэкимэл’л’экэн ‘убегая, спасаясь от врагов (фольк.)’, тал’гин ‘глубокое место в реке’, ил’дэй ‘отдирать рукой шкуру (при свеживании)’, ал’тиңи ‘криворожий’ и др.

Заднеязычные

Фонема к – заднеязычный шумный смычный глухой согласный. Имеет увулярный вариант (см. ниже). Встречается во всех позициях в слове – в начале, середине и в конце: көпиэңэ ‘ложка, сделанная из рога горного барана’, күкүйдү ‘женский летний праздничный костюм’, уткучэн ‘капкан, ловушка (фольк.)’, кэңдэкэн ‘олень (картинообразный)’, миэмэк ‘корень рога оленя’, Гивэдэк ‘имя собственное (фольк.)’ и др.

Фонема г – заднеязычный шумный смычный звонкий согласный. В говоре, как и вообще в эвенском языке, встречается в двух вариантах (смычный и шелевой). Этот смычный вариант встречается в начале и в середине слова: гүландай ‘откочевать (арх.)’, галән ‘следы на снегу’, арабгин ‘личинка носоглоточного оленьего овода’, ул’гимин ‘вопрос’.

Вариантом фонемы г является заднеязычный шелевой шумный согласный (ҕ), который не встречается в начале, так же как г не встречается в конце слова. Шелевой вариант (ҕ) всегда употребляется в середине, в большинстве случаев в интервокальном положении, и в конце слова: бэҕэй ‘что-нибудь жирное, улитанное’, һүнтад’аҕандай ‘извиваться (о насекомых)’, һэмтэҕ’тающая от снега местность’, һумбирикэҕ ‘кочковатое, неровное место’. Данный вариант также употребляется в середине слова перед согласными, например: иҕд’ан’а ‘бурый с коричневатым оттенком (о масти оленя)’, һиҕлэддэй ‘крошить хвою для стельки’ и др’.

Фонема ң – заднеязычный смычный носовой сонант. Употребляется во всех положениях в слове – в начале, середине и в конце: ңоҕландай ‘блестеть (о волосах – фольк.)’, һйсудэй ‘доставить добычу с места охоты’, кэңкэй ‘котел (арх.)’, чэлэңидэй ‘виднеться красиво (о караване оленей)’, чимнэре ‘олень с белыми копытами’. Фонема ң в конечной позиции в слове становится ненапряженным смычным согласным: тинтиң ‘кайма’, һэалатиң ‘нижняя кайма пальто’, уң (вводное слово вместо слова ‘кто’).

Увулярный

Вариантом фонемы к является увулярный согласный қ. Он шумный смычный, встречается в слове с гласными твердого ряда. Употребляется во всех позициях в слове – в начале, середине и в

конце: қолали 'икра рыбы', қатандай 'одеденеть (о снеге)'; қуғун 'самодельный рубанок', қоқра 'разновидность ягеля', мирапкута 'олень ярко-лестрой масти', қоқ 'ой, холодно (фольк.)', чүк 'трава, растущая на кочке в гари' и др.

Фарингальный

В говоре имеется один фарингальный шумный шелевой согласный *h*. Он очень ограничен в употреблении, встречается только в начальной позиции: *hät* 'шкура со ступни оленя', *hasan* 'кость на основании шеи (олень)', *hän'iqachaq* 'поминки (арх.)'. Фарингальный *h* слегка палатализуется перед гласными *i*, *й*, *эа*, (*иа*): *himäwivun* 'доска для крошения мяса', *hüd* 'сухожилие (спинное)', *həaŋan* 'плохо слышащий', *həari* 'жующий' и др.

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОТЛИЧИЯ ГОВОРА

Употребление в слове тех или иных согласных в березовском говоре диктуется определенными позиционно-комбинаторными условиями, а также общеэвенскими закономерностями фонетической системы языка. На данном этапе в нашу задачу не входит описание всех этих закономерностей, ибо березовский говор как представитель восточного наречия имеет много общего с восточными говорами (18, с. 91–96) и литературным эвенским языком (33, с. 35–50). Отметим лишь его основные особенности:

- 1) в говоре 18 согласных фонем, из которых три имеют свои варианты: *к* – *к*, *г* – *г*, *л* – *л'*;
 - 2) фонема *н* не является шумным шелевым, как и в других говорах, а характеризуется как шелевой срединный сонант и в конце слова приобретает у-образный оттенок;
 - 3) свои особенности имеет и фонема *й*, характеризующаяся в говоре как шелевой срединный сонант;
 - 4) имеется одна аффриката, фонема *ч*;
 - 5) имеется только три пары согласных по звонкости и глухости: *п* – *б*, *т* – *д*, *к* – *г*, а не четыре, как в других говорах;
 - 6) несколько отличаются по дистрибуции согласные; во всех положениях в слове могут употребляться согласные *п*, *м*, *т*, *д*, *ч*, *н*, *д'*, *н'*, *й*, *к*, *ң* (*к*); в начале слова не употребляются согласные *с*, *в*, *л*, (*л'*), *р*, (*р*); в середине слова употребляются все согласные, кроме фарингального *h*, в конце слов не бывают *г*, (*л*), *h*; *б* и *д* оглушаются соответственно на *п* и *т*;
 - 7) согласные *м*, *ң* в конце слов становятся ненапряженными смычными;
 - 8) в начале и в конце слова не бывает стечения согласных, а в середине слова рядом может быть не более двух согласных.
- Все согласные фонемы могут быть удвоенными в середине слова, кроме согласных *п*, *в*, *н*.

СТРУКТУРА СЛОГА

Фонетическая структура слога в березовском говоре имеет свои отличительные черты, хотя в целом имеет те же общие закономерности, что и в других говорах (18, с. 87–88). В березовском говоре слоговая сегментация слова покоится на следующих закономерностях:

- а) если согласный предшествует гласному, то он относится к тому же слогу, что и гласный: *н'у-бу-кэ* 'тощий', *пэ-пэ-ңэ-йи* 'детскую люльку (фольк.)', *ку-ңа-қа-кән* 'ребенок', *һе-ким-чэ* 'летнее пальто из ровдуги' и др.;
 - б) если согласный не предшествует гласному, то он относится к слогу, куда входит предшествующий гласный, например: *тэлид-дэй* 'рыбачить (фольк.)', *ақ-ан-та-кий* 'к старшему брату', *Бур-гәң-чән* ('название местности') и др.;
 - в) слог, как и слово, не может начинаться и кончаться соседством двух согласных: *Чоқ-тә-раң-чи-дай* 'видеть как бы прицелься (образн.)', *қан-дал-бән-дай* 'двигаться с откинутой назад головой (образн.)';
 - г) слогообразующим элементом является гласный.
- В рамках этих общих закономерностей слова могут иметь от одного до одиннадцати слогов, и в любом случае слогообразующим элементом является гласный, например:
- односложное: *ё* 'скребок для выделки кожи', *й* 'толстая кишка', *ой* 'одежда', *эн* 'боль (физическая)';
 - двухсложное: *ку-ңа* 'ребенок', *ё-та* 'волна', *та-ла* 'там', *дил-бән* 'брюшина', *қал-ту* 'противоположная сторона внутренней части яранги', *кә-н'а* 'сваженка, отелившаяся двойней';
 - трехсложное: *кё-сэ-ңэ* 'большой нож, которым охотились на медведя (арх.)', *көң-кән-д'э* 'ведро (большое)', *нэр-гу-кэ* 'зеленые ветки хвой';
 - четырёхсложное: *му-қал-ра-қағ* 'кочковатое место', *ти-кёр-гё-дэй* 'сидеть (о солнце), оседать', *н'ё-мэл-чи-дэй* 'выскочить, выйти быстро';
 - пятисложное: *мэ-ду-кэл-ди-вун* 'предупредительный знак, сигнал', *һи-руң-чив-кән-дэй* 'скатить что-либо с горы', *һэт-кэ-чид'ил-дэй* 'начать падать, упасть';
 - шестисложное: *а-су-қан-д'и-қал-сән* 'как бы не рассердить' (вам), *н'ад-мағ-ра-д'ил-ри-тән* 'начали ездить в гости к родным';
 - семисложное: *мут-дэ-кэ-нэ-мэл-чид-дән* 'быстро идет (о невысоком толстом человеке)', *ой-чи-қә-чй-д'ил-ри-тән* 'начали карабкаться вверх';
 - восьмисложное: *дэ-рём-кэ-сэс-чил-рэ-кэ-тән* 'когда они только хотели немножко отдохнуть', *мэ-рэл-дән-кэ-чид-дэл-тэ-ки* 'к тем, которые кружились и вертелись';
 - девятисложное: *у-та-лу-қә-чи-д'ил-лёт-ти-тән* 'неоднократно, повторно они объясняли';

десятисложное: таң-кә-чис-чи-д'ил-со-вāt-тāн-та-қāн 'каждый раз начинал пытаться пересчитывать (хотя он никогда не смог бы пересчитать)';

одиннадцатисложное: ол-ги-ка-чис-чи-д'ил-со-ри-вāt-никар 'начиная пытаться высушивать по одной каждую рубашку (зная, что может из этой попытки ничего не получиться)', нул-гэ-вэ-чис-чи-д'ил-лу-кән-со-дэ-вур 'вероятно, только пытаться заставить продолжать кочевать' и др.

Если считать частицы, то слова могут иметь до тринадцати слогов (23, с. 97-98).

Слог может начинаться и оканчиваться на краткий, долгий гласный, дифтонгоид и одиночный согласный (за исключением согласных, которые не бывают в начале и в конце слова).

Граница слога в слове может изменяться и не совпадать с границами морфологических частей слова.

ОСНОВНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ БЕРЕЗОВСКОГО ГОВОРА СРАВНИТЕЛЬНО С ДРУГИМИ ГОВОРАМИ

Прежде всего следует отметить особое фонетическое оформление слова в речи, которое заключается в строгом соответствии сочетания гласных и согласных звуков. Основную суть его можно выразить так: если в корне слова есть фонемы а или ā, то в следующих словах этого слова не могут быть гласные э, ē и шумный смычный заднеязычный согласный к, или наоборот, если в корне слова есть фонемы э, ē, то в следующих слогах этого слова не могут быть гласные а, ā и шумный смычный увулярный қ. Эту закономерность, исключающую сочетания гласных и согласных одного фонетического ряда с гласными и согласными другого фонетического ряда, можно было бы назвать законом гармонии звуков речи. Под воздействием этого закона появились "твердые" варианты гласных фонем й, ī, ū, ū, также увулярный вариант фонемы к - шумный смычный қ. Закон гармонии звуков речи виден, например, ниже:

мягкий ряд: кәкүчэйэкән 'кукушечка'

твердый ряд: қайқайқан 'шечок'.

Березовский говор входит в состав восточного наречия, поэтому кроме вышеуказанного расхождения в области фонетики незначительны. Но все же они есть. Для сравнения сделаем несколько сопоставлений с наиболее подробно описанным К.А. Новиковой ольским говором, положенным в основу эвенского литературного языка.

1. В ольском говоре 18 гласных и 17 согласных фонем, а в березовском - 14 гласных и 18 согласных.

2. В ольском говоре последовательно проявляется губная ассимиляция кратких и редуцированных гласных под влиянием губных гласных у, ū и губно-губных согласных, например:

ольский	березовский	
бул'ун	бул'я (бульи)	'враг'
ав'уқи	ав'аски (авыски)	'куда'

3. В ольском говоре наблюдается исчезновение шелевых согласных в, ɸ, й в положении между гласными, а в березовском - нет, например:

ольский	березовский	
маут	мавут	'аркан'
тууни	туғәни	'зима'
дәи	дәби	'птица'

4. В березовском говоре шелевые согласные в, ɸ в конце именных и глагольных основ не исчезают, как в ольском: ол.б'у 'мир', 'природа', а в березовском буɸ.

5. В ольском говоре имеются фарингализованные гласные й, ī, ū, ū, а в березовском они являются вариантами гласных фонем (и, ī, у, ū).

6. Гласный ие ольского говора соответствует березовскому из.

7. Гласный æ ольского говора соответствует березовскому эа, на.

8. В березовском говоре имеет место своеобразное стечение гласных (эб, уā, уо-а, эй, эи), которого нет ни в ольском, ни в литературном.

Поскольку березовские эвены относятся к эвенам Якутии, интересно дать некоторые характерные сравнения, показывающие основные особенности березовского говора с данными других говоров эвенов Якутии. Для сравнения возьмем известную работу "Язык эвенов Якутии" В.Д. Лебедева (Л., 1978) с описанием д.-ч. говора.

1. Д.-ч. говор Бер. говор

һэлы	һэл	'железо'
аһи	аси	'женщина'
ниһа	ниса	'бисер'
чаачаһ	чāчас	'лещ'
мундукаһ	мунрукас	'заячья шкурка'

Отсюда видно, что для д.-ч. говора характерна полная спирантность, т.е. соответствие һ - с. А для березовского говора такое соответствие характерно только в начале слов.

2. В березовском говоре сочетания согласных мр, лр, нр, соответствует в д.-ч. говоре мд, лд, нд, нд.

Д.-ч. говор	Бер. говор	
амдани	амрани	'отчим'
олды	олра	'рыба'
нанды	нанра	'шкура'
һанды	һаһра	'черный'

3. В д.-ч. говоре отмечена метатеза конечного *h* из последующего слога в предшествующий, которая полностью отсутствует в березовском говоре.

Д.-ч. говор	Бер. говор	
эһкы	экэс	'чешуя'
бөһкы	бөкэс	'лед'

Даже эти приведенные данные показывают, что березовский говор стоит особняком среди говоров эвенков Якутии.

О ЧЕРК МОРФОЛОГИИ

В структурном отношении слова в березовском говоре состоят из морфем двух разрядов: полнозначных и служебных (неполнозначных). К полнозначным относятся корни (основы), к неполнозначным — суффиксы, послеслоги, частицы. Как и в литературном эвенском языке, выделяем десять частей речи:

а) знаменательные — имя существительное, глагол, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие; б) служебные — послеслоги, частицы, в) междометия, звукоподражательные слова.

В основе деления словарного состава говора на эти части речи лежат семантический и грамматические признаки, которые в совокупности характеризуют ту или иную часть речи.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Основообразование

Основу словарного состава березовского говора составляют определенное количество лексем, производных с точки зрения современного состояния и имеющих параллели в других говорах эвенского языка. Это названия жизненно важных реалий, природных явлений и некоторых понятий, связанных с духовной и прикладной культурой эвенков. Однако с точки зрения образования существительных эти тематические группы не представляют единой системы. Поэтому производные имена условно подразделяем на *отыменные* и *отглагольные*. Основным способом словообразования является суффиксальный способ.

Отыменные существительные

Имена существительные образуются от других имен посредством следующих суффиксов:

—к. При помощи этого суффикса образуются имена лиц, например: *мáта-к* 'зять', *н'имэк* 'сосед'.

—рук. Образует названия оленей по названиям предметов, перевозимых в перекочевках, например: *бэбэ-рук* 'олень, везущий детей в люльке', *чóра-рук* 'олень, везущий жерди яранги', *һиэнку-рук* 'олень, везущий покрышки яранги'.

—сак/—сэк. Образует названия одежды, например: д'угасак 'летняя одежда', тугэ—сэк 'зимняя одежда', удэ—сак 'дождевик'.

—с. Образует названия шкур от названий зверей и животных, например: онаки—с 'шкура росомы', нэгдэкэ—с 'шкура медведя', энэ—с 'шкура оленка'.

—т. Образует названия предметов, представляющих органическое сочетание отдельных единиц, не встречающихся поодиночке (28, с. 74), например: н'иэргэ—т 'трава, растущая на кочке', һйвэ—т 'вечнозеленое растение', гакэ—т 'растение, растущее на горе', коңна—т 'трава, растущая на берегу горных озер' и др. Этим же суффиксом оформляются слова, неразложимые с точки зрения современного состояния, например: ббай—т 'женский пояс', дуэ—т 'верхняя часть самого длинного ответвления рога оленя', чаңа—т 'кочевка', қалра—т 'целиком', гүду—т 'высокая гора' (от слова гүд 'высокий').

—ми. Образует названия предметов по материалу, например: мбми 'одноместная лодка', булат—ми 'платье из ткани', нисами 'расшитые бисером унты' и др. Однако этим же суффиксом оформлены ныне неразложимые слова, например: кэа—ми 'мамонт, бивень мамонта', өкэр—ми 'ягель', чэми 'шнур передника'.

—пән/—пэн, —тән/—тэн. Образуют названия предметов, напеваемых на что-либо, соприкасающихся с чем-либо, например: ун'и—пэн 'наперсток', биле—пэн 'браслет', билгалән 'ошейник', тиңэ—тэн 'подпруга вьючного седла' и др. В некоторых словах этот суффикс неразложим, например: һилэ—пэн 'верхняя половина передника', эйэ—пэн 'отросток заднего ответвления рога оленя'.

—пу. При помощи этого суффикса образуются слова, клички оленей по масти, причем все связанные с белой мастью, например: һас—пу 'белый олень с темной шерстью вокруг глаз', кэвэ—пу 'олень с белым пятном на нижней челюсти', ун'капу 'олень с белым кольцом на шерсти задней ноги', урэ—пу 'олень с белым брюхом', оңапу 'беломордый олень'.

—ру, —рә, —р. Образует клички оленей по масти, у которых контрастный цвет масти, например: бу—рә 'олень бело-темной масти (с преобладанием белого)', һилэ—р 'олень белый с пестринкой', һэвэ—ру 'олень светловатой масти с белыми пятнами на морде или челюсти', чүлба—ра 'олень с отчетливой линией смены цвета масти'.

Суффиксы —г (—ҕ), —қаҕ (—кэҕ), —саҕ/—сэҕ образуют существительные, обозначающие местность, богатую растительностью, или ландшафт, представленные основой слова, например: бурга—ҕ 'заросли тополя', һичкэ—ҕ 'заросли шиповника', чылбу—қаҕ 'березовая роща', д'ола—каҕ 'каменистое место', һэм—тэҕ 'местность с тающим снегом', һумбри—кэҕ 'неровная местность'.

—лта/—лтэ. Обозначает совокупность предметов, расположенных вертикально и горизонтально или находящихся в определенном направлении, например: ойил—та 'предметы, расположенные один поверх другого (столбик)'; улбу—лтэ 'цепочки, расположенные один за другим', чәски—лта 'один другому передавая дальше'.

—ки. Образует названия зверей и грызунов, например: она—ки 'росомаха', чйли—ки 'бурундук', у—ки 'самка собаки' и др.

—лқан/—лкэн. Образует названия одушевленных предметов, например: н'дри—лқан 'хищник (арх.)', бэлти—лкэн 'ребенок (арх.)', эрукә—лқан 'насекомое'.

—һа/—һэ. Образует названия животных и птиц, например: кербэ—һэ 'самец лося', ана—һа 'горный баран до года', чөкчэһэ 'кулик'.

—с, —са/—сэ. Образуют существительные, обозначающие совокупность отдельных частей какой-либо массы, например: нү—с 'копоть', һиңэ—с 'иней', экэ—с 'рыбья чешуя', д'ал—сә 'слина', им—сә 'жир', н'аң—сә 'грязь'.

—ра/—рэ. При помощи этого архаического суффикса образуются неодушевленные существительные и названия рыб, например: ог—ра 'клин под мышкой', қоқ—ра 'разновидность ягеля', һүд'анра 'ленок', ол—рә 'рыба', һул—рә 'одеяло', олрә 'рыба', ул—рә 'мясо', нан—рә 'шкура', имән—ра 'снег'.

—к/—кэ. Образует названия предметов, связанных с посудой, например: судэ—к 'ящик для чайной посуды', кубэ—к 'чайник заварной'.

—н. Образует названия различных предметов, например: нүн—н 'задние длинные рога оленя', үкэ—н 'блюде, сделанное из березы', һасә—н 'кость у основания шеи оленя', чи—н 'особо густо нарощенные ветки на дереве'.

—нд'а/—нд'э. При помощи этого суффикса образуются клички оленей, например: һаңра—нд'а 'чернявый', бэчэ—нд'э 'переболевший копыткой'.

Непродуктивными суффиксами —суй, —дэн, —ңи, —лэ, —йда образованы существительные: гә—суй 'половина' (от слова гад 'половина'), ур—дэн 'серединная часть нижней половины передника' (от слова ур 'живот'), алик—ңи 'сковрик, сшитый из шкуры головы', кэвэ—лэ 'рыболовная морда' (от слова кэвэ 'нижняя челюсть'), қалту—йда 'место в яранге напротив очага' (от слова қалту 'без соседей в яранге'), часть яранги, не имеющей остова, покрытая ровдугой'.

—қа, —лрә, —ти, —кэн. Образуют существительные, связанные с оленем и его шкурой, например: һат—и—қа 'унты с подошвой, сшитой из шкуры со ступни оленя', чүри—қа 'олень особой белой масти', һөйэ—лрә 'шерсть с шеи оленя', н'йчэ—лрә 'облинявший олень', һаң—ти 'олень темно-серой масти', мән—ти 'олень темноватой масти с белыми оттенками спереди', кэндэ—кэн 'картинообразный олень'.

—кэн/—чэн. Образует существительные со значением предмета для ловли или прикрытия, например: келтиру—кэн 'прикрытие из ровдуги в яранге', утку—чэн 'капкан, ловушка'.

гә/—ҕэ. Образует слова, обозначающие понятия родства, например: н'ә—ҕэ 'двоюродный брат, двоюродная сестра', өйи—ҕэ 'жена старшего брата'.

—ди. Образует слова, обозначающие, откуда происходит данный одушевленный предмет, например: исаҕ—ди 'дух леса' (фольк.), лесной', тәҕэ—ди 'пришел издалека'.

—лән/—лэн. Образует названия различных предметов, например: бй—лән 'запастье', чү—лән 'оставленный на время (вещи, добыча)', намда—лән 'олень с пестрой спиной'.

-кай/-кэй/-бэй. Данный суффикс тоже когда-то был словообразовательным, отыменным, например: б-кай 'самогон из грибов (арх.)', кэу-кэй 'котел (арх.)', бэ-бэй 'кто-то упитанный, жирный'.

Здесь приведены не все отыменные суффиксы, а лишь наиболее употребительная часть.

Отглагольные существительные

Утверждение В.И. Цинциус, что „группа отглагольных существительных весьма разнообразна и является особенно продуктивной“, полностью относится и к березовскому говору эвенского языка (28, с. 54). Отглагольные суффиксы — наиболее продуктивная и употребляемая часть суффиксов. Верно и то, что их следовало бы сгруппировать по основным значениям, например „имя деятеля“, „имя процесса“, „имя действия“ и т.д., для выяснения, как в языке классифицируются предметные и иные представления. Однако мы не ставим такой цели, поэтому дадим только общий обзор наиболее характерных в говоре отглагольных суффиксов.

-нмай/-нмэй. Образует название и место действий, например: бэйдэч-и-нмэй 'лечение', д'авуч-и-нмай 'ручка (чего-нибудь)', тэг-э-нмэй 'стул'.

-мнэ/-мнэ. Образует имя деятеля, например: ораччи-мнэ 'оленьевод', бэйдэчи-мнэ 'врач, фельдшер'.

-лдивун. С помощью этого суффикса образуются от глагольных основ существительные со значением орудия предмета, например: буйус-и-лдивун 'оружие охоты', бэйдэч-и-лдивун 'то, чем лечатся'.

-н. Образует название действий, например: там-а-н 'плата', һоу-а-н 'плач'.

-та/-тэ. Образует существительные, характеризующие склонность или постоянную привычку лица, например: мула-та 'скряга', һоу-а-та 'плакса', куси-тэ 'драчун'.

-мкин, -кич. Образуют существительные, показывающие место действия, например: нулгэ-мкин 'след кочевки', мёли-кич 'место, где берут воду'.

-нхэ/-нхэ. Образует существительные, означающие имя деятеля, например: ари-нхэ 'черт', учи-нхэ 'сплетник'.

-на/-нэ. Образует существительные, являющиеся результатом действий, указанных глагольной основой, например: гиг-нэ 'кусочек', умив-на 'куча'.

-ка/-кэ. С помощью этого суффикса образуются слова, обозначающие предметы, которыми пользуются при данном действии, например: тире-кэ 'жердь, укладываемая поверх покрышки яранги', эвикэ 'игрушка'.

-д'ак/-д'эк, -чау/-чэк, -лак/-лэк, -сау/-сэк. С помощью этих суффиксов образуются существительные, показывающие место действия, например: д'ава-д'ак 'поймка оленей', д'эбэд'эк 'столовая', бэбэдэ-чэк 'больница', би-лэк 'поселок', мёсау 'место убоя', алэ-чау 'место ожидания'.

-вун/-ун. Образует слова, показывающие орудия или приспособления к действию, указанному основой глагола, например: һимэчи-вун 'доска (из рога барана) для крошения мяса', эр-ун 'лопата деревянная'.

-қа, -кэ, -к. Образуют названия предметов, связанных с действием, указанным основой глагола, например: токуру-қа 'подпорка', нэргу-кэ 'сухие ветки (раскрошенные)', чахаб-а-кэ 'собрание', эл-бэ-к 'полог'.

-тиң. Образует названия различных соединений, покрышек, подставок, например: нипкэ-тиң 'пробка', элбэ-тиң 'покрышка для яранги', тери-тиң 'подпорка' и др.

Названия различных предметов образуются от глагольных основ с помощью суффиксов -мчэ, -нхэ, -ндэ, -са, -кэ, -ки, -и, например: һёки-мчэ 'летнее мужское пальто', н'учи-нхэ 'лучина', тэкрэ-ндэ 'украшения в виде полоски', ул-са 'трясина, мягкий грунт', бэлтэ-кэ 'дитя (арх.)', ул'чи-ки 'толстый аркан'.

-нрэ. Образует существительные, являющиеся результатом действия, например: дулги-нрэ 'полоска, окрашенная ольховой краской', од-а-нрэ 'новая шерсть (об облившем олене)'.

-тин. Образует существительные, обозначающие украшения, например: тини-тиң 'кайма', нэала-тиң 'нижняя меховая кайма (пальто передника)', гилби-тиң 'нижний край украшений одежды' и др.

Категории существительных

Как и в литературном эвенском языке, именам существительным березовского говора присущи грамматические категории числа, принадлежности, склонения.

Категория числа

Грамматическая категория числа существительных в березовском говоре реализуется двумя грамматическими значениями: единственного и множественного числа. Вопрос о категории числа в эвенском и других тунгусо-маньчжурских языках достаточно подробно описан (3, с. 8, 28, 33, с. 83-86; 32, с. 82; 18, с. 125-130; 14, с. 43-44; 15, с. 37-39). В березовском говоре понятия единственного и множественного числа по содержанию несколько отличаются от подобных категорий, например, русского языка. Дело в том, что существительные без показателя числа вне контекста не содержат в себе указаний на число. Некоторые существительные без показателя числа содержат понятие вида, рода предметов, например: орат 'трава' (общее название), тэвтэ 'ягода' (общее название). В этих случаях имеются в виду множество, совокупность. Когда говорим оратал (мн.ч) 'травы', тэвтэл (мн. ч.) 'ягоды', имеется в виду не штучность их, а разнообразие видов. Некоторые существ-

вительные без показателя числа содержат понятие штучности, например: оқат 'река', теңэр 'озеро', ңин 'собака', если они употреблены в конкретных ситуациях, а вообще они не содержат понятия числа, например: Д'олчан дэрэндулэн ңонаммбэснн Һивэттэн 'В верховьях реки Летняя не растут длинные деревья'. В этом предложении слово мō 'дерево' (ед. ч.) употреблено в значении множественного числа. В связи с этим для березовского говора было бы более подходящим назвать грамматическую категорию числа не „единственным“ и „множественным“ числом, а категорией е д и н и ч н о с т и и м н о ж е с т в е н н о с т и. В этом случае к категории числа можно было бы причислить и такие, например, формы, как һан'ин (ед.) 'дым (костра, печки)' – һан'инда (мн.) 'совокупность дыма (при пожаре)'; һивэт (ед.) 'хвош' – һивэҕ (мн.) 'совокупность хвоша (заросли)', удан (ед.) 'дождь' – уданра (мн.) 'дожди (совокупность дождливых дней)' и др.

С точки зрения формально-грамматической по выражению категории числа в березовском говоре существительные образуют следующие группы.

1-я группа – существительные, обозначающие единичность, т.е. единственного числа, не имеют морфологических показателей. Они делятся на: а) существительные, не имеющие морфологических показателей множественности,

б) существительные, имеющие показатели множественности. К первой группе относятся следующие разряды существительных: явления природы, существующие в единственном числе: н'блтэн 'солнце', н'ан'ин 'небо', атқиқан (у сиверской группы) 'луна', бэаҕ (у нитчанской группы) 'луна' и др.;

неделимые и не имеющие счета существительные: экэн 'молоко', иманра 'снег', мō 'вода' и др.; названия некоторых металлов: туд' 'олово', чйрит 'медь', мэнҕэн 'серебро' и др.

2-я группа:

а) существительные, оканчивающиеся на гласный звук, у которых множественность образуется с помощью суффикса -л: эткэ 'нож' (арх.) – эткэл 'ножи' (арх.), уркэ 'дверь' – уркэл 'двери';

б) большинство существительных, оканчивающихся на согласный, за некоторыми исключениями образуют множественность посредством суффикса л с соединительными гласными а, э, и, например: оқат 'река' – оқат-а-л 'реки', билэк 'поселок' – билэк-э-л 'поселки', д'ол 'камень' – д'ол-а-л 'камни', һунакич 'пила' – һунакич-и-л 'пилы'; д'үрэд'и 'невеста' – д'үрэд'ил 'невесты';

в) существительные, оканчивающиеся на -н (неусеченные основы на н), у которых при образовании множественности конечные согласные н ассимилируют в -р; гёткэн 'щука' – гёткэр 'щуки', әвун 'шапка' – әвур 'шапки', оран 'олень' – оран 'олени';

г) имена существительные с особыми формами множественности (33, с. 84–86). В списке, приведенном В.И. Цияцус, не всё совпадает с данными описываемого говора, например: энэйэ 'богач'

– энэйэ-л 'богачи', һуңи 'хозяин' – һуңил 'хозяева' (в лит: әңзесэл, хуңисэл). Однако до сих пор это наиболее полный список слов. В березовском говоре к этой группе относятся существительные с четырьмя типами окончаний: -рэл, -сэл, -нил, -тил, например: һут 'ребенок' – һу-рэл 'дети', бэҕэн 'начальник' – бэ-гэсэл 'начальники', ақан 'старший брат' – ақ-нил 'старшие братья', аман 'отец' – ам-тил 'отцы, братья'.

Итак, категория числа существительных в березовском говоре представляет бинарную оппозицию, сильным членом которой является множественность.

Категория принадлежности

Эта грамматическая категория, показывающая принадлежность предмета тому или иному лицу, в березовском говоре не имеет существенных отличий от литературного языка и других говоров (3, с. 10–14; 33, с. 136–148; 18, с. 141–152; 14, с. 50–51; 15, с. 44–46; 4, с. 13). Форм принадлежности в березовском говоре несколько. Все они выражены морфологически.

1. Лично-притяжательные формы указывают на принадлежность предмета 1-му, 2-му и 3-му лицу.

2. Безлично-притяжательная форма обозначает собственность подлежащего (субъекта действия).

3. Относительно-притяжательная форма показывает принадлежность чего-либо кому-либо и оформляется суффиксом -ң-, например: һин дил-а-ң-а-с 'голова (убитого зверя), принадлежащая тебе', ср. с лично-притяжательной формой: дил-а-с 'твоя (собственная) голова'.

В березовском говоре в отличие от литературного эвенского языка и некоторых диалектов (33, 15, 11, 12) относительно-притяжательная форма не образуется от таких слов, как оқат 'река', оран 'домашний олень', ңин 'собака' и др., а образуется преимущественно от существительных, обозначающих одушевленные предметы или существа, не могущие быть собственностью говорящего лица. Например, эта форма может образоваться от существительного буйун 'дикий олень' (буйуну), а от существительного оран 'домашний олень' не образуется (не говорят: оран-ң-у), так как живой дикий олень (буйун) не может быть собственностью говорящего лица (он ничей), а домашний олень (оран) может быть собственностью говорящего лица.*

4. Самостоятельно-притяжательная форма обозначает существительные, которые являются чьей-нибудь собственностью. Они образуются с помощью суффикса -ңи, например: этикэ-ңи 'собственность старика', куңа-ңи 'собственность ребенка', аси-ңи 'собственность женщины' и др.

* У В.Г. Богораза: орон – орол (3, с. 8).

Таблица 3

Единственное число

Тип основы	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Основы на гласный турки 'нарта'	турки-в	турки-с	турки-н
Основы на согласный дил 'голова'	дил-у	дил-а-с	дил-а-н
Неусеченные основы на н, эмгун 'седло'	эмгу-му	эмгун-си	эмгун-ни
Основы на мн.ч. нэлэкэл 'мешки'	нэлэкэл-бу	нэлэкэл-си	нэлэкэл-ни

В материалах проф. В.Г. Богораза по „колымско-омолонскому“ говору довольно точно приводятся лично-притяжательные и относительно-притяжательные формы существительных, называемые им соответственно первым и вторым способом (З, с. 11). Интересны его рассуждения относительно разницы этих притяжательных форм. „По первому способу (лично-притяжательные. — В.Р.) образуются притяжательные формы слов, — пишет он, — обозначаящие степень родства, части человеческого тела и, далее, предметы личного употребления: обувь, одежду, оружие, также жилище, скот и т.д. По второму способу образуются притяжательные формы тех предметов, владение которыми имеет более отдаленный характер, напр.: объекты охоты и других промыслов, предметы торговли и т.д.“ (З, с. 11).

Категория склонения

Все имена существительные в составе предложений выступают в форме различных падежей. Совокупность падежей и их форм составляет склонение. В зависимости от особенностей падежных форм в эвенском языке установлены различные типы склонений (З, с. 7-16; 33, с. 87-97; 18, с. 152-166). В березовском говоре, как и в литературном эвенском языке, каждый падеж, кроме именительного, морфологически выражается особыми суффиксами.

Именительный падеж отвечает на вопрос *ий?* 'кто?' *йақ?* 'что?', во мн. числе соответственно *ийэ* 'кто?' *йа́л?* 'что?' и является исходной формой для образования других падежей. Он имеет нулевой показатель, в предложении выступает в различной роли.¹

¹ Роль в предложении и основные значения падежей, общие для эвенского языка. Они описаны в литературе (33, с. 92-97; 18, с. 152-157).

Таблица 4 Множественное число

Тип основы	1-е лицо (искл.ф.)	1-е лицо (вкл.ф.)	2-е лицо	3-е лицо
Основы на гласный турки 'нарта'	турки-вун	турки-т	турки-сан	турки-тан
Основы на согласный дил 'голова'	дил-а-вун	дил-а-т	дил-а-сан	дил-а-тан
Неусеченные основы на и, эмгун 'седло'	эмгу-мун	эмгун-ти	эмгун-сэн	эмгун-тэн
Основы на мн.ч. нэлэкэл 'мешки'	нэлэкэл-бун	нэлэкэл-ти	нэлэкэл-сэн	нэлэкэл-тэн

Винительный падеж отвечает на вопросы *ийу?* 'кого?', *йав?* 'что?', во мн. числе соответственно *ийэйлбу* 'кого?', *йалбу* 'что?'. Образуется с помощью -в, -у, -м, -бу. Этот падеж является падежом прямого объекта.

Дательный падеж отвечает на вопросы: в ед. числе *ийду?* 'кому?', *йаду* 'чему?', во мн. числе — *ийэйлду?* 'кому?', *йалду?* 'чему?' (многим). Образуется с помощью суффикса -ду (-ту).

Направительный падеж отвечает на вопросы: в ед. числе *ийтки?* 'в направлении кого?', *йатки?* 'в направлении чего?', во мн. числе *ийэйлтаки?* 'в направлении кого (многим)?', *йалтаки?* 'в направлении чего?' (многим)?'. Образуется с помощью суффикса -таки/-тэки (-тки).

Местный падеж отвечает на вопросы: в ед. числе *ийлэ?* 'у кого?', *к кому?*, *йала?* 'на чем?', *в чем?*, во мн. числе — *ийэйлэ?* 'у кого?', *к кому?* (многим), *йалдула?* 'на чем?' (о многих), 'в чем (о многих)?', а также отвечает на вопрос *илэ?* 'где?'. Образуется с помощью суффиксов -ла/-лэ, -на/-нэ, -дула/-дулэ.

Продольный падеж отвечает на вопросы *ийли?* 'по кому?', *за кого?*, *йали?* 'по чему?', *через что?*, *за что?* (в ед. числе) и *ийэйли?* *ийэйлдули?* (во мн. числе). Формантами данного падежа являются суффиксы -ли, -ни, -дули.

Направительно-местный падеж отвечает на вопросы *ийклэ?* 'до кого?', *йакла?* 'до чего?' в ед. числе и *ийэйклэ?*, *йалакла?* во мн. числе *ирэклэ?* 'до каких пор?', *асуқла?* 'до какого места'. Образуется эта падежная форма с помощью суффиксов -кла/-клэ, -а-қла/-э-клэ.

Направительно-продольный падеж отвечает на вопросы *ийкли?* 'до кого?', *йақли?* 'вдоль чего?', *до чего?*, *по какое место?* в ед. числе и *ийэйкли?* 'до кого?' (мн. числе), *йалақли?* 'до чего?', *вдоль чего?* во мн. числе. Образуется с помощью суффиксов -кли, -а-қли/-э-кли.

Отложительный падеж отвечает на вопросы *ийдук?* 'от кого?', *по сравнению с кем?*, *йадуқ?* 'от чего?', *по сравнению с чем?* в ед. числе и *ийэйдук?* 'от кого?' (о многих), *по сравнению с кем* (о многих)?, *йалдук?* 'от чего?' (о многих), *по сравнению с чем* (о многих)? во мн. числе, *идук?* 'откуда?'.

Таблица 5

Безлично-притяжательная форма

Число	Основа на гласный, тэти 'пальто'	Основа на согласный, мавут 'аркан'	Неусеченные основы на н, хиркал 'нож'	Основы во мн. числе, мэнгэрэл 'выючные мешки'
Ед.	Тэти-й	Мавут-и	хирка-ми	Мэнгэрэл-би
Мн.	Тэти-вур	Мавут-ур	хирка-мур	Мэнгэрэл-бур

Отложительный падеж образуется посредством суффикса -дук/-тук.

Исходный падеж отвечает на вопрос *үйгич?* 'со стороны кого?', *авгич?* 'с какой стороны?', *идук?* 'откуда?'. Эти же вопросы и во мн. числе: *үйгич?* Этот падеж образуется при помощи суффикса -кич/-гич и его фонетических вариантов.

Творительный падеж отвечает на вопрос *йāч?*, *йāл'и?* 'чем?', с помощью чего?', *үйч?* 'кем? (в ед. числе)' и *йāл'и?*, *үйгич?* 'чем?', кем?'. В обстоятельственных значениях отвечает на вопросы *өн* 'как?', *каким образом?*, *адич?* 'сколькими?' и др. Образуется посредством суффиксов -ч, -л'и.

Совместный падеж отвечает на вопросы *үйн'ун?* 'с кем?', *йāл'ун?* 'с кем?', с чем?', *йāлн'ун?* 'с кем?', с чем?', *үйгич'ун?* 'с кем?', *үйгли?*, *үйгичли?*, *йāчил?*, *йāлчил?* 'с кем?'. Образуется с помощью суффиксов -н'ун, -гли, -чил.

В данном говоре также имеется **назначительный** падеж при склонении имен в притяжательной форме. Назначительный падеж отвечает на вопрос *йаган* 'для кого что?'. Эта форма употребляется только в притяжательном склонении и поэтому изменяется по лицам. В связи с этим видоизменяется и вопрос падежа: *йāгау?* 'для меня что?', *йāгақас?* 'для тебя что?', *йāгақан?* 'для него что?' и т.д. Назначительный падеж образуется с помощью суффикса -га/-гэ (-йа/-йэ, -қа/-кэ).

В целом березовский говор по системе падежных форм стоит ближе к ольскому говору, отличаясь от него деталями, а от других говоров эвенов весьма существенно; так, например, в охотском диалекте отмечается наличие только десяти падежей (15, с. 40). На первый взгляд по количеству падежей совпадают охотский диалект и колымско-омолонский говор (3, с. 7-8). Здесь заметим, что В.Г. Богораз привел только наиболее употребительные формы падежей, фактически же в колымско-омолонском говоре имеется 13 падежей в притяжательном склонении.

Склонение существительных в березовском говоре отличается от литературного языка более частым употреблением форм совместного падежа с суффиксами -гли, -чил. Форма совместного падежа с суффиксом -гли употребляется при именах собственных: Пачагли 'с Павлом', Огдагли 'с Дусей', Машагли 'с Машей' и т.д., а суф-

Таблица 6 Относительно-притяжательная форма

Лицо, число	Основы на гласный, нанра 'шкура'	Основы на согласный, кэндэт 'лопатка'	Неусеченные основы на н, н'иқан 'шея' (животного)	Основы во мн. числе, эсәлал 'шкурки ног'
Ед. число	1-е лицо нанра-н-у 2-е лицо нанра-н-а-с 3-е лицо нанра-н-а-н	кэндэт-э-н-у кэндэт-э-н-а-с кэндэт-э-н-а-н	ниқа-н-у н'иқа-н-а-с н'иқа-н-а-н	эсәл-а-н-а-л-бу эсәл-а-н-а-л-си эсәл-а-н-а-л-ни
Мн. число	1-е лицо (искл.ф.) нанра-н-ун 1-е лицо нанра-н-а-т 2-е лицо нанра-н-а-сан 3-е лицо нанра-н-а-тан	кэндэт-э-н-ун кэндэт-э-н-а-т кэндэт-э-н-а-сан кэндэт-э-н-а-тан	н'иқа-н-ун н'иқа-н-а-т н'иқа-н-а-сан н'иқа-н-а-тан	эсәл-а-н-а-л-бун эсәл-а-н-а-л-ти эсәл-а-н-а-л-сан эсәл-а-н-а-л-тан
Безличные	ед.ч. нанра-н-и мн.ч. нанра-н-ур	кэндэт-и-н-и кэндэт-и-н-ур	н'иқа-н-и н'иқа-н-ур	эсәл-а-н-а-л-би эсәл-а-н-а-л-бур

фикс -чи/-чил употребляется в существительных, обозначающих родственную терминологию: *этэчил* 'с педушкой', *атачил* 'с бабушкой', *аманчил* 'с отцом', *анинчил* 'с матерью'. Данный суффикс непоследовательно употребляется с названиями домашних животных по сравнению с ольским говором (18, с. 153-154). В березовском говоре широко употребляются такие существительные, как *үйчикчи* 'со своим ездовым оленем', *нинчил* 'со своей собакой', *оралчил* '(он) со своими оленями' и т.д., но в единственном числе в слове *оран* 'олень' данный суффикс не употребляется. В то же время данный суффикс совместности могут принять некоторые собственные имена, что до сих пор не отмечено ни в одном говоре, например: *Микко Н'элтэкчил* *Қадақчантаки* *тишив нүддитан* 'Коля с Нелтэк [имя девушки] вчера откочевали в Кадакчан [название местности]'.²

Типы склонений

По падежным окончаниям единственного числа имена существительные, как и в литературном языке, можно разделить на несколько типов склонений.

I. Существительные, оканчивающиеся на любой гласный;

Им.	уркэ	мō	уси
Вин.	уркэ-в	мō-в	уси-в
Дат.	уркэ-ду	мō-ду	уси-ду
Направит.	уркэ-тки	мō-тки	уси-тки
Местн.	уркэ-лэ	мō-ла	уси-лэ
Продольн.	уркэ-ли	мō-ли	уси-ли
Направит.-местн.	уркэ-клэ	мō-кла	уси-клэ
Направит.-продольн.	уркэ-кли	мō-кли	уси-кли

Отложит.	уркэ-дук	мб-дук	уси-дук
Исходн.	уркэ-гич	мб-гич	уси-гич
Творит.	уркэ-ч	мб-ч	уси-ч
Совм.	уркэ-н'ун	мб-н'ун	уси-н'ун

II. Существительные, оканчивающиеся на гласный, обозначающие родственную терминологию:

Им.	этэ	ата	нб
Вин.	этэ-в	ата-в	нб-в
Дат.	этэ-ду	ата-ду	нб-ду
Направит	этэ-тки	ата-тки	нб-тки
Местн.	этэ-лэ	ата-ла	нб-лэ
Продольн.	этэ-ли	ата-ли	нб-ли
Направит-местн.	этэ-клэ	ата-кла	нб-клэ
Направит-прод.	этэ-кли	ата-кли	нб-кли
Отложит.	этэ-дук	ата-дук	нб-дук
Исходн.	этэ-гич	ата-гич	нб-гич
Творит.	этэ-д'и	ата-д'и	нб-д'и
Совм.	этэ-н'ун	ата-н'ун	нб-н'ун
	этэ-чил	ата-чил	нб-чил

Этот тип склонения отличается двумя особенностями: а) суффикс творительного -д'и, а не -ч, как в первом склонении; б) совместный падеж имеет две формы с суффиксами -н'ун и -чил.

III. Существительные, оканчивающиеся на согласный. Этот тип склонения имеет три подтипа.

а) Существительные, оканчивающиеся на звонкие согласные в, г (в), д, д', й, л, р:

Им.	қабэав	бэав	ой
Вин.	қабэав-у	бэав-у	ой-у
Дат.	қабэав-ду	бэав-ду	ой-ду
Направит.	қабэав-таки	бэав-таки	ой-таки
Местн.	қабэав-ла	бэав-ла	ой-ла
Продольн.	қабэав-ли	бэав-ли	ой-ли
Направит-местн.	қабэав-а-кла	бэав-а-кла	ой-и-кла
Направит-прод.	қабэав-а-кли	бэав-а-кли	ой-и-кли
Отложит.	қабэав-дук	бэав-дук	ой-дук
Исход.	қабэав-гич	бэав-гич	ой-гич
Творит.	қабэав-а-ч	бэав-а-ч	ой-и-ч
Совм.	қабэав-н'ун	бэав-н'ун	ой-н'ун

б) Существительные, оканчивающиеся на глухие согласные к, л, с, т, ч:

Им.	н'элтэк	эрбэч	тэргэс
Вин.	н'элтэк у	эрбэч-у	тэргэс-у
Дат.	н'элтэк-ту	эрбэч-ту	тэргэс-ту

Направит.	н'элтэк-тэки	эрбэч-тэки	тэргэс-тэки
Местн.	н'элтэк-лэ	эрбэч-лэ	тэргэс-лэ
Продольн.	н'элтэк-ли	эрбэч-ли	тэргэс-ли
Направит.-местн.	н'элтэк-э-клэ	эрбэч-э-клэ	тэргэс-э-клэ
Отложит.	н'элтэк-тук	эрбэч-тук	тэргэс-тук
Исходн.	н'элтэк-кич	эрбэч-кич	тэргэс-кич
Творит.	н'элтэк-э-ч	эрбэч-э-ч	тэргэс-э-ч
Совм.	н'элтэк-н'ун	эрбэч-н'ун	тэргэс-н'ун
	н'элтэк-чил		

в) Существительные, оканчивающиеся на носовые согласные (усеченная основа):

Им.	анңан	нам	ңин
Вин.	анңан-у	нам-у	ңин-у
Дат.	анңан-ду	нам-ду	ңин-ду
Направит.	анңан-таки	нам-таки	ңин-таки
Местн.	анңан-на	нам-на	ңин-на
Продольн.	анңан-ни	нам-ни	ңин-ни
Направит.-мест.	анңан-а-кла	нам-а-кла	ңин-а-кла
Направит.-продольн.	анңан-а-кли	нам-а-кли	ңин-а-кли
Отложит.	анңан-дук	нам-дук	ңин-дук
Исходн.	анңан-гич	нам-гич	ңин-гич
Творит.	анңан-на-ч	нам-а-ч	ңин-а-ч
Совм.	анңан-н'ун	нам-н'ун	ңин-н'ун
			ңин-чил

К IV типу склонения относятся существительные, оканчивающиеся на согласный -н (неусеченные основы). Этот тип склонения в говоре имеет два варианта.

I вариант

Им.	һотаран	буйун
Вин.	һотаран-м	буйун-м
Дат.	һотаран-ду	буйун-ду
Направит.	һотаран-тэки	буйун-тэки
Местн.	һотаран-дула	буйун-дула
Продольн.	һотаран-дули	буйун-дули
Направит.-местн.	һотаран-кла	буйун-кла
Направит.-продольн.	һотаран-кли	буйун-кли
Отложит.	һотаран-дук	буйун-дук
Исходн.	һотаран-гич	буйун-гич
Творит.	һотаран-н'	буйун-н'
Совм.	һотаран-н'ун	буйун-н'ун

II вариант

Им.	мурун	оран
Вин.	муру-м	оран-м

Дат.	мурун-ду	ора́н-ду
Направит.	мурун-таки	ора́н-таки
Местн.	мурун-дула	ора́н-дула
Продольн.	мурун-дули	ора́н-дули
Направит.-местн.	муру-кла	ора́-кла
Направит.-продольн.	муру-кли	ора́-кли
Отложит.	мурун-дук	ора́н-дук
Исходн.	мур-нич	ор-нич
Творит.	муру-н'	ора́-н'
Совм.	мур-н'ун	ор-н'ун

Склонение лично-притяжательных форм (мн. число)

Падеж	1-е лицо (искл.)	1-е лицо (вкл.)	2-е лицо	3-е лицо
Им.	уси-вун	уси-т	уси-са́н	уси-та́н
Вин.	уси-вун	уси-в-у-т	уси-в-у-са́н	уси-в-у-та́н
Дат.	уси-ду-вун	уси-ду-т	уси-ду-са́н	уси-ду-та́н
Направит.	уси-тки-вун	уси-тки-т	уси-тки-са́н	уси-тки-та́н
Местн.	уси-ла-вун	уси-ла-т	уси-ла-са́н	уси-ла-та́н
Продольн.	уси-ли-вун	уси-ли-т	уси-ли-са́н	уси-ли-та́н
Направит.-местн.	уси-кла-вун	уси-кла-т	уси-кла-са́н	уси-кла-та́н
Направит.-прод.	уси-кли-вун	уси-кли-т	уси-кли-са́н	уси-кли-та́н
Отложит.	уси-дук-у-вун	уси-дук-у-т	уси-дук-у-са́н	уси-дук-у-та́н
Исходн.	уси-гид-и-вун	уси-гид-и-т	уси-гид-и-са́н	уси-гид-и-та́н
Творит.	уси-ди-вун	уси-ди-т	уси-ди-са́н	уси-ди-та́н
Совм.	уси-н'у-мун	уси-н'у-ти	уси-н'у-са́н	уси-н'у-та́н
Назначит.	уси-га-кун	уси-га-т	уси-га-са́н	уси-га-та́н

У. Склонение существительных во множественном числе:

Им.	мбл	э́рбэчил'	ора́р
Вин.	мбл-бу	э́рбэчил'-бу	ора́р-бу
Дат.	мбл-ду	э́рбэчил'-ду	ора́р-ду
Направит.	мбл-та́ки	э́рбэчил'-та́ки	ора́р-та́ки
Местн.	мбл-дула	э́рбэчил'-дула	ора́р-дула
Продольн.	мбл-дул'и	э́рбэчил'-дул'и	ора́р-дул'и
Направит.-местн.	мбл-а-кла	э́рбэчил'-э-клэ	ора́р-а-кла
Направит.-продольн.	мбл-а-кл'и	э́рбэчил'-э-кл'и	ора́р-а-кл'и
Отложит.	мбл-дук	э́рбэчил'-дук	ора́р-дук
Исходн.	мбл-гич	э́рбэчил'-гич	ора́р-гич
Творит.	мбл-д'и	э́рбэчил'-д'и	ора́р-д'и
Совм.	мбл-н'ун	э́рбэчил'-н'ун	ора́р-н'ун
			ора́-л-чил

Итак, в березовском говоре мы выделяем пять типов склонения. Кроме того, особое склонение имеют и притяжательные формы существительных.

Рассмотрим склонение лично-притяжательных, безлично-притяжательных и относительно-притяжательных форм.

Склонение лично-притяжательных форм (ед. число)

Падеж	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
Им.	уси-в	уси-с	уси-н
Вин.	уси-в	уси-в-у-с	уси-ва-н
Дат.	уси-ду-в	уси-ду-с	уси-ду-н
Направит.	уси-тки-в	уси-тки-с	уси-тки-н
Местн.	уси-ла-в	уси-ла-с	уси-ла-н
Продольн.	уси-ли-в	уси-ли-с	уси-ли-н
Направит.-местн.	уси-кла-в	уси-кла-с	уси-кла-н
Направит.-продольн.	уси-кли-в	уси-кли-с	уси-кли-н
Отложит.	уси-дук-у-в	уси-дук-у-с	уси-дук-у-н
Исходн.	уси-гид'-и-в	уси-гид'-и-с	уси-гид'-и-н
Творит.	уси-д'и-в	уси-д'и-с	уси-д'и-н
Совм.	уси-ба-ку	уси-ба-с	уси-ба-н
Назначит.	уси-н'у-му	уси-н'у-си	уси-н'у-ни

Склонение относительно-притяжательной формы (с притяжательным суффиксом 1-го лица ед. числа)

	Ед. число	Мн. число
Им.	дил-а-н-у	дил-а-н-а-л-бу
Вин.	дил-а-н-у	дил-а-н-а-л-бу
Дат.	дил-а-н-ду-в	дил-а-н-а-л-ду-в
Направит.	дил-а-н-таки-в	дил-а-н-а-л-таки-в
Местн.	дил-а-н-на-в	дил-а-н-а-л-дула-в
Продольн.	дил-а-н-ни-в	дил-а-н-а-л-дули-в
Направит.-местн.	дил-а-н-а-кла-в	дил-а-н-а-л-а-кла-в
Направит.-продольн.	дил-а-н-а-кли-в	дил-а-н-а-л-а-кли-в
Отложит.	дил-а-н-дук-у-в	дил-а-н-а-л-дук-у-в
Исходн.	дил-а-н-гид'-и-в	дил-а-н-а-л-гид'-и-в
Творит.	дил-а-н-д'и-в	дил-а-н-а-л-д'и-в

Совм.	дил-а-н-н'у-му	дил-а-н-а-л-н'у-му
Назначительный	дил-а-н-га-ку	дил-а-н-а-л-га-ку

Склонение существительных относительно-притяжательной формы
(с притяжательным суффиксом 1-го лица мн. числа)

	Ед. число	Мн. число
Им.	дил-а-н-ун	дил-а-н-а-л-бун
Вин.	дил-а-н-ун	дил-а-н-а-л-бун
Дат.	дил-а-н-ду-вун	дил-а-н-а-л-ду-вун
Направит.	дил-а-н-таки-вун	дил-а-н-а-л-таки-вун
Местн.	дил-а-н-на-вун	дил-а-н-а-л-дула-вун
Продольн.	дил-а-н-ни-вун	дил-а-н-а-л-дули-вун
Направит.-местн.	дил-а-н-а-кла-вун	дил-а-н-а-л-а-кла-вун
Направит.-продольн.	дил-а-н-а-кли-вун	дил-а-н-а-л-а-кли-вун
Отложит.	дил-а-н-дук-ун	дил-а-н-а-л-дук-ун
Исходн.	дил-а-н-гид'-ун	дил-а-н-а-л-гид'ун
Творит.	дил-а-н-д'и-вун	дил-а-н-а-л-д'и-вун
Совм.	дил-а-н-н'у-мун	дил-а-н-а-л-н'у-мун
Назначительный	дил-а-н-га-кун	дил-а-н-а-л-га-кун

Суммируя вышеизложенное о существительных, следует отметить:

1) в березовском говоре наиболее богато представлены словообразовательные суффиксы, хотя нами здесь приведена только более употребительная часть их;

2) в данном говоре категориальное значение имеет деление всех существительных на людей и нелюдей. По нашему мнению, оно выражается в следующем:

а) самая основная часть этой лексики образует множественное число особыми формами: эн'ин – эн'тил, 'мать – матери', экэн – эк-н'ил 'старшая сестра – старшие сестры' и др.;

б) имена существительные, обозначающие людей, отвечают на вопросы нй?, нййэ? 'кто?', а все остальные существительные – на вопросы йах?, йал? 'что?';

в) большинство имен существительных, обозначающих людей, имеет особую звательную форму, например: эн изэ-э! 'мама-а!'; хо-лицо-о! 'дитя!' и др.;

г) имеется особый тип склонения существительных, оканчивающихся на гласный, обозначающих родственную терминологию;

3) категория числа представлена бинарной оппозицией единичности и множественности, а не единственного и множественного чисел, как в литературном языке. Кроме вышеуказанных соображений по этому вопросу, отметим, что не случайно отсутствие двойственного числа у имен существительных, хотя эта форма имеется у местоимения первого лица множественного числа: бӯ 'мы без вас', мут 'мы с вами'.

ГЛАГОЛ

Ядром грамматической системы эвенского языка является морфологическая бинарная оппозиция имени и глагола, которые характеризуются каждый своей системой форм и категорий. Семантически имя существительное противопоставлено глаголу, как предметность противопоставлена процессуальности, например: икэ 'песня' – икэдэй 'петь', мо 'дрова, дерево' – мбладай 'пойти за дровами', тёрэи 'слово' – тёрэдэй 'говорить'.

Грамматические категории имени существительного и глагола, такие как склонение, число, притяжение, наклонение, вид, залог, относятся к числу важнейших грамматических категорий и форм системы частей речи эвенского языка. В связи с этим нам представляется целесообразным после имени существительного дать описание системы категорий глагола.

Эвенский глагол характеризуется обилием грамматических категорий и соответственно морфологических форм их представления на фоне именных категорий. Ряд этих категорий тесно связан между собой на основе глубоких семантических признаков. Такие связи и взаимодействия между категориями, как представляется, удобно описывать в терминах функционально-семантических полей (ФСП). Продуктивность такого подхода наглядно показана в работах А.В. Бондарко и др. (5–8; 30, 37).

Ниже мы указываем те ФСП, в которые, на наш взгляд, могут входить (или быть морфологическим центром) те или иные глагольные словообразования.

Итак, глагол – это часть речи, которая обозначает действие или состояние предмета как процесс, длящийся во времени. Глагол в березовском говоре, как и в литературном языке и других диалектах, отвечает на вопрос йадай? 'что делать?' и имеет все формы, которыми оформлен глагол, например: йадай? 'что делать?', йададай? 'что делать (в процессе действия)?', йавкандай? 'что заставить делать?', йавандай 'что делать (изредка)?', йаградай 'что делать (неоднократно)?', йаникун? 'что делая?', йарид'и 'что сделав?', йанандай? 'что пойти делать?', йанастай? 'что пойти сделать и вернуться обратно?' и др. Последняя форма глагола присуща березовскому говору и впервые описана нами (23, с. 73–75).

Глаголу в эвенском и других тунгусо-маньчжурских языках посвящено немало работ (2; 3; 13–18; 19; 21–27; 29; 33). В своих наблюдениях в этой области мы широко опираемся на указанные исследования.

Словообразование глаголов

В березовском говоре отчетливо различаются два типа глагольных основ: 1) непрямые, корневые, или, точнее, условно непрямые основы и 2) производные. В свою очередь производные

основы подразделяются на отыменные бессуффиксальные, отыменные суффиксальные и отглагольные суффиксальные.

Условно-непроизводные основы

В березовском говоре довольно много глагольных основ, у которых сейчас трудно выделить словообразующие элементы, например: аҕсáдай 'провести год', урдай 'спасаться от кого-нибудь', һаадай 'жевать', нивдэй 'чавкать во время еды', болгадай 'сообщить', ил'дэй 'отдирать рукой шкуру' и др.

Иногда трудно отделить собственно глагольные основы от основ именных, например: икэдэй 'петь', энэндэй 'дуть (о ветре)', удаңдай 'падать (о дожде)' и т.д. Однако есть глагольные основы, такие, как, например, йдэй 'войти', ўдай 'сесть верхом (на оленя)', гадай 'взять' и др., формы 3-го лица которых трудно отличить от отыменных, ср.: икэң '(он) поет' (от корня икэ 'песня') и йн '(он) вошел' (от корня й-, который в таком виде не переводится). Они образуются от основ имен с помощью суффиксов времен и наклонений, т.е. не имеют специальных словообразовательных суффиксов, например: һа́й 'рука' – һа́лдай 'нести на руках', чэңэч 'удочка' – чэңэттэй 'удить', нэрэнукэң 'вспышка' – нэрэнукэндэй 'вспыхнуть', тэлэң 'рассказ' – тэлэңдэй 'рассказать', удаң 'дождь' – удаңдай 'идти дождю', ай 'хороший' – айдай 'спасать, сделать доброе'. Таких основ довольно много. В подавляющем большинстве случаев они совпадают с глагольными основами литературного языка и встречаются во всех исследованных диалектах, что позволяет считать их общеэвенскими.

Производные основы

Производная основа кроме корневой основы имеет словообразовательный суффикс. Корневой основой является условно-непроизводная основа. К производным основам относим три типа основ.

Отыменные суффиксальные основы

Отыменные суффиксальные глагольные основы образуются от неглагольных корней или основ с помощью специальных очень многочисленных суффиксов. Остановимся лишь на наиболее характерных из них.

Суффикс -да/-дэ, -та/-тэ от имен существительных образует глаголы со значением действия с помощью данного предмета, приведение предмета в движение, использование предмета для действия, например: маңра (арх.) 'сват' – маңрадай 'поехать сватать', н'э-ркэ (арх.) 'приспособление для сушки' – н'эркэдэй 'жарить на вертеле издалика (постепенно)', ораң 'олень' – ораңдай 'ехать на олене' и др.

Суффиксы -р/-ра/-рэ, -ла/-лэ являются генетически вариантами суффикса -да/-дэ и употребляются с теми же значениями, но в отличие от него последние используются в сочетании с другими суффиксами, например: мб-ми 'лодка' (от мб 'дерево, дрова') – мбми-р-дай 'ехать на лодке', ма́вут 'аркан' (непродуктивный суффикс -вут) – ма́вут-ла-дай 'закинуть аркан'.

Суффикс -лта/-лтэ с существительными, прилагательными, числительными, местоимениями образует глаголы с различными значениями действия, указанного основной слова, например: һб́а 'много' – һб́алтадай 'увеличить (количество)', д'ў 'дом' – д'ўлтадай 'ставить ярангу', ачча 'нет' – аччалтадай 'уничтожить', ай 'хороший' – айилтадай 'улучшить', эмэр 'острый' – эмэрэлтэдэй 'сделать острым', туну́аң 'пять' – туну́алтадай 'разделить на пять частей', урумкун 'короткий' – урумкултадай 'укоротить' и др.

Суффикс -г-, -ги- с основами существительных образует глаголы со значением изготовления или употребления предметов на что-либо, например: һб́та́раң 'дорога' – һб́та́рагдай 'проложить дорогу', унта́ 'торбаза' – унта́гдай 'предназначить для пошивки унтов' и др.

Суффикс -лба/-лбэ с основами имен существительных и прилагательных образует глаголы со значением приобретения данного предмета или качества, например: ора́н 'олень' – ора́лбадай 'иметь оленей', һут 'ребенок' – һутэлбэдэй 'иметь ребенка', эуэйэ 'богатый' – эуэйэлбэдэй 'богатеть', э́и 'сила' – э́илбэдэй 'стать сильным', э́кэ́н 'оленок' – э́кэлбэдэй 'телиться' (об олене).

Суффикс -ура/-үрэ с именами числительными образует глагол со значением обзаведения одним или несколькими предметами (оленем или ребенком), например: е́мэ́н 'один' – е́мэ́үрэдэй 'иметь одного', д'ёр 'два' – д'ёүрэдэй 'иметь двоих', и́лаң 'три' – и́лаңурадай 'иметь троих', мэа́н 'десять' – мэа́урадай 'иметь десятирých', н'а́ма 'сто' – н'а́маурадай 'иметь сотню (оленей или детей и т.д.)'. В литературном эвенском языке с помощью этого суффикса образуются собирательные числительные для счета копытных животных (33, с. 128).

Суффикс -лач/-лэч и его фонетические варианты (-лат/-лэт, -нач/-нэч, -нат/-нэт) для неусеченных основ на -н с основами существительных образуют глаголы со значением пользования данным предметом: мб́ 'дрова, дерево' – мб́латтай 'пользоваться в качестве дров чем-нибудь', д'ў 'дом, яранга' – д'ўлаттай 'пользоваться в качестве жилья чем-нибудь, жить временно' и др.

Суффикс -т-(-та/-т) преимущественно с одушевленными существительными образует глаголы со значением 'иметь кого-либо кем-либо', например: э́кэ́н 'старшая сестра' – э́кэ́нтэдэй 'иметь (кого-нибудь) старшей сестрой'.

Суффикс -ти- с основами существительных образует глаголы со значением употребления данного предмета, например: олр́а 'рыба' – олр́а́тидай 'есть рыбу', һа́қа́н 'печень' – һа́қтидай 'есть печень', қа́бэ́ав 'куропатка' – қа́бэ́автидай 'есть куропатку' и т.д. Эта форма весьма употребительна в говоре.

Суффикс -м- с основами существительных образует глаголы со значением „издавать запах“, например: бэз ‘лекарство’ – бэзэмдай ‘пахнуть лекарством’, болгит ‘кедровый стланик’ – болгитэмдай ‘пахнуть кедровым стлаником’, бэй ‘человек’ – бэйэмдай ‘пахнуть человеком’ (фольк.) и т.д.

С аналогичным суффиксом -м- от основ существительных, обозначающих части тела, образуются глаголы, указывающие на боль какой-либо части тела, например: йт ‘зуб’ – йтэмдай ‘болеть (о зубах)’, йасал ‘глаз’ – йасэмдай ‘болеть (о глазах)’, дил ‘голова’ – дилэмдай ‘болеть (о голове)’.

Суффикс -ма-/мэ- от основ существительных, обозначающих промысловых зверей и рыб, образует глаголы со значением отправления на промысел их, например: елики ‘белка’ – елмэдай ‘идти охотиться на белок’, олрә ‘рыба’ – олрәмадай ‘идти ловить рыбу’, нйкинчән ‘утка’ – нйкимэдай ‘пойти охотиться на уток’.

Генетически близкий к -ма-/мэ- суффикс -ми-, образующий глаголы со значением „производить действие“, указанное основой глагола, например: нйкинчән ‘утка’ – нйкимидэй ‘охотиться на уток’, олрә ‘рыба’ – олрәмидэй ‘рыбачить’, елики ‘белка’ – елимидэй ‘белковать’.

Суффикс -ла-/лэ- от основ некоторых неодушевленных существительных образует глаголы со значением отправления за предметом, указанным основой глагола, например: мё ‘вода’ – мёлэдай ‘пойти за водой’, тэвтэ ‘ягоды’ – тэвлэдай ‘пойти собирать ягоды’, мё ‘дрова’ – мёладай ‘пойти за дровами’.

Суффикс -ли- от основ некоторых существительных образует глаголы со значением сбора, указанного основой предметов, например: тэвтэ ‘ягоды’ – тэвлидэй ‘собирать ягоды’, мё ‘дрова’ – мёлидай ‘собирать дрова’.

Суффикс -с- от основ существительных – названий времен года – образует глаголы со значением проведения сезона, указанного основой существительного, например: тугәни ‘зима’ – тугәстэй ‘проводить зиму’, д’угани ‘лето’ – д’угастай ‘проводить лето’, болони ‘поздняя осень’ – болостай ‘проводить позднюю осень’.

В говоре встречаются суффиксы, которые когда-то были отыменными словообразовательными формантами, но сейчас не образуют новых слов, как, например, суффикс -нун- от существительного бэй ‘человек’ образовал глагол бэйнундэй ‘целиться, охотиться’ или суффикс -рём-, который от существительного ур ‘живот’ образовал глагол уррёмдэй ‘наполнить живот, желудок (в значении есть)’ и др.

Суффикс -н- от основ существительных образует глаголы со значением присвоения предмета. Например: нут ‘ребенок’ – нутәндай ‘усыновить’, атиқан ‘старуха’ – атиқандай ‘взять в жены чужую жену’, оран ‘олень’ – орандай ‘присвоить оленя’.

Суффикс -вчи- от основ существительных образует глаголы с различными значениями в зависимости от семантики основы, например: гургә ‘работа’ – гургәвчидэй ‘работать’, нунңи ‘хозяин’ – нунңивчидэй ‘хозяйничать’, долба ‘ночь’ – долбавчидэй ‘ждать

наступления ночи’. Этот суффикс в березовском говоре очень непродуктивен.

Суффикс -л- от основ существительных и прилагательных образует глаголы со значением становления действия, указанного основой имени, например: н’ам ‘тепло’ – н’амалдай ‘потеплеть’, һатәр ‘темнота, темный’ – һатәрәлдай ‘темнеть, наступать темноте’, гот ‘горький’ – готәлдай ‘горчить’, нэрин ‘свет’ – нэрилдэй ‘светать’. Это наиболее продуктивный суффикс.

Суффикс -у- от некоторых основ имен существительных образует глаголы с различным значением, например: ин ‘выюк’ – инудай ‘выючить’, ал ‘упряжь, лямка’ – алудай ‘запрягать’, апқа ‘горло’ – апқудай ‘душить’, бөкәс ‘лед’ – бөкүдэй ‘оледенеть’ и др.

Суффикс -в- от основ порядковых числительных образует глаголы, показывающие, который раз совершается действие, например: гәз ‘второй’ – гәзәвдай (гивәвдай) ‘делать что-л. второй раз’, или ‘третий’ – иливдай ‘делать что-л. третий раз’, диңи ‘четвертый’ – диңивдай ‘делать что-л. четвертый раз’ и т.д. Этот же суффикс -в- от основ некоторых существительных образует глаголы различных значений, например: дб ‘внутренность’ – дбәвдай ‘наполнить, заряжать (ружье)’, мё ‘вода’ – мёвдэй ‘разбавить водой’, бә ‘приманка’ – бәвдэй ‘положить приманку’.

Отглагольные суффиксальные основы

От основ глаголов (непроизводных и производных) с помощью специальных суффиксов образуются различные категориальные формы глагола. В связи с тем, что они образуют новые глагольные основы, назовем их отглагольными глаголами. Они являются вторичными образованиями. К формальным средствам, образующим вторичные глагольные основы, относятся суффиксы различных категорий и форм глагола. О них пойдет речь при рассмотрении каждой конкретной формы.

Категории глагола

По наличию или отсутствию тех или иных категорий глагольного слова березовский говор не имеет существенных отличий от других описанных говоров и литературного языка (3, с. 20-42; 10; 13, с. 167-211; 33, с. 158-221; 35, с. 731-761; 19, с. 7-111; 14, с. 80-96; 15, с. 74-117). Вместе с тем в конкретном содержании каждой категории имеются довольно большие расхождения. Общими категориями глагола как части речи являются переходность / непереходность, залог, предельность / непереходность, виды и видовые классы, категория имитации, наклонения, модальность, а также категории лица, числа и времени.

Категория переходности / непереходности

В березовском говоре все эвенские глаголы выступают в предложении или как переходные, или как непереходные (3, с. 29; 10; 33, с. 172-173; 18, с. 60-64; 15, с. 82-85; 24, с. 7-86).

К переходным глаголам относим двух- или трехвалентные глаголы. Переходные глаголы всегда подразумевают объект действия. Непереходными являются глаголы, которые в своей семантике не содержат значения направленности действия на объект. К ним относятся одновалентные глаголы. В говоре значительная часть глаголов вне контакта нейтральна к переходности / непереходности, например: авдай 'мыть, мыться', тэттэй 'одеть, одеться' и др.

В зависимости от семантики непереходные глаголы выражают различные значения. Они могут выражать движения субъекта в пространстве, например: Куңаң д'у д'олин эвид'д'этин, н'ан тел-лэ н'эсэл'рэн... 'Сын (ее) играл в доме, затем стал выходить на улицу'. Также могут выражать физическое и нравственное состояние субъекта, например: Ноуан һоч һэттин, һуклэмэлрэн-дэ 'Он очень устал и захотел спать'. Непереходные глаголы могут обозначать и активное состояние субъекта, например: Кэамив бакрид'и, ноуартан һоқуңчиритан, н'ан аңуаңид'илра (фольк.) 'Они обрадовались, когда нашли мамонта, и стали готовиться к ночлегу'.

Из примеров видно, что переходность / непереходность в говоре не имеет единого семантического критерия. Анализ материала показывает, что переходность / непереходность не имеет и единого синтаксического критерия, так как некоторые глаголы в контексте подчиняют прямое дополнение в винительном падеже, например: Нинкэт гарав оқату һинмасукан даваснин орань 'Нинкэт (имя богатыря) мигом переплыл ту реку на олене'.

Переходность / непереходность определяют по семантическим или синтаксическим признакам (подчинения прямого дополнения) или по совокупности этих критериев.

В березовском говоре различаются следующие разновидности переходных глаголов: а) „скрыто“ переходные (бэрдэчиддэй 'лечить кого-л. или лечиться самому', қолдай 'выпить (жидкость) или утолить жажду'); б) прямопереходные (галиддэй 'рыбачить', мэкри-дэй 'отламывать ветки посохом').

Переходность / непереходность выражается „попутно“ показателями многих категорий глагола. По нашему мнению, кроме лексических и синтаксических средств категория переходности / непереходности выражается и морфологически.

Суффикс -у- образует от переходных основ непереходные, например: бақ-тай 'найти' (перех.) – бақ-у-дай 'найтись, родиться' (неперех.), ит-тэй 'видеть' (перех.) – ич-у-дэй 'видеться, виднеться' (неперех.).

Генетически близкий к нему формант -у- от непереходных основ образует глаголы с переходным значением, например: эм-дэй

'прийти' – эм-у-дэй 'принести', дур-дэй 'гореть' – дур-у-дэй 'сжечь'.

От непереходных глаголов движения переходные могут быть образованы посредством суффикса -в-, например: й-дэй 'войти' – йв-дэй 'внести', мучу-дай 'вернуться' – мучу-в-дай 'вернуть'.

В литературе по эвенскому языку приведенные данные интерпретировались как переход глаголов действительного залога в глаголы среднего залога (33, с. 175).

Одним из морфологических показателей переходности могут быть суффиксы -и-, -ги-, например: дав-дай 'заразиться' – дав-ги-дай 'заразить (о болезни)', һйв-дэй 'гаснуть, погаснуть' – һйв-и-дэй 'погасить', олга-дай 'высохнуть' – олг-и-дай 'высушить'.

Синтаксическим признаком переходности является объект действия. Материал березовского говора позволяет заметить, что понятие объекта действия содержит в себе два элемента: грамматическое понятие объекта и семантическое содержание его. Оба эти элемента иногда не совпадают, например: Ёй тэру ул'дэдм 'Я копаю землю'. Прямое дополнение тэру (вин.п.) является объектом действия. А в предложении Ёй подвалу ул'дэдм 'Я копаю подвал', прямое дополнение „подвал“ (вин.п.) не является объектом действия. Оно является результатом действия и не может быть определено односторонне или только с грамматической или лексической точки зрения. Понятие объекта действия составляется из единства лексического содержания конкретного слова и синтаксической структуры предложения.

Категория переходности в говоре является бинарной оппозицией и проявляет себя в системе форм глагола как вполне самостоятельная категория. Она является ядром функционально-семантического микрополя транзитивности/интранзитивности (37, с. 157-159).

Взаимоотношения категорий переходности / непереходности и залоговости

В березовском говоре переходность / непереходность и категория залоговости – различные морфологические явления. Нет глаголов вне какой-либо формы залоговости, в то же время все глаголы в предложении выступают или как переходные, или как непереходные. Практически каждый глагол одновременно имеет ту или иную форму залоговости и переходности или непереходности. Взаимоотношение этих категорий в сфере образования и выражаемых ими категориальных значений сложно и многообразно. Несколько упрощенно это представлено в табл. 7.

Знаком (+) отмечается соответствие этих категорий по образованию и по значению, а знаком (–) – их несоответствие. Например, страдательный залог образуется только от переходных глаголов, в то же время по значению непереходных. Знаком (–) отмечается возможность образования данной формы от части глаголов или наличие указанного значения в некоторых глаголах этой категории.

Т а б л и ц а 7

Взаимоотношения категорий переходности / непереходности и залоговости

Категории	Переходность		Непереходность	
	по образованию	по значению	по образованию	по значению
Залоги				
Действительный	+	+	+	+
Страдательный	+	-	-	+
Лексико-грамматические категории				
Возвратности	+	-	-	+
Каузатива	+		-	-
Взаимности	+	+	+-	+-
Совместности	+	-	+-	+-

Например, категория взаимности может образоваться от переходных и отчасти от непереходных глаголов, и глагол становится переходным, однако может быть и непереходным (22) в случае, если она образована от непереходных глаголов.

К а т е г о р и я з а л о г а

Отношение между действием и его участниками – это поле залоговости, ядром которого является морфологическая категория залога. Категория залога в березовском говоре является общей для всех форм глагола, как и в целом в эвенском языке (3, с. 29; 10; 31, с. 27; 16, с. 190; 33, с. 172-180; 35, с. 740-741; 19, с. 53-60; 24).

Грамматическая категория залога в эвенском языке выражает отношения подлежащего и прямого дополнения соответственно с субъектом и объектом действия. Нами этот вопрос освещен более подробно с учетом материалов литературного языка и говоров, в том числе и березовского говора ранее (24, с. 53-96), поэтому здесь ограничимся только схематическим изложением некоторых его сторон. Итак, соответствие подлежащего субъекту и прямого дополнения объекту называем действительным залогом, например: (1) Куңа качиқам үнүврэн 'Ребенок увел щенка'. В этом предложении слово куңа 'ребенок' является подлежащим и в то же время субъектом действия, а слово качиқам 'щенка' – прямым дополнением в винительном падеже, т.е. объектом действия. Как видно, в этом предложении подлежащее соответствует субъекту действия, а прямое дополнение – объекту действия. В данном случае налицо синтаксическая конструкция действительного залога. К конструкциям действительного залога нами относятся и предложения с непереходными

глаголами, например: (1) Эн'му эмрэн 'Мать (моя) пришла', так как в них соответствие подлежащего субъекту не нарушается.

Не меняя логического содержания предложения (1), его можно выразить и следующим образом: (2) Качиқам куңаду үнүврэн 'Щенок уведен ребенком'. В этом предложении подлежащее (качиқам) логически является объектом действия, а не субъектом, как в предложении (1). А дополнение (куңаду) является субъектом действия, причем оно выражено именем существительным в дательном падеже. В предложении (2) подлежащее не соответствует субъекту, а дополнение – объекту действия. Но логическое содержание предложений (1), (2) одинаковое. Оба эти предложения различаются лишь тем, что субъект действия в предложении (1) выражен именем в именительном падеже, а в предложении (2) – именем в дательном падеже. Такое оформление глагола (2), когда грамматическое подлежащее не соответствует логическому субъекту, а дополнение объекту, называем страдательным залогом.

Глаголы страдательного залога оформляются суффиксами -в-, -м-. Сравним:

Действительный залог

гиг-дэй 'крошить'
там-дай 'платить'
пэктэрэн-дэй 'стрелять'
д'ав-дай 'поймать'

Страдательный залог

гиг-и-в-дэй 'быть крошенным'
там-а-м-дай 'быть уплаченным'
пэктэрэ-в-дэй 'быть застреленным'
д'ав-а-в-дай 'быть пойманным'

Эти глаголы имеют противопоставление действительного (актив) и страдательного (пассив) залогов. Сильным членом данной залоговой оппозиции является страдательный залог, который оформляется специальным показателем (суффиксами -в-, -м-). Данная оппозиция является 'чисто' грамматической, ибо при таком противопоставлении меняется лишь структура предложения и глагол-сказуемое оформляется одним из этих суффиксов, а логическое содержание предложений остается неизменным.

Лексико-грамматическая категория залоговости

Исследователи эвенского языка и его диалектов кроме страдательного и действительного залогов выделяют еще побудительный, средневозвратный, взаимный и совместный залогов (31, с. 27; 16, с. 190; 33, с. 172-180; 35, с. 740-741; 19, с. 53-60; 24, с. 97-146).

Анализ материала березовского говора позволил нам отнести последние не к залогам, а к лексико-грамматическим категориям. Это обусловлено следующими их особенностями:

1) они обладают общим семантическим признаком, отличным от действительного и страдательного залогов; 2) они характеризуются специальными морфологическими показателями, зависящими от семантики глагольной основы; 3) они меняют лексическое содержа-

ние основы глагола. Этими признаками они отличаются от словозменительной категории залога. Вкратце остановимся на каждом из них.

Лексико-грамматическая категория возвратности

Образуется с помощью суффиксов -б-/ -п-, -рга-/ -ргэ-, -лбэ-, -у-. Характеризуется тем, что действующее лицо (подлежащее) является одновременно и субъектом и объектом действия. Общее значение данной формы – возвратное направление действия – может приобретать различные оттенки значения в зависимости от контекста и характера лексического значения глагола, например:

Орар твэк-мэк чакштитан 'Олени только что сгруппировались' (досл. 'собрались'); Гиро аваски хин учикас бериптэн? 'Гриша, где потерялся твой ездовой олень?'; Тэрицит Эйду иманрач гиркуттэн 'Местность (наша) кругом покрыта снегом'; Элэ йах ухкэлбэн? 'Здесь льется?'; Эрэв ануану гит хинмач чулбарган 'В этом году голубика рано поспела' (досл. 'быстро посинела').

Лексико-грамматическая категория каузатива

Эта форма образуется посредством суффикса -вкэн- (-вкэн-, -укэн-/ -укэн-, -мкэн-/ -мкэн-, -вкэч-/ -вкэч-, -укэч-/ -мкэч-/ -мкэч). Им выражается появление дополнительного участника действия в роли субъекта, а подлежащее выполняет роль каузатора, т.е. первый субъект-подлежащее побуждает, чтобы второй субъект-дополнение совершил действие, указанное глагольной основой, например:

Амму кесчинэми акму бодасамкэнин 'Отец (мой), когда пошел пасти оленей, взял с собой (моего) старшего брата' (досл.: 'заставил пойти за ним'); Твэк бй ноуарбутан хинтэки тибасамкэнд' -им 'Сейчас я заставлю их бежать к тебе'; Нулинд'а орарби дики-кэнин 'Хулиндэ (имя собственное) спрятал своих оленей' (досл.: 'заставил прятаться').

В зависимости от семантики глагольной основы, контекста данная форма придает глаголу различные конкретные значения (25, с. 170-188).

Лексико-грамматическая категория, обозначающая взаимность действия

Образуется посредством суффикса -мач-/ -мэч- ~ -мат-/ -мэт- и обозначает взаимонаправленность действий, исходящих от нескольких субъектов. При этом каждый из таких субъектов соответственно является и объектом действия, например:

Тами д'илгэнкэл твэк-тэ мэр диливур эрэгэр кусимэччеттэ... 'Поэтому звери и сейчас дерутся между собой...'; Опо Пачан'ун иманрач усиунгмэгтитэн... 'Афоня с Павлом кидались снегом'; Ноуарган буйум марид'ур, улрэвэн боритматиган 'Убив дикого оленя, они мясо делили между собой'.

Эта форма имеет несколько разновидностей значений (24, с. 199-210) и образуется преимущественно от основ переходных глаголов, редко – от непереходных (тикуматтай 'сердиться друг на друга'). В зависимости от конкретной семантики глагольной основы часть глаголов не может образовать данную форму, хотя она является наиболее продуктивной. Например, глаголы дектэдэдей 'окрашивать краской из коры ольхи', дулдай 'греть, пригревать (о солнце)', дудэлчидэй 'бормотать, лепетать', гэгд'эмкэндэй 'нагнуть, наклонить' и др. не могут быть оформлены суффиксом данной формы.

Лексико-грамматическая категория совместности

Данная форма образуется суффиксом -лда-/ -лдэ- (-лда-/ -ллдэ-) и обозначает действие двух или нескольких субъектов, совершаемое совместно, например: бауалдадай 'встретиться', нункэлдэдай 'поклониться взаимно', д'авалдадай 'руку пожать', 'схватиться'.

Формант -лда- по сравнению с другими показателями лексико-грамматических категорий обладает меньшей продуктивностью. Категория совместности действия имеет несколько разновидностей значений, которые обусловлены лексическим значением глагольной основы, контекстуальным окружением и в основном категорией переходности/непереходности (24, с. 216-227). Эта особенность данной категории изложена нами в другой работе (24, с. 216-227), здесь же отметим отличие березовского говора. В большинстве случаев, за исключением таких примеров, как ичилдэр 'встретились', бауалдэр 'сошлись вместе, встретились'; эта форма известна березовскому говору как категория, выражающая совместные действия соревнующихся субъектов, например:

Д'эр бригада орандула гургэвчилдэр авук-ка ормур эникэн кэ-кэвкэн иргэлдэнду иргэннэт, геникэн 'Две бригады оленеводов работают соревнуясь, чья бригада без потерь содержит оленей'; Гиро Олон'ун д'эрид'ур гэвлэлдэритэн: авук-ка һбав гэвлэд'ин 'Гриша с Афоней вдвоем соревнуются: кто больше ягод соберет'; Д'эр гугэлэл бэйил д'эрин мэрэнтэч һэтэкэлдэр 'Два бегуна соревновались в беге на лыжах'.

Кроме того, лексико-грамматическая категория совместности может выражать действие, совершаемое несколькими субъектами совместно, а также взаимонаправленность их действий. При этом в зависимости от контекста степень активности субъектов в совершаемом действии неодинакова.

Итак, к лексико-грамматическим категориям залоговости нами отнесены четыре формы глагола, которые исследователями эвенского языка определялись как формы средневозвратного, побудительного, взаимного и совместного залогов. Эти формы представляют собой не словозменительные категории, как действительный и страдательный залогов, а являются основообразующими. Кроме того, эти лексико-грамматические категории наряду с общим значением имеют свои 'второстепенные' значения, обусловленные зависимостью

их от семантики глагольной основы, категории переходности/непереходности и контекстуального окружения. Эти формы не представляют оппозицию рядов морфологических форм. Однако выражаемые ими значения относятся к сфере залоговости.

Категория предельности/непредельности

Категория предельности/непредельности в эвенском языке является ядром функционально-семантического поля лимитативности,¹ „объединяющего разные типы отношений действия к пределу“ (37, с. 46).

В березовском говоре глаголы в изъявительном наклонении настоящего времени имеют различные значения с точки зрения законченности и незаконченности действия. Одни глаголы в этой форме выражают законченные, завершённые действия, например:

Дэтув буйум бакрэн 'Дядя мой добыл дикого оленя'; Хэлици ои тэгид'и Буркан'д'удукий н'эрэн 'Надев свои железные доспехи, Буркан (имя собственное) вышел из дому'.

В этих предложениях глаголы бакрэн 'добыл', н'эрэн 'вышел' выражают завершённые, законченные действия.

Некоторые глаголы в этой же форме могут выражать незавершённые, незаконченные действия, например:

Унапа, исэйт'аки кейэтникэн, гогрэн Унапа (кличка собаки) лает, смотря в сторону леса'; Нинкэат н'ч н'кэанчирэн... 'Нинкэат (имя богатыря) очень обрадовался'.

Анализ глаголов в форме настоящего времени показывает, что значения законченности и незаконченности действия находятся в прямой зависимости от категории предельности/непредельности (25, с. 120-123).

Предел ь н ы м и глаголами называем такие, которые в своем внеконтекстном значении содержат понятие предела. Пределом глагольного действия называется внутренняя исчерпанность его, по достижении которой следует качественно новый этап действия или состояния, либо действие вообще прекращается, например: тикрэн 'упал' обозначает, что действие-падение завершено, т.е. это действие достигло своего предела. К предельным относятся такие глаголы, как, например: н'эдэй 'выйти', истай 'достичь', көкэдэй 'умереть', бэдэй 'дать', илдай 'встать, остановиться' и т.д.

Не предел ь н ы м и глаголами называются глаголы, которые не связаны с представлением о каком-либо пределе, т.е. они выражают незаконченные действия. К ним относим такие глаголы, как, например: бидэй 'быть, существовать', һуклэдэй 'спать', ии'индэй 'смеяться', айавдай 'любить', бутэндэй 'болеть' и др.

¹ Считаем возможным применять и к эвенскому языковому материалу понятие о лимитативности как функционально-семантическом поле именно в том толковании, которое предложено А.В. Бондарко (37, 46-98).

В березовском говоре непредельность глагола образуется от части глаголов посредством суффикса -ч/-т-, -ч-. Предельность или непредельность глагола еще может определяться по сочетаемости с наречиями ун бимнин, емними 'вдруг', гору 'долго'. Так, предельные глаголы могут сочетаться с наречием ун бимнин, емними 'вдруг', но не сочетаются с наречием гору 'долго', например:

Ун бимнин ноуэн үчикий һэакитала эн'эрин, үчикэн гору эн'-эт-тэн 'Вдруг он привязал своего ездового оленя к дереву, (его) ездовой олень долго стоит привязанный'; Ун бимнин тэгэнмэйлэ тэ-рэн, н'эн гору тэҕэттэн 'Вдруг он сел на стул и сидит долго'.

В этих предложениях глаголы в первых приведенных формах являются предельными (эн'эрин, тэҕрэн), во вторых – непредельными (эн'эттэн, тэҕэттэн).

Наряду с предельными и непредельными глаголами в березовском говоре имеются глаголы „нейтральные“ к ним. Значение таких глаголов зависит от контекста. К „нейтральным“ глаголам относятся глаголы типа д'эбдэй 'есть, съесть', таудай 'читать, прочесть, считать'.

Категория вида

Категория предельности/непредельности в березовском говоре играет заметную роль в разграничении аспектуальных значений глагольных форм.

Березовский говор чрезвычайно богат формальными средствами выражения характера протекания действия. Эти формы будем называть по традиции „видами“ и „видовыми классами“ (23), хотя, как представляется, целесообразнее было бы применять более обобщающий и широко используемый в современном языковедении термин „способы действия“ (и соответственное ему прилагательное „акциональный“).

В связи с тем, что категории глагола нами описаны ранее, с привлечением данных и говора эвенов Березовки, здесь ограничимся только простым перечислением видов и видовых классов, обращая внимание лишь на особенности их в описываемом говоре.

Исходной формой образования видов и видовых классов является форма с нулевым суффиксом, значение которого с точки зрения завершенности и незавершенности прямо зависит от категории предельности/непредельности (26, с. 124-131). Кроме того, общая исходная основа может иметь ряд конкретных семантических значений, которые создаются в контексте в зависимости от конкретной семантики глагольной основы (23, с. 32-42).

Рассмотрим аспектуальные формы по семантическим группам.

Фа з ы д е й с т в и я характеризуют начинательный, конкретно-процессуальный виды и видовой класс, обозначающий исходность действия.

Особенностью говора является то, что начинательный вид (суффикс -л) имеет два оттенка значения:

а) показывает начало действия, совершаемое данным субъектом впервые, например: Ноуян эгд'этэв элэкэс малран 'Он впервые охотится на лося';

б) как и в литературном, показывает начало любого конкретного действия.

Конкретно-процессуальный вид (суфф. -д'/-д-, -д'ид-, -д'-ид-) показывает развертывающийся процесс действия, как бы видимый, созерцаемый говорящим лицом, например: Нуличан оқат һелилин тибддән 'Лисица бежит по берегу реки'.

Видовой класс, обозначающий исходность действия, образуется от глаголов движения и перехода в состоянии посредством суффикса -сән/-сән/-сн/-с-, например: нулгэсэндэй 'тронуться кочевать', һотусайдай 'начать прокладывать путь'.

Разнообразные оттенки многократности, многообразности и множественности действия объясняет термин кратность действия, который объединяет несколько видов и видовых классов.

Вид неоднократного действия (суфф. -гра/-грэ- и его фонетические варианты) показывает неоднократно повторяющееся действие, например: Титэл ноуян буйум унэт горла бисэкэн мэд'гэрэн, тизкэл һағди туркувэттэн 'Раньше она (собака) чуяла дикого оленя издали, а сейчас, состарившись, не может'.

Непредельные глаголы в форме неоднократного вида обозначают непрерывно-постоянное действие: бигрэдэй 'жить постоянно', 'постоянно бывать', нулгэгрэдэй 'постоянно кочевать'.

Вид многократного действия (суфф. -кат/-кэт-) выражает подчеркнутую частотность, неполноту и раздельность повторяющегося действия, например: Йәми ноуян д'улдула икэттэн? - ул'гимин Кағанкан 'Почему он заходит в дома?' - спросил Кағанкан (имя собственное); Кейэри, тарал ора, амхачантәки кейэгикиэн, дилалбур өгөркәттә 'Видишь, те олени, поглядывая в сторону горы, (часто) поднимают головы'.

Вид обычного действия (суфф. -вач/-вэч- и его фонетические варианты) обозначает обычно повторяющиеся действия, например: Қадақчан чйдамаллан навта һойа һизд'д'эттэн 'Чуть подалее от кадакина растёт много ягеля'; Нәкиз, һағди-да бими, анһантан һойав инуаталхам бақоттан 'Иннокентий добывает ежегодно много пушны, будучи старым'.

Форма обычного вида имеет в березовском говоре многообразные оттенки значений, которые в большинстве случаев определяются глагольной семантикой, контекстом, отчасти связана с категорией переходности/непереходности. Так, нами выявлены семь различных оттенков значений (213, с. 56-60).

Вид повторно-замедленного действия (суфф. -д'ән/-д'ән-) обозначает замедленно непрерывно повторяющиеся действия, например: Әйинд'э, эникэн һәпиучир, орабу тинид'эрири 'Оендя (имя собственное), не торопясь, отпускал и отпускал оленей'.

Эта форма имеет несколько оттенков значений (19, с. 60-61). Особенностью березовского говора является то, что нередко дан-

ная форма употребляется 'чисто' с эмоциональной целью, например: Ноуян д'улай бид'эрири 'Он в своем доме проживает'.

Иногда вне контекста трудно определить значение данной формы. Например, слово иэд'эндэй можно перевести как 1) '(что-то тяжелое) медленно кладется', 2) '(что-то) кладется много раз'.

Вид изредка совершаемого действия (суфф. -вән/-вән-, -ин-) обозначает действие, которое совершается через определенные промежутки времени, редко, нерегулярно, например: илавәндай 'останавливаться с промежутками', от илдай 'встать'; долдәвәндай 'слышать редко', от долдәдай 'слышать', гениндэй 'говорить изредка', от гәндэй 'говорить' и т.д.

Эту форму вида следовало бы целиком отнести к особенностям березовского говора или, точнее, восточных говоров, так как в работах, посвященных диалектам эвенского языка, например арманскому (22), ольскому (69), момскому (14), охотскому (15), эта видовая форма не отмечается, хотя в литературе по эвенскому языку известна начиная с работы В.Г. Богораза (3).

Разнообразные оттенки многократности и множественности действия наряду с видами могут выражать и видовые классы.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -с-, обозначает многократность совершения действия, например: һууристэй 'трогать много раз' от һууридай 'трогать', д'авустай 'ловить много раз или многих' от д'авдай 'ловить, поймать' и др.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -у-, обозначает действие, совершающееся многократно, прерывно, например: пэктэ-рудэй 'стрелять' от пәктэрәндэй 'выстрелить', чаптарудай 'давать осечки' от чаптарәндай 'дать осечку' и др.

Видовой класс, характеризующийся путем противопоставления узкого гласного -и- широкому -а-/-э-, обозначает неопределенную множественность действия, например: олрамайдай 'рыбачить' от олрамайдай 'пойти ловить рыбу', мблiday 'собирает дрова' от мблiday 'пойти за дровами'.

Видовой класс, характеризующийся суффиксами -к-, -м-, обозначает множественность факта действия, например: тәбәлдэй 'раздавить' - тәбәктэй 'раздавливает', тәбәрдэй 'раздавливается' - тәбәмдэй 'раздавливаться'.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -н-(-на-/-нэ-), обозначает неоднократно прерывность действия, например: туттэй 'бежать' - тутәндэй 'бегать туда сюда', һэд'эдэй 'плясать' - һэд'әндэй 'плясать и плясать'.

Направление движения

В эту группу входят аспектуальные формы, показывающие направление движения.

Отправительный способ действия (суфф. -на-/-нэ-) обозначает передвижение действующего лица для совершения действия, указанного основой глагола, например: Тимин мәалрид' и ... н'ән-да чү-қачам бәйкүнән 'На завтра, проснувшись, опять пошел (он) охотить-

ся на птичку ...' (фольк.); Акму тинип һупкутнэрин... 'Старший брат (мой) вчера поехал учиться'.

Вторую группу составляют формы с суффиксом -ргэ-/у-ргэ-, которые обозначают совершение действия, обратное указанному основному глаголу, например: эмэргэдэй 'прийти обратно' от эмдэй 'прийти', тикэргэдэй 'упасть обратно' от тиктэй 'падать'.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -лгэ-/лгэ-/г-, обозначает действие, антонимичное действию, указанному основному глаголу, например: чоралгэдай 'снимать жерди яранги' от чорадай 'ставить жерди яранги', илчалгэдай 'расплетать' от илчадай 'заплетать'.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -нэс-/нэс-, обозначает действие, которое осуществляется субъектом с перемещением его на место действия и обратно, например: д'авинэстэй 'пойти поймать и вернуться обратно' от д'авдай 'поймать', бэйчинэстэй 'пойти охотиться и вернуться обратно'.

Этот видовой класс впервые описан нами ранее (23, с. 73-75), но именно он составляет особенность березовского говора.

Интенсивность действия

Березовский говор располагает морфологическими средствами выражения степени проявления признака действия. Эту группу характеризуют две видовые формы и два видовых класса.

Вид моментального действия (суфф.: -сән-/сән-/сн-, -с-) выражает моментальность, мгновенность совершения действия, например: һәлургән Нинкат, қоучайи гадид'и, чикәс һөнүснән 'Богатырь Нинкат, схватив (свою) саблю, моментально разрубил'; Д'у дөлин тэгәттип һуңәлән һиәснин 'У сидевших в доме на лицах вспыхнул румянец'.

Данный вид имеет несколько оттенков значений (23, с. 76-78).

Интенсивный вид (суфф.: -малчи-/мәлчи) обозначает действие, совершающееся мобильно, интенсивно, например: Нукамалчидай 'быстро снять, сдернуть' от нуктай 'снять', ойчималчидай 'быстро вскарабкаться' от ойчидай 'подняться', тутәмәлчидай 'мчаться' от туттэй 'бежать' и др.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -счи-, обозначает неполноту проявления или признак едва незавершившегося действия, например: удасчидай 'накрапывать (о дожде)' - удандай 'идти дождю', һутарасчидай 'еле-еле краснеть (виднеться - о красных предметах)' - һутардай 'краснеть (виднеться - о красных предметах)'.

Видовой класс, характеризующийся суффиксом -со-, обозначает слабую степень проявления признака действия и неполноту его интенсивности, например: н'дбаласәнсодай 'чуть побелеть' от н'дбаласандай 'побелеть (видеться - о белых предметах)', д'әпсәдэй 'есть чуть-чуть, как бы не хотя' от д'әбдэй 'есть'.

Рассмотренные виды и видовые классы в целом едины с точки зрения аспектуальности, в то же время каждая форма вида и видового класса в разной степени зависима от лексической основы

глагола. Здесь они сгруппированы по признаку сходства в типах протекания глагольного действия.

При анализе данной категории, как и во всей работе (23), нами избран традиционный подход, определяемый как „от формы к значению“. Аспектуальность в данном говоре охватывает приведенные выше различные средства выражения протекания действия. Структурно она представляет поле, ядром которого может быть категория переходности/непереходности, а виды и видовые классы являются способами действия, составляющими с другими средствами периферию поля. В целом они составляют функционально-семантическое поле аспектуальности. В основе лежат типовые категориальные ситуации (7, с. 99-123).

Категория имитации действия

Особой аспектуальной семантикой отличается форма, передающая имитацию действия. Она указывает на подражание действию, которое выражено основным смысловым глаголом. Образуется аналитической конструкцией, состоящей из основного глагола, оформленного формантом -сән-/сән-/сн-, и вспомогательного глагола бидэй 'быть', принимающей все словоизменительные форманты. Например: Пәктәрсән бидэй 'делать вид, будто стреляешь' от глагола пәктәрсән 'выстрелить', гургәвчисән бидэй 'делать вид, будто работаешь' от гургәвчидэй 'работать', долчисән бидэй 'делать вид, будто слушаешь' от долчидэй 'слушать'.

В описываемом говоре данная категория относится к числу весьма продуктивных, хотя на первый взгляд своеобразие ее семантики создает видимость малоупотребительности. Категориальную сущность этой конструкции в системе глагола березовского говора показывают следующие ее признаки:

- 1) устойчивость структуры;
- 2) грамматическая неразложимость: значение имитации присуще данной конструкции в целом, причем учитывается неделимость сочетания, которая проявляется в том, что только в совокупности ее компоненты (части) имеют данное значение;
- 3) широкое распространение конструкции: почти полный охват ею глаголов любой семантики.

Эти грамматические свойства и специфическое семантическое содержание позволяют выделить данную форму как специальный показатель категории имитации.

Категория модальности

Сложную по структуре ФСП образует модальность, которая отражает разные аспекты отношения говорящего к высказываемой мысли и к возможностям реализации действия.

То, что говорится в предложениях говорящим, мыслится как реальность, возможность, необходимость и желательность. В березовском говоре, да и в целом в эвенском языке, определение гово-

рящим своего отношения к высказываемому или объективной действительности получает морфологическое и лексическое выражение. Эти формы в описываемом говоре нами охарактеризованы как модальные. Кроме того, модальность выражается категорией наклонения, интонацией и некоторыми синтаксическими средствами.

К собственно морфологическим показателям модальности относятся суффиксы *-м*, *-мал-/мэл-*, *-счи-*, ранее описанные нами как выражения деизидеративности действия (23, с. 81-84).

Форма с суффиксом *-m* выражает наличие потребности совершить действие, например: *d'əb̆md̆j* 'хотеть есть' – *d'əbd̆j* 'есть', *hukl̆md̆j* 'хотеть спать' – *hukl̆d̆j* 'спать', *q̆l̆amd̆j* 'хотеть пить, курить' – *q̆l̆d̆j* 'пить, курить'.

Форма с суффиксом -мэл-/мэл- указывает на готовность субъекта совершить действие, например: д'эбэмэлдэй 'быть готовым есть', 'сильно захотеть есть' от д'эбдэй 'есть', һэрэмэлдэй 'быть готовым идти' от һэрдэй 'идти, ехать'.

Форма с суффиксом **-счи-** выражает стремление субъекта совершить действие, например: **н' ёсчидей** 'пытаться выйти' от **н' ёдэй** 'выйти', **бэлэсчидей** 'стремиться помогать' от **бэлдэй** 'помогать'.

Кроме вышеназванных морфологических форм, модальность в березовском говоре выражается и лексически. Модальные слова можно разделить на две группы:

1) утвердительные модальные слова: айд'ит, д'апка 'верно', эливун 'действительно';

2) отрицательные модальные слова: туркудэй 'не мочь', нундэй 'не мочь, не уметь', олбадай 'не мочь, не успеть', бадай 'не хотеть (из-за лени)', һэцдэй 'не мочь (из-за препятствия)'.

Отрицательные модальные слова в предложении употребляются с другим (смысловым) глаголом. Вместе они образуют аналитическую конструкцию, где смысловой глагол оформляется специальным показателем *-ца/-цэ*, например: *бакца туркурэм* '(я) не мог найти' (от глагола *бактай* 'найти'); *һөрүз бан* 'лень (ему) ехать, идти' и др.

Итак, в березовском говоре модальность выражается морфологическими, синтаксическими и лексическими средствами. Одним из средств выражения модальности является и интонация. Это позволяет нам говорить о том, что в березовском говоре модальность является функционально-семантической категорией, имеющей центр и периферию.

Наклонение глагола

Морфологическим центром модальности наряду с названными показателями является наклонение.

В березовском говоре имеется богатая система морфологических форм глагола, выражающая характер связи между действием и его осуществлением с учетом точки зрения говорящего.

И з њ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

Оно выражает, по мнению говорящего, реально протекающее во времени действие. Имеет формы настоящего, прошедшего и будущего времени, лица, числа, а также формы отрицания.

Категории лица, числа, времени являются словоизменительными категориями и имеют свои парадигмы изменения, свои морфологические показатели.

К а т е г о р и я л и ц а

В березовском говоре категория лица в глаголе и местоимениях не одно и то же. Они тесно связаны: в системе наклонений (кроме повелительного) столько же лиц, сколько личных местоимений. Окончания глагола за некоторыми исключениями имеют четко выраженные формальные показатели лица, что позволяет употребление личных местоимений считать в какой-то степени необязательным.

Как и в других говорах, в березовском имеется три лица. Все они указывают на субъект действия: первое лицо (бй 'я', бӯ 'мы без вас', мут 'мы все') обозначает говорящего; второе лицо (һй 'ты', һӯ 'вы') – того, к кому обращается говорящий; третье лицо (ноуан 'он', ноуартан 'они') – лицо, не участвующее в речи. Особенности употребления их в говоре те же, что и в литературном языке. Третье лицо с местоимением может быть представлено всеми именами, тогда как первое и второе лица – лишь соответствующими местоимениями. Например: бй эмрэм 'я пришел', һй укчэнири 'ты рассказываешь', ноуан дэчин 'он лежит'. В этих предложениях местоимения бй, һй ничем не заменимы, тогда как местоимение ноуан можно заменить любым подходящим по смыслу существительным.

Показатели категории лица глагола суммарно представлены в табл. 8.

Как видно из табл. 8, березовский говор не имеет различий с литературным эвенским языком, кроме того, что суффиксы конкретно-процессуального вида в настоящем времени не совпадают с суффиксами совершенного вида будущего времени, например:

Литературный	Березовский говор
Настоящее время	
конкретно-процессуального вида	
мăд'инри	мăддинри
Будущее время	
совершенного вида мăд'инри	мăд'д'инри

Разница с материалом В.Г. Богораза небольшая: во 2-м л. мн. числа суффикс -ш и в 3-м л. ед. числа -п (і), во мн. числе - глагольная основа без суффикса (3, с. 20).

Таблица 8

Категории лица

Лицо	Изъявительное наклонение настоящего и будущего времени	Прош. время изъявительного долженствовательного и предположительного	Предостерегательное и сослагательное
Ед. число			
Гй	-м	-в, -у	-в, -у
Һй	-ири	-с	-с
нонан	-н, -ни	-н	о ¹
Мн. число			
Гу	-у	-вун	-бун
мут	-п	-т	-ти
Һу	-с	-сән/-сән	-сән/-сән
ноңартан	о	-тән/-тән	о ¹

¹ Нулевое окончание.

Отрицательная форма

Различные формы выражения отрицания глагола в березовском говоре в известной мере характеризуют глагол как часть речи, так как они являются специфичными для глагола в целом и каждой формы в отдельности. Для выражения отрицания глагольного действия используется специальная аналитическая конструкция, состоящая из отрицательного вспомогательного глагола э-дэй и смыслового глагола с суффиксом -р, -ра. При этом отрицательный глагол (будучи в препозиции) изменяется по всем словозменительным парадигмам глагола, тогда как смысловой глагол в этой конструкции остается в своей неизменной форме с суффиксом -ра, -рэ, -р; например, это видно из схемы спряжения отрицательной конструкции глагола н'эк-тэй 'делать'.

Отрицательная форма

	Настоящее время	Прошедшее время	Будущее время
		ед. число	
1-е л.	э-с-м н'эк-рэ	э-ч-у н'эк-рэ	э-тэ-м н'эк-рэ
2-е л.	э-с-ири н'эк-рэ	э-чи-с н'эк-рэ	э-тэ-ири н'эк-рэ
3-е л.	э-с-ни н'эк-рэ	э-ч н'эк-рэ	э-тэ-н н'эк-рэ
		мн. число	
1-е л. (искл.)	э-с-у н'эк-рэ	э-чи-л-бун н'эк-рэ	э-тэ-ру н'эк-рэ
1-е л. (вкл.)	э-с-п н'эк-рэ	э-чи-л-ти н'эк-рэ	э-тэ-л н'эк-рэ
2-е л.	э-с-с н'эк-рэ	э-чи-л-сән н'эк-рэ	э-тэ-с н'эк-рэ
3-е л.	э-с-тән н'эк-рэ	э-чи-л н'эк-рэ	э-тэ-р н'эк-рэ

Повелительное наклонение

Выражает просьбу, приказание или побуждение к совершению действия. Имеет форму 1-го л. мн. числа и 2-го л. ед. и мн. числа, например: н'эк-кэр 'давай (мы с тобой) делать', н'эк-кэлрэ 'давайте (мы все) делать', н'эк-ли 'делай (ты)', н'эк-э-лрэ, н'эк-лилрэ 'делайте (вы)'.

Отрицательная форма

2-е л. ед. ч.	э-д'и н'эк-ил
	э-д'и н'эк-рэ
1-е л. (искл.) мн. ч.	э-гэр н'эк-рэ
1-е л. (вкл.) мн. ч.	э-гэлрэ н'эк-рэ
2-е л. мн. ч.	э-д'и-л-рэ н'эк-рэ

Долженствовательное наклонение

Выражает обязательность, необходимость, возможность совершения действия. Показателем его является суффикс -нна/у-ниэ-, например: н'эк-э-ниэ-в '(я) должен делать', ба-а-нна-в '(я) должен найти'.

В прошедшем и будущем временах вспомогательный глагол принимает суфф. -си/-ди-.

Отрицательная форма

	Прошедшее время	Будущее время
	ед. число	
1-е л.	э-ч-у н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ н'эк-рэ
2-е л.	э-чи-с н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-с н'эк-рэ
3-е л.	э-ч н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-н н'эк-рэ
	мн. число	
1-е л. (искл.)	э-чи-л-бун н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-вун н'эк-рэ
1-е л. (вкл.)	э-чи-л-ти н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-т н'эк-рэ
2-е л.	э-чи-л-сән н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-сән н'эк-рэ
3-е л.	э-чи-л-тән н'эк-э-ниэ бис	э-ниэ-тән н'эк-рэ

Предостерегательное наклонение

Выражает опасение говорящего возможным (нежелательным) совершением действия.

Настоящее время

ед. число

бй урā-қа-ри-в
һи урā-қа-с
ноңан урā-қ

мн. число

бў урā-қа-л-бун
мут урā-қа-л-ти
һу урā-қа-л-сан
ноңартан урā-қа-л

Будущее время

ед. число

би урā-д'ик-а-ри-в
һи урā-д'ик-а-с
ноңан урā-д'ик

мн. число

бў урā-д'ик-а-л-бун
мут урā-д'ик-а-л-ти
һу урā-д'ик-а-л-сан
ноңартан урā-д'ик-а-л

Отрицательная форма

Настоящее время

Будущее время

ед. число

1-е л. э-кэ-ри-в урар
2-е л. э-кэ-с урар
3-е л. э-кэ-н урар

э-д'ик-э-ри-в урар
э-д'ик-э-с урар
э-д'ик-(э-н) урар

мн. число

1-е л. э-кэ-л-бун урар
(искл.)
1-е л. э-кэ-л-ти урар
(вкл.)
2-е л. э-кэ-л-сэн урар
3-е л. э-кэ-л урар

э-д'ик-э-л-бун урар
э-д'ик-э-л-ти урар
э-д'ик-э-л-сэн урар
э-д'ик-э-л урар

Предположительное наклонение

Выражает действие, совершение которого, вероятно, допустимо с точки зрения говорящего; образуется с помощью суффикса -мнэ-/ -мнэ; н'эк-мнэ-в 'я, возможно, сделаю'; от глагола н'эк-тэй 'делать':

ед. число

бй н'эк-э-мнэ-в
һй н'эк-э-мнэ-с
ноңан н'эк-э-мнэ-н

мн. число

бў н'эк-э-мнэ-вун
мут н'эк-э-мнэ-т
һў н'эк-э-мнэ-сэн
ноңартан н'эк-э-мнэ-тэн

Отрицательная форма

Ед. число

1-е л. э-мнэ-в н'эк-рэ
2-е л. э-мнэ-с н'эк-рэ
3-е л. э-мнэ-н н'эк-рэ

Мн. число

1-е л. (искл.) э-мнэ-вун н'эк-рэ
1-е л. (вкл.) э-мнэ-т н'эк-рэ
2-е л. э-мнэ-сэн н'эк-рэ
3-е л. э-мнэ-тэн н'эк-рэ

Сослагательное наклонение

Оно выражает мнение говорящего о возможности или желательности совершения действия, зависящего от каких-то условий, например, н'эк-тэй 'уйти'.

Ед. число

бй н'эк-э-мчу
һи н'эк-э-мчи-с
ноңан н'эк-э-мчи

Мн. число

бў н'эк-э-мчи-л-бун
мут н'эк-э-мчи-л-ти
һў н'эк-э-мчи-л-сэн
ноңартан н'эк-э-мчи-л

Как и в предостерегательном наклонении, во мн. числе между суффиксом наклонения и лица (-бун, -ти) появляется суффикс мн. числа (-л-).

Отрицательная форма

Ед. число

1-е л. э-мчу н'эк-рэ
2-е л. э-мчи-с н'эк-рэ
3-е л. э-мчи н'эк-рэ

Мн. число

1-е л. (искл.) э-мчи-л-бун н'эк-рэ
1-е л. (вкл.) э-мчи-л-ти н'эк-рэ
2-е л. э-мчи-л-сэн н'эк-рэ
3-е л. э-мчи-л н'эк-рэ

Категория времени

Определителем времени глагола обычно принято считать отношение времени действия глагола к моменту речи. Данный критерий для описываемого говора, а возможно и для эвенского языка в целом, не является абсолютно приемлемым. Он верен только для определения прошедшего и будущего времен изъявительного наклонения. К определению 'настоящего' времени подходит отчасти, ибо в говоре различаются настоящее неопределенное и настоящее предельное время. Время причастий и деепричастий определяется не по отношению к моменту речи, а по соотношению с временем другого действия, т.е. здесь таксисные отношения (7, с. 70-98).

Настоящее время показывает, что действие, выраженное глаголом, совершается или совершалось с моментом речи. Поэтому в настоящем времени в говоре различаем два времени:

а) настоящее неопределенное показывает, что действие совершается в момент речи и не закончено, например: гургэвчирэм '(я) работаю', бисэм '(я) ем' и т.д.;

б) настоящее предельное показывает, что действию, указанному основой глагола, наступил предел, т.е. оно завершилось, например: бакрэм '(я) нашел', тикрэн 'упал' и т.д.

Формантом настоящего времени (и предельного, и неопределенного) служит суффикс -рă/-рĕ-. По нашему наблюдению, это комбинация двух суффиксов, слитых воедино (-р-, -а-), из которых формант -р- в говоре не имеет самостоятельного значения. А в комбинации с суффиксом -а- выражает настоящий момент. Это видно из такого сравнения:

настоящее время: бак-р-ă-м 'нашел (только что)',
эм-р-ă-м 'пришел (только что)';
прошедшее время: бак-р-и-в 'нашел',
эм-р-и-в 'пришел';
настоящее время: гургэвчи-р-ă-м 'работаю';
прошедшее время: гургэвчи-р-и-в 'работал'.

Отсюда видно, что в изъявительном наклонении формантом настоящего времени может считаться суффикс -а-/-э-, а прошедшего времени суфф. -и-. Однако с учетом показателя других форм и времен и невыясненностью роли форманта (-р-) более правильным было бы считать для нашей цели показателем настоящего времени формант -рă-.

Прошедшее время обозначает действие, происходившее до момента речи безотносительно к завершенности и незавершенности действия, например: миэриэ 'заблудился', йриэ 'зашел'. Показателем прошедшего времени является сложный суффикс -ри-.

Будущее время выражает действие, которое совершится после акта речи об этом. Показателем будущего времени является суффикс -д'и-/-чи-, гургэвчид'им 'буду работать', исчим 'достигну' и т.д.

Предельность/неопределенность (которая в целом включается в систему аспектуальной семантики), как указывалось выше, взаимодействует с временными формами, т.е. с темпоральной семантикой. И взаимодействие двух указанных типов как синтез аспектуально-темпоральной семантики можно представить в табл. 9.

Понятие времени присуще всем глагольным словам, однако грамматическое время характерно для изъявительного и отчасти предостерегательного и долженствовательного (в аналитической форме) наклонений и для некоторых форм причастий и деепричастий (см. табл. 10).

Как видно из табл. 10, не имеют формы времени предположительное, сослагательное наклонения, деепричастие условное и предельные и именные формы глагола. Особенностью времени долженствовательного наклонения является то, что оно принимает суффикс -си-, -д'и- в конструкции со вспомогательным глаголом: эмэнэ бисин 'должен был приехать'; эмэнэ бид'ин 'должен (будет) приехать'.

Т а б л и ц а 9

Система аспектуально-темпоральных форм глагола эвенского языка в изъявительном наклонении

Прошедшее время	Прошедшее время предельных глаголов: тэгрив 'сел (я)'	Прошедшее время лексически неопределенных глаголов: бисив 'был, существовал (я)'	Прошедшее время морфологически неопределенных глаголов: тэгэтитив 'сидел (я)'	Прошедшее время процессуальных глаголов: тэгэчидив 'находился, жил (я)'	Прошедшее время процессуальных морфологически неопределенных глаголов: тэгэчидив 'сидел (я)'
Настоящее время	Настоящее время предельных глаголов: тэгрэм 'сел (только что) (я)'	Настоящее время лексически неопределенных глаголов: бисэм 'я есть, живу, емь (я)'	Настоящее время морфологически неопределенных глаголов: тэгэтитэм 'сидю (я)'	Настоящее время процессуальных морфологически неопределенных глаголов: тэгэчидэм 'сиджу (нахожусь в сидячем положении)'	Настоящее время процессуальных морфологически неопределенных глаголов: тэгэчидэм 'сиджу (нахожусь в сидячем положении)'
Будущее время	Будущее время предельных глаголов: тэгд'им 'сяду (я)'	Будущее время лексически неопределенных глаголов: бид'им 'буду (я)'	Будущее время морфологически неопределенных глаголов: тэгэчидим 'буду сидеть'	Будущее время процессуальных лексически неопределенных глаголов: бид'д'им 'буду находиться'	Будущее время процессуальных морфологически неопределенных глаголов: тэгэчид'им 'буду находиться'

Таблица 10

Показатели категории времени

Исходный момент	Момент речи			Момент другого действия
	прошедшее время	настоящее время	будущее время	
Формы глагола				такис
Наклонение:				
Изъявительное	(-р)и	(-р)а	-д'и-, -чи-	-
Повелительное	-	-	-	-
Предостерегательное	-	-ри-	-д'и	-
Долженствовательное	-си-	-	-д'и-	-
	вспом.гл.		вспом. гл.	
Предположительное	-	-	-	-
Сослагательное	-	-	-	-
Причастие	-мйт-	-ри-	-д'ица/-д'ица	-
	-гла/-ча-		-д'ица/-д'ица	
Деепричастие:				
Одновременное	-	-	-	-ици-
				-никэн-
				-никэр-
				-минн/-тит-
Разновременное	-	-	-	-
Условное	-	-	-	-
Предела	-	-	-	-

В целом традиционное определение времени глагола эвенского языка не совсем соответствует языковой действительности, если учесть современные достижения науки в области алтаистики (17). Вышеприведенный анализ конкретных значений так называемого настоящего времени с суффиксом -ра- показывает, что здесь выражается не только настоящее, но прошедшее действие. Видимо, это вневременная форма, значение которой зависит от конкретной семантики глагольной основы. Отсюда напрашивается вывод, что в эвенском языке последовательно не отразилась логическая закономерность течения времени из прошедшего через настоящее и будущее (17, с. 188-193). Этот вопрос требует дальнейшей более подробной разработки.

Типы спряжения

Глаголы березовского говора, как и других говоров, можно отнести к двум типам спряжения: глаголы правильного спряжения и глаголы неправильного спряжения. Основным критерием такого разграничения является видоизменение суффикса настоящего времени изъявительного наклонения. Глаголы правильного спряжения видоизменяют суффикс настоящего времени так: -ра-, -да-, -та-, -са- и в зависимости от конечного звука основы иногда вообще теряют

его. А глаголы неправильного спряжения видоизменяют суффикс -ра- независимо от конечного звука основы.

В свою очередь глаголы правильного спряжения подразделяются на три класса спряжения в зависимости от формы 3-го лица ед. числа настоящего времени изъявительного наклонения.

Глаголы правильного спряжения

I класс. Сюда относятся глаголы, основа которых оканчивается на любой гласный. Они характеризуются суффиксом настоящего времени -ра-, -рэ-, -р-, который опускается в 3-м лице ед. числа и во 2-м лице мн. числа, например, глагол бдай 'сделать', спрягается так:

ед. число	мн. число
бй б-р-м	бү б-р-у
һй б-ри	мут б-р-п
ноһан б-н-	һү б-с
	ноһартан б-р

II класс включает основы, которые оканчиваются на согласный, за исключением неусеченных основ на -н-. Они в свою очередь подразделяются на две группы:

а) основы с конечными согласными в, ч, й, к, л, р, м, н', ц, н (усеченная основа). Они во всех лицах и числах сохраняют суффикс -р-/-р-:

ед. число	мн. число
бй т-р-м	бү т-р-у
һй т-р-ри	мут т-р-п
ноһан т-р-н	һү т-р-с
	ноһартан т-р-р

б) основы с конечными согласными д, д', т, ч, б, с. При спряжении они сохраняют суффикс настоящего времени во всех лицах и числах, кроме 2-го лица мн. числа, но в ассимилированной форме: -д-/-д- (после основ на -д/-д'), -т-/-т- (после основ на т, ч, б, п), и -са-/-с- (после основ на -с), например:

бй уд-д-м	тэт-т-м	тэс-с-м
һй уд-д-ри	тэт-т-ри	тэс-т-ри
ноһан уд-д-н	тэт-т-н	тэс-с-н
бү уд-д-у	тэт-т-у	тэс-с-у
мут уд-д-п	тэт-т-п	тэс-с-п
һү уд-д-с	тэт-т-с	тэс-т-с
ноһартан уд-д-	тэт-т-	тэс-с-

III класс включает глаголы с неусеченной основой на -н, которые подразделяются на две группы:

а) односложные основы, при спряжении которых отсутствует суффикс -ра в любом варианте, а также между корнем и личным суффиксом появляется гласный а, э, кроме 3-го лица ед. числа и 1-го лица мн. числа. 3-е лицо ед. числа имеет суфф. -ни, а во мн. числе совпадает с основой, т.е. имеет нулевой суффикс, например:

бй йн-э-м 'существую'	пэктэрэн-э-м 'выстрелил'
һй йн-э-ни	пэктэрэн-э-ни
ноһан йн-ни	пэктэрэн-ни
бү йн-у	пэктэрэн-у
мут йн-э-п	пэктэрэн-э-п
һү йн-э-с	пэктэрэн-э-с
ноһартан йн	пэктэрэн

б) многосложные основы с недолгим гласным конечного слога, но с открытым предшествующим слогом. Они при спряжении теряют гласный конечного слога основы, принимая гласный -а/-э- перед личным суффиксом, например:

бй боқн-а-м	бү боқн-у
һй боқн-а-ни	мут боқн-а-п
ноһан боқн-а-ни	һу боқн-а-с
	ноһартан боқн-а

В говоре этот подтип спряжения охватывает незначительную часть глагольной основы.

Глаголы неправильного спряжения

В этот тип спряжения включаются глаголы, которые не укладываются в рамки вышеизложенных основ спряжений. К ним относятся:

а) вспомогательный глагол бдай 'становиться, стать'. Сюда же включаются полнозначные глаголы типа гадай 'взять, брать', нэ-дэй 'класть, положить'. Особенностью их является то, что при спряжении они принимают суффикс -да/-д- вместо предполагаемого -ра/-рэ/-р-, например:

бй б-дэ-м, нэ-дэ-м га-дэ-м,
һй б-дэ-ни, нэ-дэ-ни га-дэ-ни,
ноһан б-д-ни, нэ-д-ни, гá-д-ни,
бү б-д-у, нэ-д-у, га-д-у,
мут б-дэ-п, нэ-дэ-п га-дэ-п,
һү б-дэ-с, нэ-дэ-с га-дэ-с,
ноһартан б-д, нэ-д га-д;

б) вспомогательный глагол бидэй 'быть' и отрицательный глагол эдай 'не делать что-либо'. При спряжении эти глаголы оформляются суффиксом времени -сэ/-с-/-ч-, например:

бй би-сэ-м э-сэ-м һар,
һй би-сэ-ни э-сэ-ни һар,
ноһан би-с-ни э-с-ни һар,
бү би-с-у э-с-у һар,
мут би-сэ-п э-сэ-п һар,
һү би-сэ-с э-сэ-с һар,
ноһартан би-с э-ч һар.

Как видно, суффиксом -с- оформляются 3-е л. ед. числа, 1-е л. (искл.) и 3-е л. мн. числа, его вариантом суффиксом -ч- оформлен вспомогательный глагол 3-го л. мн. числа;

в) сюда включаются глаголы с конечным согласным, которые при спряжении суффикс времени -ра/-рэ- видоизменяют на -са/-сэ/-с-, например глаголы дэҕдэй 'лететь', Һалдай 'нести на руке', 'держат на руке', индэй 'нести на спине':

бй дэҕ-сэ-м, Һал-сэ-м, ин-сэ-м,
һй дэҕ-сэ-ни, Һал-сэ-ни, ин-сэ-ни,
ноһан дэҕ-сэ-н, Һал-сэ-н, ин-сэ-н,
бү дэҕ-с-у, Һал-с-у, ин-с-у,
мут дэҕ-сэ-п, Һал-сэ-п, ин-сэ-п,
һү дэҕ-сэ-с, Һал-сэ-с, ин-сэ-с,
ноһартан дэҕ-сэ, Һал-сэ, ин-сэ.

В исследованиях по эвенскому языку имеется и другой принцип классификации спряжений. К.А. Новикова вслед за И. Бенцингом предложила семантико-морфологическую классификацию (19). По сравнению с этим фонетический принцип классификации спряжений глаголов у В.Г. Богораза более соответствует строю языка (3, с. 26-27). В работе по ольскому говору К.А. Новикова придерживается этой же линии классификации классов спряжений глаголов (19, с. 72-74) и выделяет: 1) глаголы активного действия, принимающие суфф. -рй/-рй/-ра-, -рэ; 2) глаголы состояния, принимающие суфф. -сй/-сй/-с-; 3) глаголы, обозначающие переход из одного состояния в другое, которые принимают суфф. -дй/-дй/-д- (19, с. 72). Безусловно, вопрос этот требует специального исследования, однако заметим, что семантико-морфологический принцип не всегда подтверждается фактами языка; например, глаголы состояния имеют суффикс -ра-: Һуклэдэй 'спать' - Һуклэ-рй-н 'он спит', бутэндэй 'болеть' - бутэн-рй-н 'он болеет', ерлэлдэ-дэй 'радоваться' - ерэлдэрй-н 'он радуется' и др. Таких несоответствий можно привести много. Однако не это главное, а то, что спряжение глагола не семантико-морфологическая категория, а „чисто“ грамматическая категория, зависящая не от семантики. Это видно на материалах других говоров и диалектов эвенского

языка (33, с. 190-206; 14, с. 85-87; 15, с. 85-100 и др.). Материал березовского говора еще раз подтверждает это. Выше нами приведены образцы спряжений глаголов по классам в изъявительном наклонении настоящего времени. Ниже приводим некоторые примеры спряжений по остальным наклонениям.

Т а б л и ц а 11

I класс

Накло- нение	Число	Лицо	О-дай 'де- лать, сделать'	Ани-дай 'подарить'
Повели- тельное	Настоящее время			
	Ед.	2-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.)	ō-ли ō-гар ō-гәлрә	ани-ли ани-гар ани-гәлрә
	Мн.	2-е л.	ō-лра ō-лилрә	ани-лрә ани-лилрә
	Будущее время			
Предостере- гательное	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	ō-д'ик-а-ри-в ō-д'ик-а-с ō-д'ик	ани-д'ик-а-ри-в ани-д'ик-а-с ани-д'ик
	Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	ō-д'ик-а-л-бун ō-д'ик-а-л-тй ō-д'ик-а-л-сан ō-д'ик-а-л	ани-д'ик-а-л-бун ани-д'ик-а-л-тй ани-д'ик-а-л-сан ани-д'ик-а-л
	Долженствовательное			
	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	ō-нна-в ō-нна-с ō-нна-н	ани-нна-в ани-нна-с ани-нна-н
Долженствовательное	Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	ō-нна-вун ō-нна-т ō-нна-сан ō-нна-тан	ани-нна-вун ани-нна-т ани-нна-сан ани-нна-тан
	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	ō-нна би си-в ōнна би-си-с ōнна би-си-н	ани-нна би-си-в анинна би-си-с анинна би-си-н
	Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	ōнна би-си-вун ōнна би-си-т ōнна би-си-сән ōнна би-си-тән	анинна би-си-вун анинна би-си-т анинна би-си-сән анинна би-си-тән
	Предполо- жительное			
	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.)	ō-мна-в ō-мна-с ō-мна-н ō-мна-вун	ани-мна-в ани-мна-с ани-мна-н ани-мна-вун

Т а б л и ц а 11 (продолжение)

Накло- нение	Число	Лицо	О-дай 'де- лать, сделать'	Ани-дай 'по- дарить'
Пред- поло- житель- ное	Мн.	1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	ō-мна-т ō-мна-сан ō-мна-тан	ани-мна-т ани-мна-сан ани-мна-тан
	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	ō-мчу ō-мчи-с ō-мчи ō-мчи-л-бун ō-мчи-л-тй ō-мчи-л-сән ō-мчи-л	ани-мчу-у ани-мчи-с ани-мчи ани-мчи-л-бун ани-мчи-л-тй ани-мчи-л-сән ани-мчи-л

Как видно из таблицы 11, березовский говор имеет свои особен-ности по сравнению с литературным языком. Повелительное накло-нение представлено только одним временем (настоящим). Предполо-жительное наклонение по сравнению с литературным также не име-ет настоящего времени. Отличием является то, что долженствова-тельное наклонение имеет прошедшее время в форме аналитической конструкции, например: Нинкат ул'чикичи тйнив ил'чанна бисин 'Нинкат (имя собственное богатыря) вчера должен был заплетать свой толстый аркан'. В некоторых случаях как вариант встречается и такая конструкция: биннан бисин 'должен был сделать (он)'. Име-ются незначительные фонетические особенности, легко заметные при сравнении с литературным (33, с. 212-221). Мы преднаме-ренно не дали спряжение глаголов в изъявительном наклонении про-шедшего и будущего времен, ибо они существенных отличий не имеют.

Второй класс спряжения имеет общие диалектальные отличия от других говоров (20; 21; 14; 15); в то же время, как видно из табл. 12, имеет отличия от восточных говоров в целом (19) и от литературного в частности. При этом не имеем в виду разли-чия в классификации глагольных категорий, в том числе типов спряжения глагола (33, с. 218; 35, с. 756-758).

В березовском говоре в отличие от других говоров имеется прошедшее время долженствовательного наклонения, причем весьма употребительное. Повелительное наклонение представлено только формами настоящего времени. При спряжении основ, которые окан-чиваются на -н (усеченная основа), в повелительном наклонении 2-го л. ед. числа встречаются иногда двойные варианты суффиксов, например: күрәкинни, күрәкинли 'кружись (ты)'.

Третий класс спряжения не имеет будущего времени в повели-тельном наклонении, как во всех классах спряжения. В то же вре-мя во мн. числе представлено четыре формы, а долженствователь-ное наклонение имеет в отличие от других говоров прошедшее вре-

Таблица 12

II класс

Накло- нение	Время	Число	Лицо	а) Тиктэй 'падать'	б) Улдай 'идти по следу, высле- живать'
Повели- тельное	Настоящее	Ед. Мн.	2-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л.	тик-л'и тик-кэр тик-кэлрэ тик-э-лрэ тик-л'илрэ	уд-л'и уд-гэр уд-галрэ уд-и-лрэ уд-л'илрэ
Предпос- редатель- ное	Настоящее	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л.	тик-чик-э-ри-в тик-чик-э-с тик-чик тик-чик-э-л-бун тик-чик-э-л-ти тик-чик-э-л-сэи	уд-дик-э-ри-в уд-дик-э-с уд-дик уд-дик-э-л-бун уд-дик-э-л-ти уд-дик-э-л-сэи
Долженствование	Будущее	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	тик-и-ннэ-в тик-и-ннэ-с тик-и-ннэ-н тик-и-ннэ-вун тик-и-ннэ-т тик-и-ннэ-сэи тик-и-ннэ-тэи	уд-и-нна-в уд-и-нна-с уд-и-нна-н уд-и-нна-вун уд-и-нна-т уд-и-нна-сэи уд-и-нна-тэи
	Прошедшее	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	тик-и-ннэ би-си-в тик-и-ннэ би-си-с тик-и-ннэ би-си-н тик-и-ннэ би-си-вун тик-и-ннэ би-си-т тик-и-ннэ би-си-сэи тик-и-ннэ би-си-тэи	уд-и-нна би-си-в уд-и-нна би-си-с уд-и-нна би-си-н уд-и-нна би-си-вун уд-и-нна би-си-т уд-и-нна би-си-сэи уд-и-нна би-си-тэи
Предположительное		Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	тик-и-мнэ-в тик-и-мнэ-с тик-и-мнэ-н тик-и-мнэ-вун тик-и-мнэ-т тик-и-мнэ-сэи тик-и-мнэ-тэи	уд-и-мна-в уд-и-мна-с уд-и-мна-н уд-и-мна-вун уд-и-мна-т уд-и-мна-сэи уд-и-мна-тэи
		Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	тик-э-мчи-у тик-э-мчи-с тик-э-мчи тик-э-мчи-л-бун тик-э-мчи-л-ти тик-э-мчи-л-сэи тик-э-мчи-л	уд-и-мчи-у уд-и-мчи-с уд-и-мчи уд-и-мчи-л-бун уд-и-мчи-л-ти уд-и-мчи-л-сэи уд-и-мчи-л

Таблица 13

III класс

Накло- нение	Время	Число	Лицо	а) Тин-дай 'пустать, отпустить'	б) Бокан-дай 'настигнуть'
Повели- тельное		Ед. Мн.	2-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л.	гй-ли гй-гэр гй-гэлрэ гй-лрэ гй-лилрэ	боқ-ли боқ-кэр боқ-кэлрэ боқ-а-лрэ боқ-лилрэ
Предпос- редательное		Ед. Мн.	2-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	гйн-д'ик-э-ри-в гйн-д'ик-э-с гйн-д'ик гйн-д'ик-э-л-бун гйн-д'ик-э-л-ти гйн-д'ик-э-л-сэи гйн-д'ик-э-л	боқан-д'ик-э-ри-в боқан-д'ик-э-с боқан-д'ик боқан-д'ик-э-л-бун боқан-д'ик-э-л-ти боқан-д'ик-э-л-сэи боқан-д'ик-э-л
Долженствование	Будущее	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	гй-ннэ-в гй-ннэ-с гй-ннэ-н гй-ннэ-вун гй-ннэ-т гй-ннэ-сэи гй-ннэ-тэи	боқ-нна-в боқ-нна-с боқ-нна-н боқ-нна-вун боқ-нна-т боқ-нна-сэи боқ-нна-тэи
	Прошедшее	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	гй-ннэ би-си-в гй-ннэ би-си-с гй-ннэ би-си-н гй-ннэ би-си-вун гй-ннэ би-си-т гй-ннэ би-си-сэи гй-ннэ би-си-тэи	боқ-нна би-си-в боқ-нна би-си-с боқ-нна би-си-н боқ-нна би-си-вун боқ-нна би-си-т боқ-нна би-си-сэи боқ-нна би-си-тэи
Предполо- жительное		Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	гй-мнэ-в гй-мнэ-с гй-мнэ-н гй-мнэ-вун гй-мнэ-т гй-мнэ-сэи гй-мнэ-тэи	боқ-мна-в боқ-мна-с боқ-мна-н боқ-мна-вун боқ-мна-т боқ-мна-сэи боқ-мна-тэи
	Сослагательное	Ед. Мн.	1-е л. 2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	гй-мчи-у гй-мчи-с гй-мчи гй-мчи-л-бун гй-мчи-л-ти гй-мчи-л-сэи гй-мчи-л	боқ-мчи-у боқ-мчи-с боқ-мчи боқ-мчи-л-бун боқ-мчи-л-ти боқ-мчи-л-сэи боқ-мчи-л

Таблица 14

Глаголы неправильного спряжения (1V класс)

Накло- нение	Время	Число	Лицо	а) Га-дай 'взять, брать'	б) Би-дэй 'быть'
Повели- тельное	Настоящее	Ед.	2-е л.	га-ли	би-ли
		Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л.	га-гѣр га-гѣлрѣ га-лрѣ га-лилрѣ	би-гѣр би-гѣлрѣ би-лрѣ би-лилрѣ
Предостере- гательное		Ед.	1-е л.	га-д'ик-а-ри-в	би-д'ик-э-ри-в
		Мн.	2-е л. 3-е л. 1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	га-д'ик-а-с га-д'ик га-д'ик-а-л-бун га-д'ик-а-л-ти га-д'ик-а-л-сан га-д'ик-а-л	би-д'ик-э-с би-д'ик би-д'ик-э-л-бун би-д'ик-э-л-ти би-д'ик-э-л-сэн би-д'ик-э-л
Долженствовательное	Будущее	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	га-нна-в га-нна-с га-нна-н	би-нна-в би-нна-с би-нна-н
		Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	га-нна-вун га-нна-т га-нна-сан га-нна-тан	би-нна-вун би-нна-т би-нна-сэн би-нна-тэн
	Прошедшее	Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	га-нна би-си-в га-нна би-си-с га-нна би-си-н	би-нна би-си-в би-нна би-си-с би-нна би-си-н
		Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	га-нна би-си-вун га-нна би-си-т га-нна би-си-сэн га-нна би-си-тэн	би-нна би-си-вун би-нна би-си-т би-нна би-си-сэн би-нна би-си-тэн
Предполо- жительное		Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	га-мна-в га-мна-с га-мна-н	би-мнэ-в би-мнэ-с би-мнэ-н
		Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	га-мна-вун га-мна-т га-мна-сан га-мна-тан	би-мнэ-вун би-мнэ-т би-мнэ-сэн би-мнэ-тэн
Сослагательное		Ед.	1-е л. 2-е л. 3-е л.	га-мч-у га-мчи-с га-мчи	би-мч-у би-мчи-с би-мчи
		Мн.	1-е л. (искл.) 1-е л. (вкл.) 2-е л. 3-е л.	га-мчи-л-бун га-мчи-л-ти га-мчи-л-сан га-мчи-л	би-мчи-л-бун би-мчи-л-ти би-мчи-л-сэн би-мчи-л

ма в форме аналитической конструкции со вспомогательным глаголом бидэй 'быть'.

Глаголы неправильного спряжения имеют те же особенности, что и других классов глаголов, кроме настоящего времени изъявительного наклонения. В настоящем времени спряжение их не отличается от литературного языка (35, с. 748-758). Разница состоит в том, что для березовского говора не характерно будущее время повелительного наклонения.

Особенностью долженствовательного наклонения является то, что некоторые глаголы употребляются в сочетании с причастиями настоящего времени, например, глагол б-дай 'стать кем-нибудь, каким-нибудь':

бй дук-ри б-нна-в 'я должен стать грамотным' (досл.: 'я должен стать пишущим', во всех формах),
 һй дук-ри б-нна-с 'ты должен стать грамотным',
 ноңан дук-ри б-нна-н 'он должен стать грамотным',
 бӯ дук-ри б-нна-вун 'мы (с тобой) должны стать грамотными',
 мут дук-ри б-нна-т 'мы (все) должны стать грамотными',
 һӯ дук-ри б-нна-сан 'вы должны стать грамотными',
 ноңартан дук-ри б-нна-тан 'они должны стать грамотными'.

Подавляющее большинство глаголов, принимающих форму причастия прошедшего времени с суффиксом -ча, употребляются в сочетании со вспомогательным глаголом би-дэй 'быть' в форме сослагательного наклонения, образуя своеобразную аналитическую конструкцию,

бй дук-ча би-мч-у 'я написал бы' (досл.: 'я писавший был бы') (во всех формах),
 һй дук-ча би-мчи-с 'ты написал бы',
 ноңан дук-ча би-мчи 'он написал бы',
 бӯ дук-ча би-мчи-л-бун 'мы (с тобой) написали бы',
 мут дук-ча би-мчи-л-ти 'мы (все) написали бы',
 һӯ дук-ча би-мчи-л-сэн 'вы написали бы',
 ноңартан дук-ча би-мчи-л 'они написали бы'.

В целом категория наклонения в березовском говоре – одна из центральных категорий глагола, которая выделяется на основе семантических и фономорфологических признаков и имеет ряд отличий от восточных говоров, литературного языка, не говоря о других диалектных группах эвенского языка.

Причастие и деепричастие как глагольные формы

Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой причастие и деепричастие являются особыми формами глагола как части речи (29, с. 200-248).

В березовском говоре причастие и деепричастие наряду с общей категориальной семантикой глагольных слов имеют и общие грамматические категории. Ими являются категория переходности/непереходности, залога, предельности/непредельности, вида, времени, лица и др.

Причастие

Причастие в березовском говоре – это неспрягаемая форма глагола, обозначающая признак, возникший в результате действия. Причастие совмещает в себе признаки глагола, имен, в том числе прилагательного. Глагол в причастной форме может быть переходным и непереходным, иметь форму залога, вида, модальности, времени, также может управлять и сочетаться с наречием. Будучи неспрягаемой формой, причастие лишено категории склонения и лица. Оно может склоняться, принимать именные суффиксы множественного числа и иметь притяжательную форму.

В березовском говоре причастие имеет три формы времени.

Причастие настоящего времени образуется с помощью суффикса -ри/-ди/-ти/-ни, -си и выражает признак в виде развивающегося действия, одновременно с временем глагола-сказуемого, например: курэлчи-ри биракчан 'журчащий ручей', буйуд-ди бэй 'сохотящийся человек', учут-ти уси 'запутавшаяся веревка', й-ни бэй 'живущий человек', дэ-си дэги 'летающая птица' и др.

Причастие прошедшего времени выражает признак, возникший в результате действия, совершенного до момента речи. В березовском говоре имеет отчетливо выраженные градации, отличающиеся только степенью отдаленности прошедшего действия от момента речи. Имеет три степени отдаленности.

1) Причастие недавно прошедшего времени образуется посредством суффикса -мат/-мэт и выражает признак, возникший в результате только что произведенного действия, например: тулэ-мэт нау 'только что поставленная пасть', дурэмэт исэс 'только что сгоревший лес', д'амамат учик 'только что пойманный верховой олень'.

2) Причастие прошедшего времени образуется посредством суффикса -ча/-чэ, обозначает признак, возникший в результате действия, произведенного в неопределенном прошлом, например: һэҗдэр-чэ учи 'порванная веревка', һа-ча 'узнавший, узнал'.

3) Причастие давно прошедшего времени образуется суффиксом -тла/-тлэ и обозначает признак, возникший в результате давно-прошедшего времени (по мнению говорящего), например: чики-тла һэакита 'давно вырубленное дерево', би-тлэ тёр 'местность, где когда-то жили', дурэ-тлэ исэс 'давно сгоревший лес'.

Причастие будущего времени образуется с помощью суффикса -д'иңа/-д'иңэ, -д'иңа/-д'иңэ, чиңа/-чиңэ, -тиңа/-тиңэ и обозначает признак предмета, который (по мнению говорящего) возникает или может возникнуть в результате действия самого предмета или действия над ними, например: һелу-тиңэ гиркари 'волк, который будет преследован', эм-д'иңэ бэй 'человек, который придет' и др.

Йа́к но́ңа́ һа́лтиңэ? 'Разве можно его преследовать?'. Эта форма употребляется с глаголом бидэй 'быть'.

В „колымско-омолонском“ говоре В.Г. Богораз выделяет как инфинитивную форму глагола с суффиксом -кич: тинакич (3, с. 33), тиккич (с. 35), эмкич (с. 37), алаткич (с. 39), һэпкэкич (с. 41). В последующих исследованиях по эвенскому языку и его диалектам эта форма классифицируется по-разному: как отглагольные существительные, обозначающие место действия (16, с. 133; 33, с. 57-58), или как причастие (14, с. 90; 15, с. 114). Анализ материала березовского говора показывает, что авторы вышеуказанных работ брали только одну из сторон рассматриваемого суффикса, ибо есть и отглагольные существительные с данным суффиксом, например: мели-кич 'место, где берут воду, водоем', һуна-кич 'пила' и др. С другой стороны, это продуктивный суффикс, образующий причастную форму со значением допустимости, возможности, например: гё-кич 'можно сказать', қол-кич 'можно пить, курить', һайу-кич 'можно сломать', буйу-кич 'можно охотиться', ери-кич 'можно остановиться ночлегом', һа-кич 'можно узнать' и т.д. Эта форма продуктивна и характеризуется всеми категориями причастий. Его условно можно назвать причастием возможности.

В березовском говоре к причастиям следует отнести и форму с суффиксом -бгән-бгән, которая имеется и в других эвенских говорах (14, с. 91; 15, с. 115). Эта форма выражает отсутствие препятствия при совершении действия, т.е. как бы удачность для его совершения, например: нулгэ-бгән бидән 'чтоб не было препятствий для кочевки', нулгэ-бгән инэу 'удачный день для кочевки', пёктэрэ-бгән бидән 'чтобы было удобно стрелять', ичибгән бидән 'чтобы не было препятствий для наблюдения', ичи-бгән түрбэ 'бинокль удобный для видения', оламачи-бгән окат 'река, удобная для рыболовства' и др. Эту форму условно назовем причастием удобства к совершению действия.

Схематически причастия березовского говора можно представить следующим образом:

Разряд причастий	Формы причастий	Перевод
Глагол бактай 'найти'		
Настоящего времени	бақ-ри	'находящийся'
Недавно прошедшего времени	бақ-а-мат	'только что найденный'
Прошедшего времени	бақ-ча	'нашедший'
Давно прошедшего времени	бақ-а-тла	'найденный давно'
Будущего времени	бақ-чиңа	'тот, который найдет'
Возможности	бақ-кич	'можно найти'
Удобства	бақ-а-бгән	'то, которое легко найти'

Эти причастные формы склоняются в единственном и во множественном числе, как прилагательные и как существительные. Причастие в березовском говоре очень употребительно и полифункционально. Об этом пишут и исследователи других говоров (19, с. 105-111; 14, с. 88-94; 15, с. 108-117), хотя имеются расхождения в определении его места среди глагольных форм (18, с. 11).

Деепричастие

Деепричастие — это неспрягаемая глагольная форма, выражающая побочные действия; будучи неличной формой глагола, оно имеет признаки как глагола, так и наречия.

Деепричастие в березовском говоре имеет следующие признаки глагола: 1) общее семантическое содержание — обозначение действия, 2) общность видовых и залоговых форм, 3) обладает одинаковым управлением винительным падежом. Категория времени присуща и деепричастиям. Однако отсчет времени у деепричастий берется не от момента речи (настоящее, прошедшее, будущее), а от времени другого действия. Поэтому у деепричастий категорией времени являются одновременность, предшествование и другие оттенки протекания действия во времени.

Сходство деепричастий с наречиями состоит в том, что они не изменяются и не согласуются, за исключением форм на -ниқан, -рид'и (они согласуются в числе).

Разряды деепричастий

В березовском говоре имеются следующие разряды деепричастий: 1) настоящее-одновременное, 2) разновременное, 3) последовательное, 4) условно-временное, 5) деепричастие предела, 6) одновременное.

Настоящее-одновременное деепричастие обозначает побочное одновременное действие с действием глагола-сказуемого. При этом оба действия исходят от одного и того же субъекта. Данная деепричастная форма изменяется по числам. Образуется посредством суффикса -ниқан/-ниқэн (ед. число) и -ниқар/-ниқэр (мн. число), например:

Өмөндүт илатниқан, өрөлөрбү эйдүвүтэн нэмкэнни '(Он), стоя на одном месте, перестрелял луком всех кочевников' (фольк.); Нэлургэр һогарандули, д'олалбу усицэтникэр, һөрритэн 'Богатыри пошли по дороге, раскидывая камни'.

Разновременное деепричастие обозначает побочное действие, предшествующее действию глагола-сказуемого, и, как деепричастие настоящее-одновременное, изменяется по числам. Оно образуется с помощью суффиксов рид'и (и его фонетических вариантов) (ед. число) — рид'ур (и его фонетических вариантов) (для мн. числа), например:

Дагрит һотәснид'и, Нинкат илрин, н'ан амқачантәки һөррин 'Немного отдохнув, Нинкат (имя собств.) встал и пошел в сторону горы'; Учикәлбур һинмач д'аврид'ур, ноқартан нулгәснид'и 'Они, быстро поймав ездовых оленей, откочевали'.

Особенностью данной формы является то, что предшествующее действие может относиться не только к прошедшему времени, но и к настоящему и будущему, например:

Дагрит тәғәснид'и, ноқан илрэн (наст. вр.) 'Немного присев, (он) встал'; Тинив, Дагрит тәғәснид'и, ноқан илрин (прош. вр.) 'Вчера немного присев, (он) встал'; Тимина, дагрит тәғәснид'и, ноқан ил'д'ин (будущ. вр.) 'Он завтра, немного присев, встанет'.

В контексте эта деепричастная форма обозначает цепь последовательных действий.

Последовательное деепричастие выражает действие, совершаемое субъектом, после которого он незамедлительно приступает к совершению другого действия. Образуется посредством суффикса -мнин, иногда для выражения экспрессивности значения к данной форме присоединяется усилительная частица -тит, -та, например:

Нэлургэн, ноқман ичимнин-тит, қоқурайи гадид'и, мэлүңчин 'Богатырь, как только увидел его, вспрыгнул, схватив (свое) копье'.

Условно-временное деепричастие образуется посредством суффикса -ми и выражает условно-причинную связь глагола с побочным действием субъекта, например:

Пиэләннәйкэн кучукәм-дә д'эбми, тоғлай уләвәттән... (фольк.) 'Бедный человек (досл. 'мучающийся бедностью'), если даже есть немного, то всегда (что-нибудь) бросает в огонь (свой)...'

Эта деепричастная форма иногда может выражать функцию, напоминающую значение инфинитива русского глагола,¹ например:

Йндәй эңий ачча бисәкән, айич дәрәмкәдәй һәми ай 'Если нет сил выжить, надо умереть с достоинством' (фольк.).

Данная форма более употребительна в фразеологических сочетаниях типа: Өмән' төрән' гәми, нақат һо мәрғәч д'илгәнкә 'Одним словом, медведь — умный зверь'; Тәдич мәрғәтми, бй һалган'һерчәй һоч һәләрив 'Прямо говоря, я очень раскисался, что пошел пешком'.

Эта деепричастная форма в контексте может выражать и относительное время совершения действия, выраженного глаголом-сказуемым, например:

Ноқан эрәв эйду этәкитли көйәччәй укчәнрин 'Он рассказал все то, что видел во время сна'.

Вспомогательные глаголы бидәй 'быть', бдай 'стать кем- или чем-нибудь' в форме условно временного деепричастия выражают наличие каких-то обстоятельств, вопреки которым совершается действие, например: Нәкиә, һағди-да бми, унәт һо гирқалан 'Иннокентий хотя постарел, но еще может много ходить'.

¹ Подробнее см.: Г л а д к о в а Н.И. Об инфинитиве в эвенкийском и эвенском языках // Филологические науки. Лингвистика: XXV герценовские чтения. Краткое содержание докладов 1972 г. Л., 1972. С. 163-166.

Деепричастие предела обозначает доведенный до предела осуществления признак действия, указанного глагольной основой. Образуется с помощью суффикса -қан/-кэн, например:

Н'элтэк, этикэдекэм-аринқив иттид'и, һоңақан һәйилрин 'Нәлтэк (имя собств.), увидев старикашку-черта, испугалась до слез'.

Одновременное деепричастие обозначает действие, совершающееся как фон другого действия. Образуется с помощью суффикса -ңси-, например:

Бй эгд'этэв һиңид'эңсив, Мико укәл өмәм мән 'Пока я разделывал сохатого, Коля уже убил одного'.

Эта деепричастная форма стоит особняком среди других форм, ибо она спрягается:

бй һукләңсив 'когда я спал',
һй һукләңсис 'когда ты спал',
ноңан һукләңсин 'когда он спал',
бү һукләңсивун 'когда мы (без вас) спали',
мут һукләңсит 'когда мы (с вами) спали',
һү укләңсисән 'когда вы спали',
ноңартан һукләңситән 'когда они спали'.

Также она может принимать безличные суффиксы, например: бңсий 'когда делал он (она, ты, сам)'.

Именные формы глагола

Березовский говор имеет две своеобразные формы, которые нами названы именными вслед за другими исследователями (25, с. 249-262; 19, с. 94-105). Эти формы сочетают ряд признаков имени и глагола, но в весьма своеобразном сочетании. К именным формам глагола относим такие образования, которые оформляются суффиксами -да/-дэ, -та/-тэ и -дак/-дэк с фонетическими вариантами. В литературе по тунгусо-маньчжурским языкам они называются супином и кондиционалем (25, с. 249-255).

Супин выражает действие, для совершения которого предпринимается другое действие. Образуется, как и в литературном языке, с помощью суффикса -да/-дэ, -та/-тэ, например:

Булән ментәлсә булдутила амқачам һәйәлән ичилдәдәвур мәтум тини 'Враг послал сообщение, чтобы встретиться ранней осенью на ровной поверхности горы'.

Супин принимает лично- и возвратно-притяжательные формы, например, глагол эм-дәй 'прийти' спрягается так:

бй эм-дә-ку бү эм-дә-ку-н,
һй эм-дә-с һү эм-дә-сән,
ноңан эм-дә-н ноңартан эм-дә-тән,
эм-дә-й 'чтобы прийти' (ед. число субъекта),
эм-дә-вур 'чтобы прийти' (мн. число субъекта).

Эта особенность супина и отсутствие в нем временной формы приближает его к именам. Однако эта форма имеет неразрывную связь с глаголами, которая выражается семантически, морфологически и отчасти синтаксически. Супин как глагол выражает действие и образуется от глагольной основы посредством глагольных суффиксов, например: дэ-рәм-кэ-дэ-вур н'экритән 'собирались отдыхать', бй'э-дэ-вур гөнин 'сказал, чтобы привязали'.

Супин как глагол управляет падежом, например:

Этэ-в мавуту эмудәтән гөнин 'Дед (мой) сказал, чтобы принесли аркан' (мавуту - вин. пад.); Ноңан бәддәчәктәки һәрдәйи н'эк-рән 'Он собирается поехать в больницу' (бәддәчәктәки - направит. падеж).

Супину присущи такие категории глагола, как вид, переходность/непереходность, залог.

Супин может быть употреблен в составе устойчивых словосочетаний типа эр бидән 'да здоровствует', өрус бидән 'на счастье', тикун' бидән 'как на грех'.

Супин несколько ограничен в употреблении в роли членов предложения. Он не употребляется в функции сказуемого, кроме вышеуказанного случая, не может быть подлежащим и выражать функцию определения.

Условно-временная форма (кондиционалис) обозначает добавочное действие, выражая причину, условие, относительное время действия глагола-сказуемого. Образуется от глагольной основы посредством суффиксов -дак/-рақ/-дэк-, -так/-тэк-, -сак/-сэк-, -нак/-нэк-, -ак/-эк-, например:

Бй мину тизәк мәрақас, акму һину этән ймкән 'Если ты сейчас убьешь меня, то мой старший брат тебя живым не оставит'; Олрә-мачақла иссәқу, н'әлтән укәл һәргилә тикәртгәрин 'Когда (я) дошел до рыбалки, солнце уже склонилось к горизонту'.

Эта деепричастная форма оформляется лично-притяжательным суффиксом, например:

бй һәррәку 'если я уйду',
һй һәррәкәс 'если ты уйдешь',
ноңан һәррәкән 'если он уйдет',
бү һәррәкун 'если мы (без вас) уйдем',
мут һәррәкәт 'если мы (с вами) уйдем',
бү һәррәкәсән 'если вы уйдете',
ноңартан һәррәкәтән 'если они уйдут'.

Глаголы в форме кондиционалиса управляют косвенными падежами и принимают суффиксы различных категорий глагола (видовые, залоговые, переходности/непереходности и др.), например:

Тинив мут һәрдәвур кимад'илрәкәт, эңи һүнцә һүнцәлрин, тнәми оддит 'Вчера, когда мы начали готовиться ехать, подул сильный ветер, поэтому перестали'; Куңа эңин бәриптәкән, тала әнцәтми нада 'Если ребенок выбьется из сил, то надо там оставаться ночлегом'; Эливун һатаралрәкән-мақ, һуркәр буйусәктук эмритин 'Парни пришли с охоты, когда совсем стемнело'.

Отрицательные формы

Не все причастные формы имеют соответствующие отрицательные формы. Из вышеназванных только следующие имеют собственную отрицательную форму, например: буйуд-ди 'охотящийся' – эти буйуддэ 'не охотящийся', дур-чэ 'сгоревший' – э-чэ дуррэ 'не сгоревший', гё-кич 'можно говорить' – экич гён 'невозможно говорить', бақ-кич 'можно найти' – э-кич бакра 'невозможно найти'. Форма бақ-а-бган 'удобный для нахождения' образует отрицательную форму, как и причастие возможности экич бакра 'невозможно найти'. Формы прошедшего времени причастий (давнопрошедшее, недавно прошедшее) образуют одну общую отрицательную форму, как форма прошедшего времени на -ча, например: дур-чэ, дурэ-глэ, дурэ-мёт образуют одну отрицательную форму эчэ дуррэ 'несгоревший'.

Отрицательные формы деепричастий тоже имеют свои особенности по сравнению с литературным языком, например:

Разряды деепричастий	Положительная форма	Отрицательная форма
Настоящее-одновременное	буйуниқан 'охотясь'	эникэн буйур 'не охотясь'
Разновременное	буйурид'и 'охотившись'	эдлэй буйур 'до того, как охотился'
Последовательное	буйумнин-тит 'охотившись сразу, сразу после охоты'	эмнин-тит буйур 'до того, как охотился'
Условно-временное	буйуми 'если охотиться'	эми буйур 'если не охотясь'
Предела	д'алуқан 'досыта (есть)'	эникэн д'алур 'не досыта (есть)'
Одновременное	буйуңсин 'когда охотился'	эдлэн буйур 'до того как охотился'

Отрицательные формы деепричастий изменяются так же, как и положительные их формы, а именно, настоящее-одновременное и разновременное изменяются по числам, а одновременное деепричастие спрягается:

би эдлэв һуклэр 'до того, как я спал',
 һй эдлэс һуклэр 'до того, как ты спал',
 ноңан эдлэн һуклэр 'до того, как он спал',
 бұ эдлэвун һуклэр 'до того, как мы (без вас) спали',
 мут эдлэт һуклэр 'до того, как мы (с вами) спали',

һу эдлэсән һуклэр 'до того, как вы спали',
 ноңартан эдлэтән һуклэр 'до того, как они спали'.

Именные формы глагола также имеют отрицательные формы, например: кесчидэй 'чтоб пасти оленей (днем)' – эдэй кесчир 'чтоб не пасти оленей (днем)'; кесчирэкэн 'если будет пасти оленей (днем)' – эсэкэн кесчир 'если не будет пасти оленей (днем)'.

Вопросительная форма глагола

В березовском говоре, как и в литературном языке, имеется специальный вопросительный глагол йадай? 'что делать?', который изменяется в различных формах так же, как и в литературном языке (23, с. 206–208).

Кроме того, вопросительная форма глагола образуется присоединением вопросительных частиц к основному глаголу (см. Частицы). Большую роль в образовании вопросительных форм играет вопросительная интонация.

Итак, мы рассмотрели глагол березовского говора в целом, его основные формы и категории. Будучи представителем восточного говора, он в основном имеет те же категории и формы, что и литературный язык. Однако в конкретных формах и их значениях имеет свои отличительные особенности, которые оговорены в каждом соответствующем разделе. Но особо следует отметить то, что в данном говоре характерно самое различное сочетание суффиксов категорий и форм в рамках одной глагольной основы. Это интересное явление морфологии эвенского языка особенно ярко видно на материале березовского говора, где прослеживаются свои закономерности (27, с. 42–52; 13, с. 88–100).

Прилагательное в березовском говоре как часть речи характеризуется своей особой семантикой, морфологическими формами и синтаксическими функциями. В этом плане имя прилагательное в данном говоре не отличается от прилагательных других говоров и литературного эвенского языка (3, с. 19–20; 33, с. 97–117; 14, с. 51–57; 15, с. 46–54). Семантически прилагательные характеризуют качества, свойства или признаки, присущие предмету. В силу этого свойства прилагательное грамматически соотносено с существительным. Тип связи между прилагательным и существительным, как и в других говорах эвенского языка и в литературном, – примыкание. Прилагательное всегда находится перед существительным. Это положение его является одним из признаков, отличающих некоторые группы относительных прилагательных от существительных, например: туд'қанса 'оловянная курительная трубка' (досл.: 'олово трубка'), бекэс д'у 'ледяной дом' (досл.: 'лед дом'); һэл тббар 'железный топор' (досл.: 'железо топор').

Грамматическими (морфологическими) признаками прилагательных являются формы числа, падежа, притяжения. В этом они сходны с существительными, но значительно чаще, чем существительные, принимают предикативное оформление. Кроме того, синтаксическими средствами выражаются степени сравнения прилагательных. При наличии структурной морфологической близости прилагательных и существительных важным различительным признаком прилагательных является их свойство изменяться по степеням сравнения.

В силу специфической семантической сущности (выражение признака предметов), синтаксической функции прилагательное в предложении прежде всего является определением, например: Гудал амкачар д'апкалан бидитэн тарал эвэсэл 'Между высокими горами жили те эвены'; Ёйинд'э эгд'эм гулум гулрин 'Синдя (имя собств.) разжег большой костер'.

В предложении имена прилагательные выступают и в роли сказуемого, например: Эрэк д'у анд'амт'э 'Этот дом новый'. Прилагательные без особого оформления также употребляются в роли подлежащего, дополнения и обстоятельства.

Разряды имен прилагательных

В связи с тем, что прилагательные обозначают признак предмета либо своим лексическим значением, либо указывая на отношение предметов друг к другу, соответственно выделяются два разряда прилагательных: качественные и относительные.

Качественные прилагательные отражают в своих значениях признаки, свойства и качества, присущие предметам. Они характеризуют их по внешним и внутренним свойствам. Эти признаки предметов содержатся в значении основы. Конкретно-лексиче-

ские значения качественных прилагательных разнообразны. Они обозначают цвет (н'ббати 'белый', һақарин 'черный', чўлбан'а 'синий, зеленый'), пространственные свойства (һон'ам 'длинный', мэрэти 'круглый', һилэскун 'узкий'), внешний признак предмета (кетэн'э 'курносый', һэанм'ар оран '(с нависшими ушами) олень', качество (ай 'хороший', гот 'кислый', һиқуңи ме 'нечистая вода', тилбақ 'мутный'), черты характера (бануқ 'упрямый', 'непослушный', м'э-кук 'беспокойный', 'подвижный', мизеркимэчээн 'увертливый'), внешний вид предметов (небули 'мохнатый', гургули 'бородатый', бэчэңэ 'хромой'), вызываемое ими ощущение (һакси 'горячий', гилси 'холодный', 'прохладный') и другие признаки. Имена действия характеризуются по интенсивности (һинма гирқан 'быстрый шаг').

Относительные прилагательные обозначают признак не прямо, через его отношение к другому предмету. Общее семасиологическое значение относительных прилагательных может быть определено как значение 'относящийся к предмету', 'свойственный предмету'. Они содержат признаки, которые указывают на назначение предмета (эсид'и тэти 'женское пальто', абдумд'а н'эку 'лабаз для одежды'), на материал (к'эйэ ун'кан 'ложка из бараньего рога', ч'албан турки 'нарта, сделанная из берез'), на свойство предмета (эв'эди нимқан 'эвенская сказка', н'уңиди дук'амн'а 'русский писатель'), на отношение ко времени (бол'арп ин'эң 'осенний день', н'элк'эрп кесчид'эк 'весенняя пастба (олений)'), на признак предмета по величине (дил'агда куңа 'большоголовый ребенок', һ'ас'агда 'большеглазый'), на признак обладания большим количеством однородных предметов (ол'рапчи оқ'ат 'богатая рыбой река', һут'эпчи б'эасағ 'многодетная семья') и другие признаки.

Образование имен прилагательных

Основным способом образования прилагательных является суффиксальный способ. Суффиксы являются специфичными лишь для прилагательных.

Качественные имена прилагательные образуются преимущественно от глагольных основ, наиболее употребительными суффиксами для образования качественных прилагательных являются:

–н'а /–н'э: һулан'а 'красный', һулэ–н'э 'багровый', п'эсэ–н'э 'толстобрюхий', һиңи'э–н'э 'бледный (о человеке)', чўлба–н'а 'зеленый, синий';

–ти/–тэ: н'бба–ти 'белый', бирба–ти 'плоский (о посуде)', мирги–тэ 'пестрый', м'эң–ти 'серый', гизл'э–ти 'прозрачный', һ'элэ–тэ 'трусливый';

–ңи: к'эава–ңи 'изогнутый', қоти–ңи 'жесткий, пересохший', қори–ңи 'морщинистый';

–ңийа/–ңийэ: ад–ңийа 'тонкий, хрупкий', эмэб–ңийэ 'отсталый';

–к: бутэ–к 'болезненный', йчи–к 'колючий', 'кусачий', ом'уаи–к 'забывчивый', һулэ–к 'лишний';

–в'и: ол'а–в'и 'бережливый', һэрлэ–в'и 'уважаемый';

—ч: эвэ—ч 'веселый', мэргэ—ч 'умный', ирка—ч 'избалованный';
 —та/—тэ: нүлэ—тэ 'трусливый', төрө—тэ 'ворчливый', бэрнэ—тэ 'отлучающийся (об олене)';
 —ли: инуу—ли 'шерстистый', бууту—ли 'шарообразный', нэбу—ли 'мохнатый';
 —си: гил—си 'холодный', нөк—си 'горячий', дал—си 'вкусный', идэр—си 'горький';
 —ка/—кэ: н'убу—кэ 'тощий', бууц'у—ка 'шарообразный', нэтэ—кэ 'быстро бегущий';
 —мадан/—мэдэн/—мэдин: ма—мадан 'хищный', куси—мэдэн 'драчун', мизрки—мэдин 'увертливый'

Степени сравнения качественных прилагательных

В реальной действительности качественный признак предмета может проявляться неодинаково: тот или иной признак может проявляться неполностью, полностью или высшей степени полностью.

В березовском говоре различные количественные характеристики проявления признака отражены в морфологической структуре качественных прилагательных. Их называем по традиции степенями сравнения. Это различные количественные проявления того или иного признака или свойства. Языковой материал говора позволяет выделить положительную степень и сравнительную степень. Последняя имеет несколько ступеней по возрастающей степени проявления признака.

Положительная степень не имеет средств выражения, т.е. не маркирована и является исходной формой для образования сравнительной степени и ее оттенков: Нахат инэн'сив тугэнив чептэрэ нуклэвэттэн 'Медведь спит на протяжении всей холодной зимы'; Киророт д'эрбу эгд'эм гулум гулрин 'Киророт (имя собств.) разжег два больших костра'. В этих предложениях качественные прилагательные инэн'сив, эгд'эм выражают признак без сравнения качества.

Сравнительная степень выражает меньшую или большую степень качества. В березовском говоре отчетливо выражаются четыре ступени сравнительной степени.

Первая ступень обозначает наличие незначительной степени превосходства признака. Выражается особой синтаксической конструкцией, где предмет, с которым сравнивают, принимает форму отложительного падежа, а прилагательное оформляется суффиксом —ста/стэ, например: Опо оранни нахристэ Кирик учахтукун 'У Афони олень темнее, чем ездовой олень Кирилла'.

По этой схеме образуются и другие формы ступеней сравнения качественных прилагательных.

Вторая ступень образуется посредством суффикса —сукан/—сукэн при такой же синтаксической конструкции, как первая ступень, например: Мин бакчав бэргэсукэн нин бакчадукас 'Моя добыча жирнее, чем твоя добыча'.

Т а б л и ц а 15

Степени сравнения прилагательных

Положительная степень	Сравнительная степень			
	I ступень	II ступень	III ступень	IV ступень
гот 'кислый'	гот-а-стэ	гот-сухэн	гот-а-дмэр	нө гот
инэн 'холодный'	инэн-и-стэ	инэн-сукэн	инэн-и-дмэр	нө инэн'
нахра 'темный'	нахра-стэ	нахра-сухэн	нахра-дмэр	нө нахра
гүд 'высокий'	гүд-а-стэ	гүд-сухэн	гүд-а-дмэр	нө гүд
нөк 'жаркий'	нөк-а-стэ	нөк-сукэн	нөк-а-дмэр	нө нөк

Третья ступень оформляется той же синтаксической конструкцией, что и предыдущие, с той лишь разницей, что прилагательное оформляется суффиксом —дмэр/—дмэр, например: Гиркари бнакидук энидмэр. 'Волк сильнее, чем россомаха'; Уйамқан буйундук кечу-кэдмэр 'Горный баран меньше, чем дикий олень'.

Четвертая ступень образуется сочетанием прилагательного с наречием нө 'очень' или местоимениями чэлэн 'все', кубэчин 'каждый'. В отличие от синтаксических конструкций вышеупомянутых ступеней, здесь форму отложительного падежа принимают наречия или местоимения, например: Асатқаңатаң кубэттукун нөд бисин 'Их дочь была красивее всех'; Мут амқачаңат чэлэдукун гүд 'Наша гора выше всех (гор)'.

Образование относительных прилагательных

Относительные имена прилагательные образуются в основном от именных и наречных основ при помощи специальных суффиксов. Основными из них являются:

—ди/—ти: аси—д'и авун 'женская шапка', эвэ—ди терэн 'эвенский язык';

—пчи: навта—пчи төр 'местность, богатая ягелем', ола—пчи окат 'река, богатая рыбой', нйкичэ—пчи теуэр 'озеро, богатое утками';
 —р, —п, —рап/—реп: тугэ—реп 'зимний', д'уга—рап 'летний', ур—э—п 'прежний', бак—а—р 'скользящий', нис—э—р 'вечерний';

—г: д'улэ—г 'передний', нэрги—г 'нижний', ча—г 'тамошний', 'дальний', анга—г 'правый'; этим же суффиксом оформляется и вопросительное слово аву—г? 'какой?, где находящийся?';

—лән/—лән: б—лән 'хороший мастер', нимка—лән 'хороший рассказчик', 'сказочник', елми—лән 'хороший охотник на белок'.

В березовском говоре, так же как и в других говорах, многие лексические группы прилагательных определяются только в контексте.

те, ибо по формальным признакам они идентичны с другими частями речи.

В одном случае, писала В.И. Цинциус, они следуют нормам прилагательных, согласуясь с определяемыми в числе и падеже, в другом – нормам существительных, склоняясь и принимая притяжательные суффиксы, в третьем – нормам наречий образа действия, обязательно принимая форму творит. п. Следовательно, такие понятия, как „длинный, длина, длинно (длина), высокий, высота, высоко (высь), глубокий, глубина, глубоко (глубь) и т.д., различаются не только по месту в предложении, но и по формам связи с другими словами, входящими в состав предложения” (33, с. 98–99). Эти слова В.И. Цинциус полностью подходят и к материалу описываемого говора. Например, кэн’эл’и ўчиқ ‘плохой ездовой олень’ (кэн’эл’и – прилагательное); Нин ўчиқас кэн’эл’и ‘Твой ездовой олень плохой’ (кэн’эл’и – глагол-сказуемое); Кэн’эл’ив, эникэн-дэ гэлэттэ, бақчинри ‘Плохого найдешь и не поискав’ (кэн’эл’ив – существительное в вин.п.); Ноңан кэн’эл’ич тэрэрин ‘Он плохо говорил’ (кэн’эл’ич – наречие).

Множественное число прилагательных

Эта категория прилагательных не имеет реального значения, т.е. асемантична.

Категория числа прилагательных служит лишь для связи его с определяемым словом. Однако следует отметить, что в языке не у всех групп эвенов Березовки прилагательное может последовательно согласовываться в числе.

Множественное число прилагательных образуется так же, как и существительное, с помощью суффиксов –л (–а-л, –я-л, –у-л), –р: энэйэ ‘богатый’ – энэйэл ‘богатые’, миэркимэҕин ‘увертливый’ – миэркимэҕил ‘увертливые’, һикууи ‘нечистый’ – һикууил ‘нечистые’, бән’уқ ‘упрямый’ – бән’уқул ‘упрямые’, тилбәқ ‘мутный’ – тилбәқал ‘мутные’, эгд’эн ‘большой’ – эгд’эр ‘большие’.

В.И. Цинциус выделяет в литературном языке прилагательные обладания и необладания, которые образуют множественное число посредством суффикса –сал/–сэл, например: оранкасал ‘оленные’, һуталкэсэл ‘имеющие детей’, ач орансал ‘безоленные’, ач һутлэсэл ‘бездетные’ (33, с. 116). Нами аналогичные формы описываемого говора отнесены к притяжательным формам имен. В целом в говоре качественные прилагательные в преобладающем большинстве случаев согласуются с существительными в числе, например:

Нинқат кейэттэҕкэн, гудал қадарал һайупчал биситэн, эгд’этэ дилли эгд’эр-дэ д’олал эрэли усиңэчипчэл биситэн ‘Нинкат (имя собств.) увидел, что высокие скалы были взломаны, огромные камни величиной в сохатого были разбросаны вокруг’; һо нэлэмэл йаду-да эти дабдар һэлургал тэр ойлан тэгэттитэн ‘Жили на земле очень страшные, никем не побежденные богатыри-великаны’.

Относительные прилагательные в большинстве случаев не согласуются в числе, а иногда – ни в числе, ни в падеже. Например, предпочитают говорить мб д’ул (досл.: ‘дерево дома’), а не мбл у’ул ‘деревянные дома’ (досл.: ‘деревья дома’).

Склонение прилагательных

Прилагательные в березовском говоре не имеют своего особого склонения. Они склоняются так же, как и существительные. Поэтому падеж имен прилагательных – это форма, возникающая в предложении и определяемая синтаксическими отношениями данного прилагательного к определяемым словам в предложении. Качественные прилагательные склоняются по всем двенадцати падежам простого (непритяжательного) склонения. Падежные суффиксы так же варьируют, как и в существительных, в зависимости от конечного звука основы качественных прилагательных.

Относительные прилагательные в большинстве случаев не склоняются, точнее, не согласуются в склонении с определяемым именем. В речи среднего и младшего поколения иногда наблюдается согласование относительных прилагательных в падеже с определяемым словом. Последнее, вероятно, нехарактерно в целом для говора, ибо появилось в результате школьного обучения, где принято обязательное согласование в падеже и числе, а также под влиянием литературного эвенского языка.

Ниже приводим наиболее характерные типы склонения качественных и относительных прилагательных. Они в некоторой степени нами обобщены, ибо в каждой из группировок они варьируют по-разному. Поэтому мы брали как эталон язык старшего поколения эвенов Березовки, но даже среди них имеются различные вариации согласований прилагательных в падеже. Видимо, это исходит из того, что прилагательные (качественные и относительные) легко субстантивируются и употребляются как имена существительные, например: һоңаму эмули ‘принести длинного’, һоңаму мавуту эмули ‘принести длинный аркан’, һоңам усив эмули ‘принеси длинную веревку’ и т.д.

Склонение качественных прилагательных (ед. число)

	бән’уқ оран ‘упрямый олень’	эңи бэй ‘сильный человек’
	Ед. число	
Им.	бән’уқ оран	эңи бэй
Вин.	бән’уқу орам	эңив бэйу
Дат.	бән’уқту оранду	эңиду бэйду
Напр.	бән’уқтаки орантаки	эңитки бэйтэки
Местн.	бән’укла орандула	эңилэ бэйилэ
Продольн.	бән’укли орандули	эңили бэйили
Направит.–местн.	бән’уқакла оракла	эңиклэ бэйиклэ

Направит.—продольн. бāн'уқакли орақли
Отложит. бāн'уқтук орандук
Исходн. бāн'уқгич орғич
Творит. бāн'уқич оран
Совм. бāн'уқн'ун орн'ун

эңикли бэйикли
эңидук бэйидук
эңигич бэйигич
эңич бэйич
эңин'ун бэйин'ун

Мн. число

Им. бāн'уқул ора
Вин. бāн'уқулбу ораббу
Дат. бāн'уқулду орадду
Направит. бāн'уқултаки орартаки
Местн. бāн'уқулдула ораддула
Продольн. бāн'уқулдули ораддули
Направит.—местн. бāн'уқулакла оракла
Направит.—продольн. бāн'уқулакли оракли
Отложит. бāн'уқулдук ораддук
Исходн. бāн'уқулгич орагич
Творит. бāн'уқулд'и орад'и
Совм. бāн'уқулн'ун оранн'ун

эңил бэйил
эңилбу бэйилбу
эңилду бэйилду
эңилтики бэйилтики
эңилдулэ бэйилдулэ
эңилдули бэйилдули
эңилэклэ бэйилэклэ
эңилэкли бэйилэкли
эңилдук бэйилдук
эңилгич бэйилгич
эңилд'и бэйилд'и
эңилн'ун бэйилн'ун

Склонение относительных прилагательных

асид'и тэти 'женское
пальто'

мб д'ў 'деревянный
дом'

Ед. число

Им. асид'и тэти
Вин. асид'и тэтиб
Дат. асид'и тэтиду
Направит. асид'и тэтитки
Местн. асид'и тэтилэ
Продольн. асид'и тэтили
Направит.—местн. асид'и тэтиклэ
Направит.—продольн. асид'и тэтикли
Отложит. асид'и тэтидук
Исходн. асид'и тэтигич
Творит. асид'и тэтич
Совм. асид'и тэтин'ун

мб д'ў
мб ду' ўв
мб д'ўду
мб д'ўтки
мб д'ўла
мб д'ўли
мб д'ўкла
мб д'ўкли
мб д'ўдук
мб д'ўгич
мб д'ўч
мб д'ўн'ун

Мн. число

Им. асид'ил тэтил
Вин. асид'ил тэтиббу
Дат. асид'ил тэтиду
Направит. асид'и тэтилтэки
Местн. асид'и тэтилдулэ
Продольн. асид'и тэтилдули

мбл д'ўл
мбл д'ўлбу
мбл д'ўлду
мбл д'ўлтаки
мбл д'ўлдула
мбл д'ўлдули

Направит.—местн. асид'и тэтилэклэ
Направит.—продольн. асид'и тэтиклэ
Отложит. асид'и тэтилдук
Исходн. асид'и тэтилгич
Творит. асид'и тэтилэч
Совм. асид'и тэтилин'ун

мбл д'ўлакла
мбл д'ўлакли
мбл д'ўлдук
мбл д'ўлгич
мбл д'ўлач
мб д'ўлин'ун

Как видно, окончание прилагательных зависит от конечного звука его основы, а не от окончаний существительных, которые они поясняют, например: Бй һинмамакән гулалдамы дурурид'и, тоғ кучу-кэнду қериндун гәлусәл орағ тинип уд'утән иттив 'Я быстро зажег спички и при слабом свете огня увидел вчерашний след необученных оленей'; Ноуартан йәми нәбулпилбур чобакалбур тәттид'ур, тәғәтни-кән, һуқләддә, оуәттәкутан һиқуғи бәкәс чурғасанча 'Они почему-то спали сидя, надев лохматые кухлянки (свои), с их носа свисали непрозрачные сосульки льда (фольк.)'.

Из сказанного видно, что прилагательные березовского говора — вполне самостоятельная часть речи, которая выражает признак предмета как свойство и качество. Прилагательные характеризуются своими показателями (морфологическими и синтаксическими), своей функцией в предложении.

Качественные прилагательные характеризуются следующими специфическими признаками:

образуют степень сравнения, которая в свою очередь подразделяется на четыре ступени, что, если можно так выразиться, является 'монополией' только прилагательных;

служат производящей основой для образования наречий, например: һинма 'быстрый' — һинмач 'быстро' (наречие), ай 'хороший' — айич 'хорошо', һонам 'длинный' — һонамач 'длинно' и т.д.;

основы прилагательных могут использоваться для образования других частей речи.

Относительные прилагательные в отличие от качественных бывают только производными и образуются в основном от имен. Относительные прилагательные семантически соотнесены с тем словом, от которого они образованы. Они не имеют степеней сравнения, так как выражают признаки, которые не могут иметь больших или меньших количественных проявлений. Например, если от качественного прилагательного һулан'а 'красный' можно образовать формы һучан'аста, һулан'асуқән, һулан'адмар, һо һулан'а, һулан'а-а һулан'а, то относительные прилагательные һәл 'железный' (һәл һәтарән 'железная дорога'), туд 'оловянный' (туд қанса 'оловянная трубка'), чирит 'медный' (чирит кубәк 'медный чайничек') не могут иметь этих форм.

Относительным прилагательным не свойственны и формы усиления, которыми обладают качественные прилагательные, например: Чипони итиқачақу аләттиқән, д'ўлай тәғәчидләкән, урқуләй әүәнни һақарин-н'ун һақарин итиқән бәй 'Когда Чипони (имя собств.) сидела дома, ожидая новую (радостную) встречу, в (ее) дверь заглянул человек с черным—пречерным лицом'; Утақан һәкнид'и, бәргәдук-н'ун

бэргэв улрэв урин нйнаад'и мйлтэре 'Утакан (имя собств.) вынула из кастрюли жирное-жирное мясо в полную тарелку.

Другой отличительной особенностью прилагательных является то, что они выражают признаки постоянные, вне границ времени.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Имя числительное в говоре как часть речи особенно ничем не отличается от других говоров и литературного эвенского языка (3, с. 17-19; 33, с. 117-129; 35, с. 723-725; 18, с. 130-132; 14, с. 58-65; 15, с. 55-62). Отличительные особенности имеются по отдельным разрядам. Числительными считаются слова, обозначающие количество предметов и их порядок при счете. К числительным относятся названия отвлеченных чисел, а также названия количественного признака конкретных предметов. Числительные как часть речи выступают как семантическое и структурное (в плане составных образований) единство. Ядро категории числительных составляют числительные количественные. Семантическим стержнем этих числительных является обозначение числа, не „отягощенного“ предметными значениями. Значения числительных других разрядов являются производными от значения количественных числительных.

Классификация числительных

По семантическим особенностям и морфологическим признакам в березовском говоре числительные делятся: 1) на семантико-грамматические разряды (количественные, порядковые, дробные, умножительные, собирательные, собирательно-исчерпывающие, повторительные, разделительные, приблизительные); 2) на типы по составу (простые, сложные, составные). К числительным могут относиться также неопределенно-количественные имена (кубэчи 'все', чэлэн 'весь', абал 'мало', һйа 'много', эрдин 'столько', һан 'часть' и др.).

Количественные числительные

К ним относятся числительные, которые обозначают отвлеченное число или количество однородных предметов. Поскольку количественные числительные являются структурно и по значению базой для образования всех других разрядов числительных, можно предположить, что они исторически предшествовали всем другим разрядам числительных и являются наиболее древней их формой.

Количественные числительные отвечают на вопрос ади? 'сколько?', бнякэн һйа? 'как много?'.
Морфологически это простейшая форма числительного. Они могут употребляться самостоятельно и независимо от других слов, как существительные, но только выражают не предметность, а идею счета, т.е. опредмеченное число.

Числительные первого десятка являются самостоятельными словами: өмэн 'один', д'эр 'два', илэн 'три', дигэн 'четыре', тунһан 'пять', һуһэн 'шесть', надан 'семь', д'апқан 'восемь', уйун 'девять', мэан 'десять'.

Числительные от одиннадцати до девятнадцати являются составными: первым по порядку стоит наименование десятка, затем наименование единицы в творительном падеже в сочетании со словом һулэк 'лишний', 'остаток':

мэан өмэн 'һулэк 'одиннадцать' (досл.: 'десять одним лишним'), мэан д'эрд'и һулэк 'двенадцать' (досл.: 'десять двумя лишним'), мэан илэн 'һулэк 'тринадцать' (досл.: 'десять тремя лишним'), мэан дигэн һулэк 'четыренадцать', мэан тунһан һулэк 'пятнадцать', мэан и'уһэн һулэк 'шестнадцать', мэан надан һулэк 'семнадцать', мэан д'апқан һулэк 'восемнадцать', мэан уйун һулэк 'девятнадцать'.

Так считают наиболее жизненно важные предметы. Есть и простой счет, без употребления слова һулэк 'лишний', 'остаток':

мэан өмэн 'одиннадцать' (досл.: 'десять один'), мэан д'эр 'двенадцать' (досл.: 'десять два'), мэан илэн 'тринадцать' (досл.: 'десять три'), мэан дигэн 'четыренадцать' (досл.: 'десять четыре'), мэан тунһан 'пятнадцать' (досл.: 'десять пять') и т.д.

Есть и другой вариант счета, который встречается в фольклоре и в речи старшего поколения, например: мэан һулэкэн өмэн 'одиннадцать' (досл.: 'десять остаток его один'), мэан һулэкэн д'эр 'двенадцать' (досл.: 'десять остаток его два'), мэан һулэкэн илэн 'тринадцать' (досл.: 'десять остаток его три') и т.д.

Как видно, здесь слово мэан 'десять', за ним слово һулэк 'остаток' в притяжательной форме 3-го лица ед. числа плюс названия единиц. Возможно, это более древняя форма счета, где пределом было слово мэан 'десять'. Этот вариант счета также встречается в фольклоре, например:

Чипони гённи: „Би өмэккэн-дэ өмэм-гэл д'уһуни ағсад'д'им, д'авалра мэан һулэкэн д'эр гилраку һөрлөку" 'Чипони (имя собств.) говорит: „Я и одна хоть одно лето проведу, ловите двенадцать рабочих оленей, чтоб я поехала" (досл.: 'десять остаток его два').

Названия круглых десятков образуются, как и в литературном языке, сочетанием названий единиц со словом мэан 'десять' - во множественном числе мээр:

д'эрмээр 'двадцать' ('два + десять' во мн. ч.),
 иланмээр 'тридцать' ('три + десять' во мн. ч.),
 дижэнмээр 'сорок' ('четыре + десять' во мн. ч.),
 тунцанмээр 'пятьдесят' ('пять + десять' во мн. ч.),
 н'ууэнмээр 'шестьдесят' ('шесть + десять' во мн. ч.),
 наданмээр 'семьдесят' ('семь + десять' во мн. ч.),
 д'апканмээр 'восемьдесят' ('восемь + десять' во мн. ч.),
 уйунмээр 'девяносто' ('девять + десять' во мн. ч.).

Названия круглых сотен образуются сочетанием двух самостоятельных чисел, где первым стоит название единиц, за ним — название сотни. Для обозначения сотни используется общеэвенский термин н'ама 'сто', 'сотня', который имеется и в некоторых других тунгусо-маньчжурских языках, например: эвенк.: н'амā, сол.: намақи, нег.: н'ама ~ н'аму (28, 1, с. 631), н'ама 'сто', 'сотня' (не этимологизируется), при счете говорят эмэн н'ама (досл.: 'один сто', 'одна сотня'):

д'эр н'ама 'двести' (досл.: 'два сто'),
 илан н'ама 'триста' (досл.: 'три сто'),
 дижэн н'ама 'четыреста' (досл.: 'четыре сто'),
 тунцан н'ама 'пятисот' (досл.: 'пять сто'),
 н'ууэн н'ама 'шестьсот' (досл.: 'шесть ста'),
 надан н'ама 'семьсот' (досл.: 'семь сто'),
 д'апкан н'ама 'восемьсот' (досл.: 'восемь сто').

Для обозначения тысячи имеется термин титичэ. Наряду с этим употребляется и слово тиса́ча, калька из русского языка. Слово титичэ в эвенском языке встречается впервые в этом говоре. Возможно, это более отдаленное заимствование русского слова 'тысяча'. Даже можно предположить, что это самостоятельный термин, ибо встречается в фольклоре и по словообразовательному типу похож на эвенский, шире на тунгусо-маньчжурский: корень чэ (суфф. причастия прошедшего времени), например: ке-чэ 'мало':

Эгд'этэ, буйун бэдэлц'ин тирулэтти д'улқан Тикорани этикэн титичэдук һулэк чэлкэлкэн бисин (фольк.) 'Старик Тикорани, дом которого подпирался сверх крыши ногами диких оленей и лося, имел более тысячи белых оленей'.

В березовском говоре отсутствуют наименования 'миллион', 'миллиард'. В необходимых случаях употребляются интернациональные термины, заимствованные из русского языка.

Составные числительные представляют собой сочетание двух и более количественных числительных по убывающей степени разряда, например: эмэн титичэ уйун н'ама д'апканмээр д'эр 'одна тысяча девятьсот восемьдесят два'; тунцан н'ама д'эрмээр дижэн 'пятьсот двадцать четыре' и т.д.

Количественное числительное, обозначающее абстрактное число, может в предложении употребляться как имя. Тогда оно может быть любым членом предложения — подлежащим, сказуемым, допол-

нием и обстоятельством, например:

Мэан илану эсни бориббэттан 'Десять на три не делится' (мэан — подлежащее, илану — дополнение); Ноуан орани н'ууэн 'У него шесть оленей' (н'ууэн — сказуемое); Кирик лупкучэктук надандула мучунан 'Кирил вернется из школы в восемь (часов)' (надандула — обстоятельство).

Следует отметить, что в березовском говоре употребление отвлеченных числительных крайне ограничено, употребляется только в школьном обучении.

Почти единственной функцией количественных числительных в говоре является употребление их в сочетании с исчисляемым предметом, например: д'эр энкэн 'два олененка', д'апкан н'амичан 'восемь оленей-самок', дижэн һэгэл 'четыре соболя', эмэн куна 'один ребенок', н'ама оран 'сто оленей'. Причем эти словосочетания связаны примыканием, например: д'эрмээр ийкичэн 'двадцать уток' (досл.: 'двадцать утка'), илан бэй 'три человека' (досл.: 'три человек').

Нередко количественные числительные, употребляемые с существительным, сопровождаются особыми словами, обозначающими ту группу, вид или класс предметов, к которой принадлежит исчисляемый предмет, например:

Нинкат мавутан һонаман мэан надан дэр бисин 'Длина аркана Нинкат была семнадцать маховых саженей'; Пэлургэн илам һэсэв эрбэчу бакрин 'Богатырь убили три стаи гусей'; Этэв д'эрбу һэруку улрэв эмун. 'Дед (мой) привез три мешка мяса' и др.

Вероятно, модель 'имя числительное + слово, обозначающее класс предметов, + имя существительное' едина во всех диалектах.

Отличительной особенностью количественных числительных березовского говора является то, что при предикативном употреблении они принимают притяжательный суффикс. В этом случае они выступают в роли глагола. Притяжательный суффикс -н, присоединяясь к количественным числительным, преобразует их в глаголы, например: эмэ-н-рэ 'у них стало один' (об олене или ребенке), д'э-н-рэ 'у них стало два (оленей или детей)', ила-н-рэ 'у них стало три', дижэ-н-рэ 'у них стало четыре', тунца-н-рэ 'у них стало пять' и т.д. В качестве образца приведем спряжение глаголов, образованных от числительных эмэн 'один', д'эр 'два', илан 'три' посредством суффикса -н:

Бй	эмэ-н-рэ-м	д'э-н-рэ-м	ила-н-рэ-м
Һй	эмэ-н-рэ-нри	д'э-н-рэ-нри	ила-н-рэ-нри
ноуан	эмэ-н-рэ-н	д'э-н-рэ-н	ила-н-рэ-н
бу	эмэ-н-ру	д'э-н-ру	ила-н-ру
мут	эмэ-н-рэ-п	д'э-н-рэ-п	ила-н-рэ-п
һу	эмэ-н-рэ-с	д'э-н-рэ-с	ила-н-рэ-с
ноуартан	эмэ-н-рэ	д'э-н-рэ	ила-н-рэ

Эта форма числительных внешне похожа на числительные собираемые для счета копытных животных, выделенные В.И. Цинциус.

Об этом разряде числительных В.И. Цинциус писала: „Образуются с помощью суффикса -нра/-нрэ, например, ела-нра 'трое, тройка', дыга-нрэ 'четыре, четверка' и т.д. Исключения представляют формы тунд' 'пятерка', нюн-гэр 'шестерка' и дябра 'десятка'“ (33, с. 128). В описываемом говоре эта форма не обнаружена.

Порядковые числительные

В отличие от литературного языка и других говоров (33, с. 121-126; 14, с. 59-61; 15, с. 56-57) в березовском говоре порядковые числительные образуются от основ количественных числительных посредством суффикса -с; -и-с; й-и-с:

эм-и-с 'первый' (по порядку счета),
д'эй-и-с 'второй' (по порядку счета),
ил-и-с 'третий' (по порядку счета),
диг-и-с 'четвертый' (по порядку счета),
тунд-и-с 'пятый' (по порядку счета),
н'уу-и-с 'шестой' (по порядку счета),
над-и-с 'седьмой' (по порядку счета),
д'апк-и-с 'восьмой' (по порядку счета),
уйу-с 'девятый' (по порядку счета),
мэа-йис 'десятый' (по порядку счета) и т.д.

Они указывают порядок предметов по счету или их место в линейном ряду других предметов и отвечают на вопрос адис? 'который по счету?', например:

Киророт мэдин батлан ирбэт д'укурма дэлилан илис нэакитала ўичики ён'эрин 'Киророт (имя собств.) привязал своего ездового оленя к третьему дереву, стоящему у старой тропы возле горки'; Нуркэн нёклэн, д'эйис нусилэ нэвкэнни (фольк.) 'Парень выпустил стрелу, попал во второго лебедя'.

От круглых десятков порядковые числительные образуются так же, как от числительного 'десять'. При этом в ряде случаев по закону гармонии звуков несколько видоизменяются по произношению, они будут указаны в скобках, например:

мэа-и-с 'десятый' (по порядку счета),
д'ёрмэа-й-и-с (д'ёрмэайис) 'двадцатый',
иланмэа-й-и-с (иланмэайис) 'тридцатый',
дигэнмэа-й-и-с (дигэнмэайис) 'сороковой',
тундэнмэа-й-и-с (тундэнмэайис) 'пятидесятый',
н'ууэнмэа-й-и-с (н'ууэнмэайис) 'шестидесятый',
наданмэа-й-и-с (наданмэайис) 'семидесятый',
д'апканмэа-й-и-с (д'апканмэайис) 'восьмидесятый',
уйунмэа-й-и-с (уйунмэайис) 'девяностый'.

Порядковые числительные от круглых сотен образуются от названий числительного 'сто' посредством суффикса -с, например:

н'амас 'сотый' от н'ама 'сто',
д'ёр н'амас 'двухсотый' от д'ёр н'ама 'двести',
илан н'амас 'трехсотый' от илан н'ама 'триста' и т.д.

Заметим, что последний краткий гласный а слова н'ама становится долгим. То же самое наблюдается и при образовании порядкового числительного от титича 'тысяча', например: титичас 'тысячный', д'ёр титичас 'двухтысячный' от числительного д'ёр титича 'две тысячи' и т.д.

При образовании порядковых составных числительных от количественных последнее слово оформляется суффиксом соответствующих порядковых числительных, например:

титича илан н'ама тундэнмэа-ёмис 'тысяча триста пятьдесят первый', д'ёр титича дигэн н'амас 'две тысячи четырехсотый', титича д'ёрмэа-д'эйис 'тысяча двадцать второй' и т.д.

В отличие от литературного языка (33, с. 121) и других говоров (14, с. 60) в значении 'второй' не употребляется определительное местоимение гэа (гиа) 'один', 'другой'. Также не употребляется в говоре в значении 'первый' прилагательное нонан 'начальный, исходный'.

В литературе по эвенскому языку и в исследованиях по диалектам (3, с. 17-18; 16, с. 156-157; 33, с. 121-126; 35, с. 724; 18, с. 130-132; 14, с. 59-60; 15, с. 56) суффиксом порядковых числительных считают форманты -и, -ди (-ги). При этом, правильно указывая на то, что они принимают притяжательный суффикс, почему-то ограничиваются лишь суффиксом 3-го л. ед. числа -тан/-тэн. Материал березовского говора подтверждает, что порядковые числительные принимают лично-притяжательный суффикс всех личных местоимений и практически в речи порядковые числительные не встречаются без сочетания с лично-притяжательным суффиксом. Так, в речи не встречается порядковое числительное, например, или, диги, тунд и т.д., без сочетания с лично-притяжательными суффиксами: или-тан, или-с, диги-тан, диги-с, тунд-тан, тунд-с и т.д. В описываемом говоре в качестве исходной общей формы употребляется форма с притяжательным суффиксом 2-го л. ед. числа, например: эм-и-с, д'эй-и-с, ил-и-с, диг-и-с и т.д.

Как показано в табл. 16, 17 полностью совпадают показатели притяжательных порядковых числительных 3-го л. ед. числа и 2-го л. мн. числа. Вероятно, во 2-м л. мн. числа исторически была форма на о-сан (ёмис-сэн, д'эйис-сэн и т.д.), затем она видоизменилась на ёмисэн. Показатель притяжательного порядкового числительного от слова уйун 'девять' во мн. числе фактически исчезает, ср.: уйун - уйу-с (с - суфф. порядкового числительного совпал с суфф. 2-го л. ед. числа), уйу-вун, уйу-т, уйу-сэн, уйу-тэн (суфф. -вун,

Т а б л и ц а 16

Порядковые числительные в притяжательной форме

Ед. число

Количественные числительные	Порядковые		
	1-е лицо	2-е лицо	3-е лицо
	первый мой, второй мой и т.д.	первый твой, второй твой и т.д.	первый его, второй его и т.д.
өмән 'один'	өмису	өмис	өмисән
д'әр 'два'	д'әйису	д'әйис	д'әйисән
илән 'три'	илису	илис	илисән
диңгән 'четыре'	диңгису	диңгис	диңгисән
тунңан 'пять'	тунңису	тунңис	тунңисән
н'уңән 'шесть'	н'уңису	н'уңис	н'уңисән
надан 'семь'	надису	надис	надисән
д'апқан 'восемь'	д'апқису	д'апқис	д'апқисән
уйун 'девять'	уйусу	уйус	уйусән
мэан 'десять'	мэайису	мэайис	мэайисән

Т а б л и ц а 17

Мн. число

Количественные	Порядковые			
	1-е л. (искл.)	1-е л. (вкл.)	2-е лицо	3-е лицо
	первый, второй и т.д. (наш без вас)	первый, второй и т.д. (наш с вами)	первый, второй и т.д. (ваш)	первый, второй и т.д. (их)
өмән	өмивун	өмит	өмисән	өмитән
д'әр	д'әйивун	д'әйит	д'әйисән	д'әйитән
илән	иливун	илит	илисән	илитән
диңгән	диңгивун	диңгит	диңгисән	диңгитән
тунңан	тунңивун	тунңит	тунңисән	тунңитән
н'уңән	н'уңивун	н'уңит	н'уңисән	н'уңитән
надан	надивун	надит	надисән	надитән
д'апқан	д'апқивун	д'апқит	д'апқисән	д'апқитән
уйун	уйувун	уйут	уйусән	уйуситән
мэан	мэайивун	мэайит	мэайисән	мэайитән

-т, -сән, -тән являются показателями лично-притяжательных местоимений соответственно 1-го л. (искл. ф.), 1-го л. (вкл. ф.), 2-го л. и 3-го л.).

В предложении порядковые числительные, субстантивируясь, могут выступать в роли различных членов предложений, например:

Нуркән кейәттәкән: һусил-асил төүәрлә дөритән, илис-тақан бәриптән 'Парень увидел: лебеди-девушки сели на озере, только третий потерялся' (илис - подлежащее); Кағанқан ораһтаки кейәттикән, гөһни: 'Эрек ноңан өмисән'. 'Кағанкан (имя собств.), всматриваясь в оленей, сказал: "Этот его первый (олень)"' (өмис - сказуемое); Пиәләңни д'әйис д'ула йрад'и: кейәттәкән, үәләм атиқан н'ирийи һисәчиддән төүәтәки 'Когда бедный (досл.: 'мучающийся') зашел во вторую ярангу, то увидел: страшная старуха грела слину у огня' (д'әйис - определение); Паман гөһни: 'Н'ән-да ноңалдавр илису мәрақасән ай' 'Шаман сказал: "Подарить богу - хорошо было бы убить третьего (фольк.)"' (илису - дополнение).

Распределительные числительные

Распределительные числительные, иначе дистрибутивные (по В.Г. Богоразу) (3, с. 18), образуются от основ количественных числительных посредством суффикса -тәл/-тәл и отвечают на вопрос адитал? 'по сколько?'. Они обозначают количественно равное распределение однородных предметов. Они представляют собой атрибутивно-обстоятельственные формы числительных: өмә-тәл 'по одному', н'уңә-тәл 'по шесть', д'ә-тәл 'по два', надитәл 'по семь', или-тәл 'по три', д'апқи-тәл 'по восемь', диңгитәл 'по четыре', уйу-тәл 'по девять', тунңитәл 'по пять', мэа-тәл 'по десять'.

Составные распределительные числительные образуются таким же путем, но оформляется последнее слово: н'ама диңгән-мәар тунңатәл 'по сто сорок пять', д'апқанмәар уйутәл 'по восемьдесят девять', д'әр н'ама д'өрмәатәл 'по двести двадцать' и т.д.

Распределительные числительные принимают падежные суффиксы. Наиболее часто они употребляются с винительным и творительным падежами: өмәтәлбу 'по одному' (вин. п.), өмәтәлд'и (тв.п.), мэатәлбу 'по десять' (вин.п.), мэатәлд'и 'по десять' (тв.п.), н'аматәлбу 'по сто' (вин.п.), н'аматәлд'и 'по сто, по сотне' (тв.п.).

В предложении распределительные числительные выступают чаще в роли определения, обстоятельства, например:

Буйусәмүәл д'әр н'аматәлбу н'ураму гадитән, н'ән өмәтәлбу эгд'әм пәктәрәвум 'Охотники получили по двести патронов и по одному большому ружью' (н'аматәлбу, өмәтәлбу - определение); Ноңан кейәттәкән, буәр д'әтәлд'и - иләтәлд'и иәлтәһтән 'Когда он наблюдал, то враги приезжали по два, по три' (иләтәлд'и, д'әтәлд'и - обстоятельство).

В различных контекстах разделительные числительные могут иногда выступать и в роли других членов предложения.

Повторительные числительные образуются от основ количественных числительных посредством комбинации (сочетания) двух суффиксов -ра/-рэ+ -кан/-кэн или -ра/-рэ+ -кайа/-кэйэ. Исключением является форма -эмнэкэн ('однажды'). Суффикс -ра/-рэ внешне похож на суффикс настоящего времени глагола изъявительного наклонения, а суффикс -кан/-кэн уменьшительный, -кайа/-кэйэ - увеличительный. Особенностью этого разряда числительных является то, что они показывают не количество предметов, как другие разряды, а итеративность действия, его повторность. Они не обозначают количественный признак предметов, а поясняют повторность действия, этим в некоторой степени приближаясь к видовым значениям многократности, множественности действия, с той разницей, что виды не указывают точный счет повторения действия.

Таким же путем образуются повторительные числительные и от наречия һойа 'много' - һойарақан 'много раз'; абал 'мало' абалрақан 'немного раз, немного'.

Повторительные (по В.Г. Богоразу - итеративные) (3, с. 18) числительные отвечают на вопрос адирақан?, адира? 'сколько раз?' и показывают, сколько раз повторяется действие, выраженное глаголом:

эмнэкэн 'один раз', 'однажды', эмнэкэйэ 'только один раз', д'эрэкэн 'два раза, дважды', д'эрэкэйэ 'только два раза', ипрақан 'три раза, трижды', ипракайа 'только три раза', диҗирекэн 'четыре раза', диҗирекэйэ 'только четыре раза' и т.д.

Так же образуются повторительные числительные от других разрядов количественных числительных, например: мэан тунуарақан 'пятнадцать раз', тунуанмэарақан 'пятьдесят раз', н'амарақан 'сто раз' и т.д. Однако вторая форма с суффиксом -ра+ кайа от составных числительных образуется редко, практически только в плане сравнения, например:

Һэлургэн иланмэарақан гилларақан ариңқиқайа д'эрмэарақайа -тақан н'экриң 'В то время, когда богатырь тридцать раз ударил копьём, черт сделал это только двадцать раз' (фольк.).

Повторительные числительные употребляются и в форме творительного падежа, например:

Ипрақан һонаснақас-такан кэкэд'им', - гёңни, д'абда, өлекчинкэн 'Умру, если только рубанешь трижды', - говорит змей, обманывая'.

Субстантивированное повторительное числительное эмнэкэн 'однажды' (а не один раз) очень часто употребляется в начале эвенокских сказок, например:

Эмнэкэн өрэлэр биддэ 'Однажды жили кочевники', Эмнэкэн илан д'у өриңиддэ 'Однажды становились стойбищем три семьи (эвенов)' (досл.: 'три яранги'); Эмнэкэн намҗа д'өр эвэн тэмнэ бидлитэн 'Однажды жили два эвена на плоту на море'; Эмнэкэн гээкан дэҗсин 'Однажды летел ястреб' и т.д.

Умножительные, или мультипликативные, по В.Г. Богоразу (3, с. 18), числительные образуются от основ количественных числительных посредством суффикса -рмән/-рмэн и обозначают, из скольких слоев, рядов состоит (или разделяется) предмет, например:

эм-рмән 'из одного' (слоя, ряда и т.д.),
д'э-рмән 'из двух' (слоев, рядов и т.д.),
ил-рмән 'из трех' (слоев, рядов и т.д.),
диҗ-рмән 'из четырех' (слоев, рядов и т.д.),
тунҗи-рмән 'из пяти' (слоев, рядов и т.д.),
н'уҗи-рмән 'из шести' (слоев, рядов и т.д.),
надармән 'из семи' (слоев, рядов и т.д.),
д'апқа-рмән 'из восьми' (слоев, рядов и т.д.),
уйу-рмән 'из девяти' (слоев, рядов и т.д.),
мэа-рмән 'из десяти' (слоев, рядов и т.д.).

Умножительные числительные отвечают на вопрос адирмән? 'из скольких (слоев, рядов)?', 'на сколько (слоев, частей)?'.

Синтаксическая роль умножительных числительных в основном ограничивается обстоятельством, например:

Гиро һирәлрид'и, һамән диҗэрмән мәвуттөн илармән чидәлрән 'Григорий, рассердившись, разрубил на три части четырехжилый аркан шамана'; Амму туркич д'эрмән оран эмәддэн 'Отец едет на нарте, запряженной двойкой оленей'; Аси гёңни: 'Илармән һёкилли бисни' 'Женщина говорит: „В трех местах есть его луки (оружие)“.

В березовском говоре наряду с этой формой употребляются и умножительные числительные с суффиксами -рдә/-рдэ, например:

эм-рдә 'одинарный, в один' (слой, ряд и т.д.),
д'эрдә 'двойной, в два' (слоя, ряда и т.д.),
иләрдә 'тройной, на три' (слоя, ряда и т.д.),
диҗ-рдә 'из четырех' (слоев, рядов и т.д.),
тунҗа-рдә 'из пяти' (слоев, рядов и т.д.),
н'уҗу-рдә 'из шести' (слоев, рядов и т.д.),
нада-рдә 'из семи' (слоев, рядов и т.д.),
д'апқа-рдә 'из восьми' (слоев, рядов и т.д.),
уйу-рдә 'из девяти' (слоев, рядов и т.д.),
мэа-рдә 'из десяти' (слоев, рядов и т.д.).

При образовании составных умножительных числительных от количественных составных последнее составное слово оформляется формантом -рдә/-рдэ, например: н'ама мэан илардә 'из ста тридцати (рядов, слоев и т.д.)', хотя такие примеры практически редко встречаются. Эта форма умножительных числительных отвечает на вопрос адирдә? 'на сколько (слоев, рядов)?'. В предложении они выступают в роли обстоятельства, например: Ниңкат нуҗан н'амән

диѣрдѣ бисин 'Тетива лука Нинкат (имя собств.) была четырех-жилистой'.

Дробные числительные

К дробным числительным относим названия части целого числа или предметов. За целое число вообще принимают такие понятия, как нулгэ 'кочевка', инѣн 'день', бѣаѣ 'месяц', анѣан 'год', нѣакита 'дерево', нѣсѣ 'стая', оран 'олень' и т.д. К ним относятся и парные предметы, например: муңгѣрѣ 'выючный (парный) мешок', мѣрѣнѣ 'меховые лыжи', нѣсѣл 'глаз', 'глаза' и др. За целое число в принципе может быть принято любое отвлеченное число, однако в описываемом говоре это встречается только в школьной практике.

Дробные числительные бывают простые и составные. К простым относим слова гад 'половина', нѣан 'часть', эдин 'большая часть', эдивѣн 'большую часть', абѣллан 'меньшую часть', абѣлан 'меньшая часть'.

Составные дробные числительные представляют собой сочетание нескольких слов. Они образуются от количественных числительных, причем разными способами.

1. Сначала указывается количество долей, на которые поделено целое. Оно выражено порядковым числительным в 3-м лице ед. числа. Затем прибавляется слово гад 'половина', означающее одну долю из нескольких, на которые указывает первое слово, например: илитан гад 'одна третья' (досл.: 'третьего (его) половина'), ди-гитан гад 'одна четвертая' (досл.: 'четвертое (его) половина'), ди-дитан гад унѣг гадан 'одна восьмая' (досл.: 'четвертая его половина еще половина (его)').

Эта форма преимущественно употребляется эвенами нитчанской группы.

2. Более распространенная форма дробных числительных образуется следующим образом: первое слово – причастие прошедшего времени, образованное от числительного, показывает на сколько частей поделен предмет, второе слово – количественное числительное с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа показывает, какая часть берется, например: илѣлтѣча эммѣн 'одна третья' (досл.: 'сделанное (в значении поделенное) на три одного (его)'), ди-гилтѣч эммѣн 'одна четвертая' (досл.: 'сделанное четыре одного его') и т.д.

Это же дробное составное числительное иногда приобретает форму ди-гилтѣчѣдукун эммѣн 'одна четвертая', т.е. первое слово – причастие прошедшего времени, образованное от числительного, стоит в форме отложительного падежа с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа, а второе слово – количественное числительное в вин. падеже с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа. Ср.: тунѣлтѣчѣдукун эммѣн 'одна пятая', н'уѣлтѣчѣдукун эммѣн 'одна шестая' и т.д.

В разговорной речи чаще встречается такой вариант: первое слово – одновременное деепричастие, образованное от основы количественного числительного, второе слово – одновременное деепричастие от глагола боридай 'делить' и третье слово – количественное числительное в притяжательной форме 3-го лица ед. числа, например: илѣлтѣд'и боритѣд'и, эммѣн 'одна третья' (досл.: 'разделив, распределив на три одного его').

При смешанных дробях название целого ставится впереди, а название долей после него. Между ними – слово гѣа 'другой, второй'. При этом название целого – количественное числительное без дополнительных суффиксов, а дробь – те же, что рассмотрены выше, например: эмѣн, гѣа диѣтѣн гад 'одна целая одна четвертая', д'ѣр, гѣа илитан гад 'две целых одна третья' и др.

Дробные числительные полтора, два с половиной, три с половиной и т.д. образуются следующим образом: сначала ставится название целого, затем слово гѣа 'другой, второй' и слово гад 'половина' в притяжательной форме 3-го лица ед. числа, например: эмѣн, гѣа гадан 'полтора' (досл.: 'один половина другого'), д'ѣр гѣа гадан 'два с половиной', илѣн, гѣа гадан 'три с половиной' и т.д.

Слово гад 'половина' употребляется также для обозначения одного из парных предметов или органов тела: муңгѣрѣ гадан 'один выючный мешок (из пары)' (досл.: 'выючный мешок половина его'), нѣсѣллан гадан 'один глаз' (досл.: 'его глаза половина его').

Слово гад 'половина' также обозначает одну из двух сторон или частей чего-нибудь, например: тѣр гадан 'половина земли', ам-кѣчан гадан 'половина горы' и др.

В предложении дробные числительные выступают в роли различных членов предложения, например:

Эвѣн нѣуѣн, булѣн нѣамѣн'ун кусикѣтми, мавуттѣн тиѣрид'и, гулун анчиндукун илѣлтѣрид'и, эммѣн тоѣла улѣн (фольк.) 'Сильный из эвенов, боровшись с шаманом врагов, отобрав аркан (его), у костра разделил его на три части и одну часть бросил в огонь'; Нуркѣн коѣучайи нѣрѣвѣн н'ѣримкѣнид'и, ариѣкѣ нѣсѣллан гаддѣн нѣучисни 'Парень, накалив кончик своего копья, им пырнул один глаз черта (фольк.)'; Этикѣн, оранби тунѣлтѣчѣдукун эммѣн ѣрѣлѣрду бѣрин (фольк.) 'Старик отдал одну пятую часть своих оленьих коврижкам'; Этѣв, буйум бакрид'и, илѣлтѣча эммѣн минду бѣрин 'Дед мой, убив дикого оленя, одну треть отдал мне'.

Собирательные числительные

Собирательные числительные (по В.Г. Богоразу, коллективные: 3, с. 18) обозначают количество предметов, объединенное в одно целое. Это своего рода определенная классификация предметов путем концентрации однородных предметов, а не путем раздробления единого целого. В березовском говоре собирательные числительные отвечают на вопрос ади бими? 'будучи сколько?'. Образуются в

основном от количественных числительных первого десятка, начиная от трех посредством суффикса -и, -ни, который сочетается с суффиксом творительного падежа -д'и (-д') и возвратным суффиксом множественного числа -ур, т.е. комбинацией двух суффиксов (нид'-ур, и-д'-ур), например: илнид'ур 'втором', диңнид'ур 'вчетвером', туннид'ур 'впятером', н'уңнид'ур 'вшестером', надинид'ур 'всемером' и т.д. Исключением является числительное д'эрид'ур, имеющее суффикс -ри вместо суффикса -ни-.

Собирательные числительные выражаются и описательным путем, например: тунуан бими 'впятером' (досл.: 'пять будучи'), диңгин бими 'вчетвером' (досл.: 'четыре будучи') и т.д.

В описываемом говоре от количественного числительного емэн 'один' эта форма в указанном значении не употребляется. Для подчеркивания единственности субъекта, а не собирательности употребляется слово емэккэн 'в одиночку', образованное от количественного числительного емэн 'один' посредством суффикса -ккэн, например:

Дэбрэ биддин емэккэн 'Жил Дебра (имя собств.) в одиночку'.
Путти аси иргичид'илрин емэккэн 'Женщина начала воспитывать сына (своего) одна (в одиночку)'.

В предложении собирательные числительные в основном употребляются в роли обстоятельства, например:

Ноңартан д'эрид'ур эвэсэл асатқамутан асигар гачал 'Они вдвоем женились на девушках-эвенках';
Пү илнид'ур һерэннэсэн, кэамив эмуннэсэн 'Вы вдвоем должны будете ехать, привести клык мамонта'.

Собирательно-исчерпывающие числительные

Эта форма числительных образуется от основ количественных числительных с помощью суффиксов -ничэмэн / ничаман, -нивэн/-ниван, -иван/-ивэн. Выражает эта форма количество предметов, которые подвергаются, подвергались и будут подвергаться действию субъекта все без исключения. В описываемом говоре собирательно-исчерпывающие числительные имеют две параллельные формы, отличающиеся лишь модальной окраской, например:

эмничэмэн 'единственного (самого)',
д'эричэмэн 'обоих (самых)',
ил'ничэмэн 'всех трех (до единого)',
д'ирничэмэн 'всех четырех (до единого)',
тунничаман 'всех пятерых (до единого)',
н'уңничэмэн 'всех семерых (до единого)',
надичаман 'всех шестерых (до единого)',
д'апқичаман 'всех восьмерых (до единого)',
уйучэмэн 'всех девятерых (до единого)',
мэайичаман 'всех десятерых (до единого)'.

Имеется еще аналитическая форма того же значения, состоящая из слова эйду 'весь, все' в притяжательной форме 3-го лица ед. числа и количественного числительного с суффиксом -ниван/-нивэн, например:

эйдувэн д'эривэн 'всех двоих',
эйдувэн ил'ниван 'всех троих',
эйдувэн диңнивэн 'всех четверых',
эйдувэн тунчивэн 'всех пятерых',
эйдувэн надивэн 'всех семерых',
эйдувэн д'апқивэн 'всех восьмерых',
эйдувэн уйувэн 'всех девятерых',
эйдувэн мэавэн 'всех десятерых'.

Эта форма не бытует у эвенов Чубукулаха. В некоторых группах эвенов Березовки, в особенности у чубукулахских, встречается и такая форма собирательных исчерпывающих числительных, как:

эйдувэн илам 'всех трех',
эйдувэн диңэм 'всех четырех',
эйдувэн тунуам 'всех пятерых',
эйдувэн н'уңэм 'всех шестерых' и т.д.

В контексте речи эти числительные могут выступать в различных вариантах, например:

Бэймэдэргу Ойинд'э ил'ничаман дэң'икрэн 'Оиндя (имя собств.) оглушил всех троих людоедов (фольк.)';
Пуркэн н'ан-да гэлнэн, иссид'и кейэттэкэн уқал тунуан н'эчэ һиэчэ; Ноңан эйдувэн тунчивэн гадид'и, д'уткий мучун 'Парень опять пошел принести, дойдя, видит, что уже выросли пять цветов; он вырвал (взял) все пять и вернулся домой';
Бй мэам орам Чиритиэлэ бакрид'и, эйдувэн мэам интунарам 'Я нашел десять оленей в м. Чиритине и всех десятерых пригнал'.

Приблизительные числительные

В говоре имеются числительные, которые указывают только на приблизительное число предметов. Особенностью этого разряда числительных является то, что они называют верхний предел чисел, обозначающих количество предметов. Образуются от основ количественных числительных начиная с трех с помощью суффикса -кли/-кл'и, например:

илакли 'до трех, около трех',
диг'экл'и 'до четырех, около четырех',
тунуакл'и 'до пяти, около пяти',
н'уңэкли 'до шести, около шести' и т.д.

В данном говоре приблизительные числительные всегда мыслятся в соотношении с предметами и употребляются преимущественно с числительными, обозначающими круглые десятки, например: мэакл'и 'до десяти, около десяти, приблизительно десять'; д'э́рмэакл'и 'до двадцати, около двадцати, приблизительно двадцать'; н'амак'ли 'до ста, около ста, приблизительно сто' и т.д.

Наряду с морфологической формой существует и синтаксическая форма приблизительных числительных. Они понимаются как более уточненное количество предметов, например:

На́хату д'у́лан бэйчими, тунца́н-н'у́эн биникэ́н һэррэкэ́сэ́н ай 'Чтоб охотиться на медведя в (его) берлоге, лучше идти в пятером или шестером' (досл.: 'пять-шесть будучи'); Мэ́нтэлсэ́ эрбэ́чил, мэ́ан - д'э́римэа́р бди́'ур, н'амта́ки төртэ́ки һэ́сэч дэгэллэ́ттэ́ 'Осенью гуси, собравшись до десяти-двадцати, стаями улетают в теплые края'.

В предложении приблизительные числительные в основном бывают определениями, например:

Эрэв тугэ́ниэ Нэ́киэ д'апқа́нмэа́кли һэгэ́пу бэйчирин 'Иннокентий в эту зиму добыл около восьмидесяти соболей'; Гирка́рил йа́ми һойа́л бди́тан, эмнэ́кэн бй́ тунца́кли гирка́ри уд'д'он итти́в 'Волков почему-то стало много, однажды я видел следы около пяти волков'.

Об именах, показывающих количественный признак предметов

В эвенском языке, в частности в Березовском говоре, весьма употребительны слова, которые, подобно числительным, выражают количественный признак предметов. Они могут относиться к разным частям речи. Однако эти слова близки к числительным, особенно к приблизительным, тем, что в речи употребляются в роли числительных, например: кубэ́чи 'все', чэ́лэн 'весь', абал́ 'мало, недостающий', һойа́ 'много', эрдин́ 'столько', һа́н 'часть', ади́-да 'сколько-то', адуку́м 'столько-то'.

В предложении такие слова бывают определениями, а иногда и сказуемыми, например: һойа́ бэй́ 'много народу', ора́р һойа́л 'оленей много', ади́-да буйу́н 'несколько диких оленей'; Абал́ бэй́у кейэ́рив 'Видел немного людей'; Йа́ми-та һа́раттил́ бэй́эл́ абал́ 'Почему-то покупателей мало' и др.

Интересно отметить, что от числительного эмэ́н 'один' образовалось существительное эмчэ́ни 'одиночка, одинокий', которое относится к рассматриваемому разряду. Но это же слово стало именем собственным в фольклоре эвенов.

Категории имени числительного

Выше говорилось, что имена числительные выступают как количественный признак предмета или как самостоятельное понятие

(субстанция). В березовском говоре и, судя по материалам, в других говорах (18, с. 132-134) числительные, субстантивируясь, принимают форму множественного числа и склоняются по падежам как существительные. Вместе с тем изменение числительных по этим категориям очень специфично, поэтому следовало бы считать, что они имеют свои категории числа и падежа.

Категория числа числительных

Грамматическая категория числа числительных в березовском говоре реализуется двумя грамматическими значениями: единственного и множественного числа. Единственное число не имеет специальных показателей, некоторые разряды числительных не имеют формы множественного числа. Однако отсутствие в некоторых разрядах различающихся форм единственного и множественного числа не лишает их грамматических значений единственности и множественности. В этих случаях соответствующее значение создается в каждом конкретном случае контекстом.

Субстантивируясь, изменяются по числам количественные числительные первого десятка, названия десятков и сотен, а также числительное тй́тича́ 'тысяча':

Ед. число	Мн. число
эмэ́н 'один, единица', д'э́р 'два, двойка', илáн 'три, тройка', ди́жэ́н 'четыре, четверка', тунца́н 'пять, пятерка', нада́н 'семь, семерка', д'апқа́н 'восемь, восьмерка', уйу́н 'девять, девятка', мэ́ан 'десять, десятка'.	эмэ́-р 'единицы', д'э́р-э́-л 'двойки', илá-р 'тройки', ди́жэ́-р 'четверки', тунца́-р 'пятерки', нада́-р 'семерки', д'апқа́-р 'восьмерки', уйу́-р 'девятки', мэ́а-р 'десятки'.
Ед. число	Мн. число
д'э́рмэа́р 'двадцать, двадцатка', илáнмэа́р 'тридцать, тридцатка', ди́жэ́нмэа́р 'сорок, сороковка', н'а́ма 'сто, сотня', тй́тича́ 'тысяча'	д'э́рмэа́р-а́-л 'двадцатки', илáнмэа́р-а́-л 'тридцатки', ди́жэ́нмэа́р-а́-л 'сороковки', н'а́ма-л 'сотни', тй́тича́-л 'тысячи' и т.д.

Как видно, количественные числительные образуют множественное число по-разному. Первая десятка числительных, кроме д'э́р 'два', образует множественное число с помощью суффикса -р, а числительные д'э́р 'два', н'а́ма 'сто', тй́тича́ 'тысяча' образуют множественное число посредством суффикса -л.

Порядковые числительные образуют множественное число с помощью суффикса -л, например:

Ед. число	Мн. число
эмис 'первый',	эмис-э-л 'первые',
д'эйис 'второй',	д'эйис-э-л 'вторые',
ил'ис 'третий',	ил'ис-э-л 'третьи',
диҕис 'четвертый',	диҕис-э-л 'четвертые',
тунҕис 'пятый',	тунҕис-э-л 'пятые',
н'уҕис 'шестой',	н'уҕис-э-л 'шестые',
надис 'седьмой',	надис-а-л 'седьмые',
д'апкис 'восьмой',	д'апкис-а-л 'восьмые',
уйус 'девятый',	уйус-э-л 'девятые',
мэайис 'десятый',	мэайис-э-л 'десятые',
д'өрмэайис 'двадцатый',	д'өрмэайис-э-л 'двадцатые',
н'амас 'сотый',	н'амас-а-л 'сотые',

С помощью суффикса -ҕа/-ҕэ образуется множественное число распределительных числительных, например:

эмэтэл 'по одному' - эмэтэкэл 'по одному многим',
 д'этэл 'по два' - д'этэкэл 'по два многим',
 ил'итэл 'по три' - ил'итакал 'по три многим',
 диҕитэл 'по четыре' - диҕитакал 'по четыре многим',
 тунҕитэл 'по пять' - тунҕитакал 'по пять многим',
 н'уҕитэл 'по шесть' - н'уҕитакал 'по шесть многим',
 надитэл 'по семь' - надитакал 'по семь многим',
 д'апкитэл 'по восемь' - д'апкитакал 'по восемь многим',
 уйутэл 'по девять' - уйутэкэл 'по девять многим',
 мэатэл 'по десять' - мэатакал 'по десять многим' и т.д.

Повторительные числительные образуют множественное число посредством суффикса -тал/-тэл, например:

эмнэкэн 'один раз' - эмнэкэтэл 'изредка (по разу)',
 д'эрэкэн 'два раза' - д'эрэкэтэл 'по два раза (несколько раз)',
 илрақан 'три раза' - илрақатал 'по три раза',
 диҕирэкэн 'четыре раза' - диҕирэкэтэл 'по четыре раза',
 тунҕарақан 'пять раз' - тунҕарақатал 'по пять раз',
 н'уҕурэкэн 'шесть раз' - н'уҕурэкэтэл 'по шесть раз',
 надирақан 'семь раз' - надирақатал 'по семь раз',
 д'апқарақан 'восемь раз' - д'апқарақатал 'по восемь раз',
 уйурэкэн 'девять раз' - уйурэкэтэл 'по девять раз',
 мэарақан 'десять раз' - мэарақатал 'по десять раз',
 н'амарақан 'сто раз' - н'амарақатал 'по сто раз' и т.д.

Умножительные числительные образуют множественное число с помощью суффикса -р, например: эмэрмэн 'в один (слой, ряд)' -

эмэрмэр 'в один (слой, ряды)', д'өрмэн 'из двух (слоев, рядов)' - д'өрмэр '(многие) из двух (слоев, рядов)', илэрмэн 'из трех (слоев, рядов)' - илармэр '(многие) из трех (слоев, рядов)', диҕэрмэн 'из четырех (слоев, рядов)' - диҕэрмэр '(многие) из четырех (слоев, рядов)', тунҕирмэн 'из пяти (слоев, рядов)' - тунҕирмэр '(многие) из пяти (слоев, рядов)' и т.д.

В описываемом говоре множественное число имеют собирательные числительные. Они образуются с помощью суффикса -такал/-тэкэл, например: д'эрид'ур 'вдвоем' (ед. ч.) - д'этэкэл 'по двое, вместе, попарно (многие)'. Ср.: д'этэл 'по два', ил'нид'ур 'втроем (вместе)' (ед. ч.) - ил'итакал 'по трое (много)'. Ср.: ил'итэл 'по три', диҕнид'ур 'вчетвером' (ед. ч.) - диҕитэкэл (мн. ч.) 'по четыре вместе (многие)', тунҕнид'ур 'впятером' - тунҕитакал 'по пять вместе (многие)', н'уҕинид'ур 'вшестером' (ед. ч.) - н'уҕитакал 'по шести вместе (многие)' и т.д.

Множественное число имеют и имена, показывающие количественный признак предметов, например: гад 'половина' (ед. ч.) - гадатал 'половины' (мн. ч.), абал 'мало, недостающий' (ед. ч.) - абалал 'малые, недостающие', һбйа 'много' (ед. ч.) - һбйал 'многие' (мн. ч.), ади-да 'сколько-то' (ед. ч.) - адил-да 'столько-то' (мн. ч.) и др.

В целом надо отметить, что описываемый говор в этом плане имеет много отличий от других говоров современного эвенского языка.

Категория склонения числительных

Имена числительные в предложении выступают в формах различных падежей. В говоре имена числительные склоняются так же, как имена существительные. Однако с учетом особенностей падежной формы следовало бы говорить о категории склонения числительных. При этом имеется в виду, что по падежам склоняются лишь субстантивированные числительные, а числительные, показывающие количественный признак предметов, не всегда последовательно согласуются с существительными в падеже. В особенности это заметно в речи старшего поколения. Исходя из этого мы склонны думать, что согласование числительного с существительными в падеже не характерно для данного говора.

Склонение количественных числительных. Количественные числительные первого десятка склоняются по типу неусеченных основ на н. Только числительное д'өр 'два' склоняется по типу основ существительных множественного числа. Склонение числительных ед. числа приведено ниже.

Падеж	Вопросительное слово ади? 'сколько?'	Өмөн 'один'	Д'ёр 'два'	Мэан 'десять'
Им.	ади?	өмөн	д'ёр	мэан
Вин.	адив?	өмөм	д'ёрбу	мэам
Дат.	адиду?	өмэнду	д'ёрду	мэанду
Направит.	адитки?	өмэнтэки	д'ёртэки	мэантэки
Местн.	адила?	өмэндүлэ	д'ёрдүлэ	мэандүлэ
Продольн.	адил'и?	өмэндүл'и	д'ёрдул'и	мэандүл'и
Направит.-местн.	адиқла?	өмэклэ	д'ёрэклэ	мэақла
Направит.-продольн.	адикл'и?	өмэкл'и	д'ёрэкл'и	мэакл'и
Отложит.	адидук?	өмэндук	д'ёрдук	мэандук
Исходн.	адиғич?	өмүгич	д'ёргич	мэангич
Творит.	адич?	өмэн'	д'ёрд'и	мэан'
Совм.	адин'ун?	өмн'ун	д'ёри'ун	мэан'ун

Как видно, количественные числительные склоняются по всем падежам простого склонения в отличие от, например, ольского, где отсутствуют формы исходного и направительно-продольного падежей (14, с. 169). Ниже приведено склонение числительных мя. числа.

Падеж	Вопросительное слово адил? 'сколько?' (мн. ч.)	Өмэр 'единицы'	Д'ёрэл 'тройки'	Мэар 'десятки'
Им.	ади?	өмэр	д'ёрэл	мэар
Вин.	адибу?	өмэрбу	д'ёрэлбу	мэарбу
Дат.	адиду?	өмэрду	д'ёрэлду	мэарду
Направит.	адилтаки?	өмэртэки	д'ёрэлтэки	мэартаки
Местн.	адилдула?	өмэрдүлэ	д'ёрэлдүлэ	мэардула
Продольн.	адиладули?	өмэрдүли	д'ёрэлдули	мэардули
Направит.-местн.	адилақла?	өмэрэклэ	д'ёрэлдуқла	мэардуқла
Направит.-продольн.	адилақли?	өмэрэкли	д'ёрэлдуқли	мэардуқли
Отложит.	адиладук?	өмэрдук	д'ёрэлдук	мэардук
Исходн.	адилгич?	өмэргич	д'ёрэлгич	мэаргич
Творит.	адилад'и?	өмэрд'и	д'ёрэлд'и	мэард'и
Совм.	адилад'ун?	өмэрд'ун	д'ёрэлд'ун	мэард'ун

Количественные числительные второго десятка склоняются как имена с основой на глухие согласные, при этом склоняется только последнее слово, например: мэан өмөн һулэку (вин.) 'одиннадцать', мэан өмөн һулэктү (дат.), 'мэан өмөн һулэктэки (направит.), мэан өмөн һулэклэ (местн.), мэан өмөн һулэкли (продольн.) и т.д.

У составных числительных также склоняется лишь последнее слово, например: д'ёр н'ама иләнмэар өмөм (вин.), д'ёр н'ама

иләнмэар өмөндү (дат.), д'ёр н'ама иләнмэар өмөнтэки (направит.), д'ёр н'ама иләнмэар өмөндүлэ (местн.) и т.д.

Порядковые числительные при склонении принимают те же суффиксы, что и имена с основой на согласный -с, например: өмису, д'ёйису, илису, диғису, тунғису (вин.); өмистү, д'ёйистү, илистү, диғистү, тунғистү (дат.), өмистэки, д'ёйистэки, илистэки, диғистэки, тунғистэки (направит.).

Распределительные числительные склоняются по десяти падежам, за исключением направительно-продольного и исходного, например:

Им.	өмэтэл	н'уэ́тэл	мэатал
Вин.	өмэтэлбу	н'уэ́тэлбу	мэаталбу
Дат.	өмэтэлду	н'уэ́тэлду	мэаталду
Направит.	өмэтэлтэки	н'уэ́тэлтэки	мэаталтэки
Местн.	өмэтэлдүлэ	н'уэ́тэлдүлэ	мэаталдүлэ
Продольн.	өмэтэлдули	н'уэ́тэлдули	мэаталдули
Направит.-местн.	өмэтэлэклэ	н'уэ́тэлэклэ	мэаталақла
Отложит.	өмэтэлдук	н'уэ́тэлдук	мэаталдук
Творит.	өмэтэлд'и	н'уэ́тилд'и	мэаталд'и
Совм.	өмэтэлн'ун	н'уэ́тэлн'ун	мэаталн'ун

Другие разряды числительных не имеют полной парадигмы склонений, однако они могут иметь те или иные падежные формы.

МЕСТОИМЕНИЕ

В эвенском языке местоимение составляет особую часть речи в силу своей особой семантики, синтаксической роли, форм и выражаемых им грамматических категорий.

В отличие от других частей речи местоимение не называет субъект и объект непосредственно, но указывает на него.

От значимых частей речи местоимение отличается предельно обобщенным значением, а от группы служебных частей речи – наличием самостоятельного лексического содержания и самостоятельными (неслужебными) синтаксическими и морфологическими свойствами. По своим основным свойствам местоимения сближаются почти со всеми знаменательными частями речи. В связи с этим в некоторой степени оправданной представляется точка зрения, согласно которой местоимения являются заместительными словами с указательной функцией. Они образуют в говоре, да и в целом в эвенском языке, особую систему (параллельную), в некоторой степени дублирующую существительное, прилагательное, числительное, наречие. Так, например, слова би 'я', һи 'ты', һи? 'кто?', йақ? 'что?', һи-дэ 'кто-либо', мэни 'себя' указывают на предметы, а потому замещают существительные. Слова мэңни 'свой', минни 'мой', һинни 'твой', эрречин 'такой' и др. являются как бы своего рода прилагательными.

Такие слова, как *hōya* 'много', *abāy* 'мало', *erdin* 'столько', *gād* 'половина' и др., обозначают количество предметов.

Можно сказать, что не только местоимения являются заместительными словами, но и такие слова, например, как *ōn* 'как?', *ēlā* 'здесь, сюда', *tala* 'туда', *taraqām* 'тогда', *hādun* 'иногда', 'вполне', также являются „заместителями“ наречий.

Местоимения описываемого говора могут укладываться в схему, предлагаемую, например, Ю.С. Масловым.¹ Однако в связи с нашей ближайшей задачей местоимения описываем традиционно, по схеме, предложенной В.И. Цинциус (33, с. 129–158).

В описываемом говоре местоимения не имеют больших отличий от литературного языка и других говоров (3, с. 9; 16, с. 143–153; 33, с. 129–158; 18, с. 120–121, 132–133, 169–173; 14, с. 68–80; 15, с. 62–74).

Разряды местоимений

Выше был указан формально грамматический подход к классификации местоимений. Все исследователи эвенского языка и его диалектов придерживаются семантической классификации. В описываемом говоре имеются следующие разряды местоимений: личные, возвратные, притяжательные, указательные, определительные, вопросительные, неопределенные.

Личные местоимения

Термин „личное местоимение“ в некоторой степени условен не совсем семантически четко определяет данный разряд. В большинстве случаев под словом „личный“ понимают свойство местоимения обозначать то или иное лицо. Если быть до конца последовательными, то в этот разряд должны быть включены и такие местоимения, как *māni* 'себя', *mārbur* 'себя (мн. ч.)', *mini*, *mini* 'мой', *mānkān* 'сам', *hūi* 'кто', *hūi-dā* 'кто-нибудь' и т.д. С другой стороны, поскольку местоимения *noñan* 'он', *noñartān* 'они' могут „замещать“ не только лицо, но и вообще живые существа, то их следовало исключить из разряда личных местоимений. Это говорит о том, что местоимения выделяются не по одному семантическому признаку, а по целой совокупности признаков.

Личные местоимения подразделяются на собственно-личные и лично-указательные.

Собственно-личные местоимения – это *bī* 'я', *hīi* 'ты', *bū* 'мы (без вас)', *mut* 'мы (все) вами', *hū* 'вы'. К лично-указательным местоимениям относятся *noñan* 'он', *noñartān* 'они'. Они

¹ Маслов Ю.С. Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1975. С. 217–218.

указывают на лицо или предмет, не являющийся участником диалога.

Значение личных местоимений соответствует значениям форм лица глагола. Лично-указательные местоимения (*noñan*, *noñartān*) употребляются по отношению не только к лицам, но и к животным.

Собственно-личные местоимения указывают только на лицо. *Bī* 'я' – лицо говорящее, иначе 1-е л. ед. ч. Местоимение *bū* 'мы (все)' – это говорящее лицо с кем-нибудь (одним человеком), т.е. это двойственное число личного местоимения, или в случае, когда идет разделение на две группы 'мы без вас' *bī* 'я'. Слово *mut* 'мы (с вами)' – это говорящее лицо вместе со всеми, от имени которых говорится. Поэтому местоимения *bū* 'мы (без вас)', *mut* 'мы (все)' не могут считаться формой множественного числа от *bī* 'я', так как они обозначают не множество говорящих, а говорящего плюс еще какое-то лицо или лица.

Личные местоимения склоняются по всем падежам простого склонения, кроме направительно-местного и направительно-продольного. Особенности склонения их:

а) собственно-личные местоимения 1-го л. ед. и мн. ч. (искл.ф) *bī* 'я', *bū* 'мы (без вас)' и 2-го л. ед. и мн. ч. *hīi* 'ты', *hū* 'вы' в косвенных падежах имеют супплетивные формы 1-го л. ед. ч. – *min*, 1-го л. мн. ч. (искл.) – *mun*, 2-го л. ед. ч. *hin*, 2-го л. мн. ч. *hun*, и склоняются они в косвенных падежах по-особому (табл. 18);

б) склонение лично-указательных местоимений существенно отличается от склонения собственно-личных, а именно: они не меняют первоначальную основу, как собственно-личные местоимения. Местоимение *noñan* 'он' склоняется как неусеченная основа на –*n*, и к падежному суффиксу прибавляется в косвенных падежах притяжательный суффикс 3-го л. ед. числа –*n*. Местоимение *noñartān* 'они' склоняется как существительные с суффиксом мн. числа на –*r* (орар). При этом в косвенных падежах притяжательный суффикс 3-го л. ед. ч. –*tān* отделяется от основы и суффикс падежа вклинивается между основой (*noñār-*) и суффиксом –*tān*, ср.: *noñārbūtān* и т.д.;

в) личные местоимения в отличие от других имен принимают суффиксы направительно-местного и направительно-продольного падежей только с суффиксом –*gi-da/-gi-de-*, показывающим стороны чего-нибудь: эр 'вот' – эргиде 'эта сторона'.

Склонение личных местоимений приведено ниже.

Местоимение	Направит.-местный пад.	Направит.-продольный пад.
<i>bī</i>	мингидэклэ	мингидэкли
<i>hīi</i>	hinгидэклэ	hinгидэкли
<i>noñan</i>	ноñгидаклан	ноñгидаклин
<i>bū</i>	мунгидэклэ	мунгидэкли
<i>mut</i>	муткидэклэ	муткидэкли
<i>hū</i>	hунгидэклэ	hунгидэкли
<i>noñartān</i>	ноñгидаклатān	ноñгидаклитān

Склонение личных местоимений

Падеж	1-е лицо			2-е лицо		3-е лицо	
	ед. число	мн. число		ед. число	мн. число	ед. число	мн. число
		искл.	вкл.				
Им.	бй	бў	мут	һй	һу	ноңан	ноңартан
Вин.	мину	муну	муту	һину	һуну	ноңман	ноңарбутан
Дат.	минду	мунду	мутту	һинду	һунду	ноңандун	ноңартакитан
Направит.	минтёки	мунтики	муттики	һинтёки	һунтёки	ноңантакин	ноңартакитан
Местн.	миндуле	мундуле	муттуле	һиндуле	һундуле	ноңандулан	ноңардулатан
Продольн.	миндул'и	мундул'и	муттул'и	һиндул'и	һундул'и	ноңандулин	ноңардулитан
Отложит.	миндук	мундук	муттук	һиндук	һундук	ноңандукун	ноңардукутан
Исходн.	мингич	мунгич	муткич	һингич	һунгич	ноңид'ин	ноңарид'итан
Творит.	минёч	мунёч	мутёч	һинёч	һунёч	ноңанд'ин	ноңард'итан
Совм.	мин'ун	мун'ун	мут'ун	һинн'ун	һунн'ун	ноңн'унни	ноңарн'унтан

Кроме того, формы направительно-местного и направительно-продольного падежей личных местоимений могут, хотя не в полном объеме, выражаться аналитической формой, как и в охотском диалекте, где эти формы идентичны (15, с. 64). Значение направительно-местного падежа можно с некоторой условностью заменить аналитической формой, в которой личное местоимение оформлено местным падежом в сочетании с послелогом истала 'до чего-нибудь':

мингидёкле - миндуле истала,
 мунгидёкле - мундуле истала,
 муткидёкле - муттуле истала,
 һингидёкле - һиндуле истала,
 һунгидёкле - һундуле истала,
 ноңгидаклан - ноңандула истала,
 ноңаргидаклатан - ноңардулатан истала.

Падежной формой выражена сторона местности (и чего-либо), относящаяся к 'пункту', обозначенному местоимением (до него), а составной формой выражен просто 'пункт' (точнее 'до пункта'). Во всем остальном они совпадают.

Форма направительно-продольного падежа личных местоимений может быть заменена с некоторой условностью составной формой, где притяжательное местоимение сочетается с послелогом һат 'около' в продольном падеже һатли 'мимо чего-нибудь'. При этом послелог оформляется личными притяжательными суффиксами:

мингидёкли - мин һатлив,
 һингидёкли - һин һатлис,
 ноңгидаклин - ноңан һатлин,
 мунгидёкли - мун һатливун,
 муткидёкли - мут һатлит,
 һунгидёкли - һун һатлисан,
 ноңаргидаклитан - ноңартан һатлитан.

Падежная форма (например, мингидёкли и т.д.) показывает местность или пространство действия, условным центром которого является местоимение, с точки зрения говорящего, и по ней (нему) или до этой местности совершается действие, а составная форма показывает, что действие совершается мимо центра местности, выраженного местоимением.

Березовский говор отличается и тем, что личные местоимения очень часто принимают разные оценочно-модальные суффиксы. Это предмет специального исследования, здесь приведем лишь наиболее характерные из них.

Личные местоимения могут употребляться с ограничительным суффиксом -ткән/-тэкән, тқан/тақан:

биткән 'лишь только я',
 мунтэкән 'лишь только мы (без вас)',

мттэкэн 'лишь только мы (с вами)',
 һйткэн 'лишь только ты',
 һүткэн 'лишь только вы',
 ноуантақан 'лишь только он',
 ноуартантакэр 'лишь только они'.

Местоимения, как и имена существительные, принимают оценочный суффикс сравнения -гичин/-гачин/-кичин:

мингичин (от бй 'я') 'как я',
 мунгичин (от бӯ 'мы (без вас)') 'как мы (без вас)',
 муткичин (от мут 'мы (с вами)') 'как мы (с вами)',
 һингичин (от һй 'ты') 'как ты',
 һунгичин (от һү 'вы') 'как вы',
 ноуғачинни (от ноуған 'он') 'как он',
 ноуғаргичин (от ноуғартан 'они') 'как они'.

Они образуют также вид сравнения по величине, размеру или росту, например: мин дйв 'ростом, величиной как я' (досл. 'мой рост (мой) или моя величина (моя)'); һин дйс 'ростом как ты', ноуған дйн 'ростом как он' и т.д.

Личные местоимения часто принимают увеличительный суффикс -нд'экэн (-нд'акән, -нд'акәр/-нд'экэр): бйнд'экэн 'я большой, значительный (с оттенком самовосхваления)', һйнд'экэн 'ты значительный, большой (с оттенком восхваления)', ноуғанд'акән 'он большой, значительный, почтенный, уважаемый (с оттенком восхваления)' и т.д.

В ином контексте эти же слова могут быть восприняты и с оттенком пренебрежения, уничижения, например: Ноуғанд'акән, тар, этикэнд'экэн, бәниқан, гиркаддан 'Он самый, вон, почтеннейший, ленившись, идет (в ироническом тоне)'.

В фольклоре часто встречаются личные местоимения с суффиксом -ййэкэн/-ййакән в значении 'ничтожненький' (в положительном тоне). В принципе этим суффиксом могут оформляться все личные местоимения, но часто встречается только в 1-м и 2-м лицах единственного числа: бйййэкэн 'я ничтожненький', һйййэкэн 'ты ничтожненький' и др. Они встречаются в основном в фольклоре в обращениях к духам тайги, горы, огня и т.д.

В иной модальной окраске встречаются также и другие суффиксы эмоциональной оценки с подобным значением:

бйккэкэн 'я маленький, незначительный',
 бӯккэкэн 'мы (без вас) маленькие, незначительные',
 муткэкэр 'мы (с вами) маленькие, незначительные',
 һйккэкэн 'ты маленький, незначительный',
 һүккэкэр 'вы маленькие, незначительные',
 ноуғаркакәр 'они маленькие, незначительные'.

В зависимости от контекстного окружения они принимают различные значения.

Личные местоимения также принимают уничижительные суффиксы, которые придают значения пренебрежения, высокомерного неуважительного отношения говорящего к кому-либо. Таким формантом является суффикс -чэкэн/-чақан:

бйчэкэн 'я-то уж (ничтожный)',
 бӯчэкэн 'мы (без вас)-то уж (ничтожные)',
 мутчэкэр 'мы (с вами)-то уж (ничтожные)',
 һйчэкэн 'ты-то уж (ничтожный)',
 һүчэкэн 'вы-то уж (ничтожные)',
 ноуғанчақан 'он-то уж (ничтожный)',
 ноуғачақар 'они-то уж (ничтожные)'.

В зависимости от контекста и интонации могут принимать и иные оттенки значений, связанных с общим значением.

Возвратное местоимение

В описываемом говоре имеется, как и в литературном языке, возвратное местоимение мэни 'себя', выступающее в форме единственного и множественного чисел. Возвратное местоимение мэни соотносится с любым из трех лиц единственного числа: бй 'я', һй 'ты', ноуған 'он'; так же во множественном числе: -мэ́рбур 'себя'- бӯ 'мы (без вас)', мут 'мы (с вами)', һү 'вы', ноуғартан 'они'.

Возвратное местоимение обозначает объект действия, тождественный с субъектом, поэтому оно не может иметь форму именительного падежа.

Склонение возвратных местоимений

Падеж	Ед. число	Мн. число
Им.	—	—
Вин.	мэни	мэ́рбур
Дат.	мэнди	мэ́рдур
Направит.	мэнтэкий	мэ́ртэкивур
Местн.	мэндулэй	мэ́рдулэвур
Продолын.	мэндулий	мэ́рдуливу́р
Направит.-местн.	мэ́нэклэй	мэ́рэклевур
Направит.-продолын.	мэ́нэклий	мэ́рэкливу́р
Отложит.	мэндуки	мэ́рдукур
Исходн.	мэ́нгид'и	мэ́ргид'ур
Творит.	мэ́нд'и	мэ́рд'ур
Совм.	мэ́ин'уми	мэ́рн'умур

Местоимения			
ед. число		мн. число	
	мэңий 'свой', 'свое', 'мой', 'твой', 'его' (об одном предмете, принадлежащем одному лицу)	мэрүивур 'свой', 'свое', 'наше', 'ваше', 'их' (об одном предмете, принадлежащем многим лицам)	мэңилби 'своих', 'моих', 'твоих', 'его' (о многих предметах, принадлежащих одному лицу)
Им.	-	-	-
Вин.	мэңий	мэрүивур	мэрүилбур
Дат.	мэңида	мэрүидур	мэрүилд'ур
Направит.	мэңийкиий	мэрүиккиивур	мэрүилтэкиивур
Местн.	мэңилэй	мэрүилэвур	мэрүилдулэвур
Продольн.	мэңилий	мэрүиливур	мэрүилдуливур
Отложит.	мэңилдукий	мэрүилдукур	мэрүилдулукур
Исходн.	мэңиш'и	мэрүишид'ур	мэрүиллид'ур
Творит.	мэңид'и	мэрүид'ур	мэрүилд'ур
Совм.	мэңин'уми	мэрүин'умур	мэрүил'н'умур

Особенностью склонения возвратных местоимений является то, что в говоре имеются формы всех падежей, кроме именительного, в отличие, например, от охотского, где нет форм направительно-местного и направительно-продольного падежей (15, с. 66).

Как и в других говорах, склоняются местоимения всегда с возвратными суффиксами, в единственном числе по типу склонения усеченных и неусеченных основ на -н, а во множественном - как основа с суффиксом мн. числа на -р.

Притяжательные местоимения

Эту группу местоимений можно было бы назвать местоименными прилагательными. Они отвечают на вопрос *ийңи? 'чей'*. Притяжательные местоимения указывают на принадлежность предмета кому-либо. К ним относятся следующие формы.

Лично-притяжательные местоимения

минңи 'мой, принадлежащий мне'
 һинңи 'твой, принадлежащий тебе'
 ноңңин 'его, принадлежащий ему'
 муңңи 'наш, принадлежащий нам (без вас)'
 мутңи 'наш, принадлежащий нам (с вами)'
 һунңи 'ваш, принадлежащий вам'
 ноңарңитан 'их, принадлежащий им'

Имеют краткую неизменяемую форму мин 'мой', һин 'твой', ноңан 'его', муң 'наш (без вас)', мут 'наш (с вами)', һун 'ваш', ноңартан 'их'. Эта форма употребляется только с определяемым словом и, как всегда, занимает препозицию, например: мин орму 'мой олень', һин оранси 'твой олень', ноңан оранни 'его олень' и т.д.

Возвратно-притяжательные местоимения - мэң 'свой' (ед. ч.), мэр 'свой' (мн. ч.). Во множественном числе употребляются формы мэрүивур и мэңивур. Они принимают возвратно-притяжательные суффиксы и тогда становятся полной изменяемой формой.

Склонение возвратно-притяжательных местоимений от других говоров отличается лишь фонетической огласовкой слова (11, с. 74). Они не имеют формы именительного, направительно-местного, направительно-продольного и исходного падежей (с. 122).

Одним из отличий склонения возвратно-притяжательных местоимений является то, что форма мэңивур параллельна форме мэрүивур и переводится как 'свой, своя, свое, наше, ваше, их', обозначает принадлежность одного предмета многим лицам. Эта форма употребительна особенно у эвенов нитчанской группы, тогда как чубулахские предпочитают форму мэрүивур.

Видимо, первоначально форма мэңивур употреблялась при обращении к 1-му, 2-му, 3-му лицам в ед. числе, а форма мэрүивур -

во множественном. В целом нельзя считать, что форма мэннживур отсутствует в березовском говоре. Нами она не включена из-за идентичного употребления с формой мэрнживур. Эта форма также склоняется по 9 падежам: мэннживур (вин.), мэннжидур (дат.), мэннжиккивур (направит.), мэннжилэвур (местн.), мэннжилливур (продольн.), мэннжидукур (отложит.), мэннжигид'ур (исходн.), мэннжид'ур (творит.), мэннжин'умур (совм.).

Имеется также другая, самостоятельно-притяжательная, форма притяжательных местоимений:

Ед. число	Мн. число
мэннжив 'мой собственный'	мэннживун 'наш собственный'
мэннжис 'твой собственный'	мэннжит 'наш собственный'
мэннжин 'его собственный'	мэннжэсэн 'ваш собственный'

В говоре имеется несколько образований от вопросительного слова жини? 'чей?', например: жини-ут-тэ 'чей-то', жини-ул 'чей угодно', жини-дэ 'чей-то' и др.

Отрицательная форма образуется аналитическим путем, например: жини-дэ эсни бис 'ничей' (досл.: 'чьим-то не является').

Указательные местоимения

Указательные местоимения служат для ориентации собеседника по отношению к предметам речи.

В говоре указательные местоимения представлены следующими первичными формами: эр 'тот самый', эрэк 'этот', тар 'вот тот', тараж 'тот', эрэл 'эти', тарал 'те', тавур 'вот тот'.

Некоторые из них принимают усиление, уточнение значений путем присоединения частиц, удлинения гласных корня и повтором, например: тар-ка-тар 'вот тот самый', эр-кэ 'вот этот самый', та-ар-тар 'вон тот', эрэ-эк эрэк 'этот именно' и др.

Эр-кэ эр, тибалдан учик д'эпчэ гиркари, пактэрэли-э! 'Вот тот самый волк, который задавил моего ездового оленя, стреляй-ка (быстрей)!'; Та-ар, тар, амқачан һэйэлэн йақ-та ичун 'Вон там на вершине горы что-то показалось'.

К указательным местоимениям вопросительным словом является ирэк? 'который, где находящийся, который из них?'.

Указательные местоимения склоняются в говоре по всем падежам простого склонения. Местоимение эрречин не имеет форм направительно-местного и направительно-продольного падежей. В некоторых говорах указательные местоимения по этим падежам вообще не изменяются (14, с. 75; 15, с. 70). Как в литературном языке, они имеют в именительном падеже формант -к, который исчезает в косвенных падежах.

	Ед. число		Мн. число	
	эрэк	тарак	эрэл	тарал
Им.	эрэк	тарак	эрэл	тарал
Вин.	эрэв	тарав	эрэлбу	таралбу
Дат.	эду	таду	эрэлду	таралду
Направит.	эртэки	тартаки	эрэлтэки	таралтаки
Местн.	элэ	тала	эрэлдулэ	таралшула
Продольн.	эли	тали	эрэлдули	таралдули
Направит.-местн.	эрэклэ	тарақла	эрэлэклэ	таралақла
Направит.-продольн.	эрэкли	тарақли	эрэлэкли	таралақли
Отложит.	эдук	тадуқ	эрэлдук	таралдук
Исходн.	эргич	таргич	эрэлгич	таралгич
Творит.	эрич	тарич	эрэлд'и	таралд'и
Совм.	эри'ун	тари'ун	эрэли'ун	тарали'ун

Указательные местоимения могут принимать различные суффиксы принадлежности:

а) суффикс -ни, который, сочетаясь с местоимениями (не только указательными), показывает принадлежность предмета, тому лицу, которое названо основой местоимения, например:

эрни 'принадлежащий этому' (от эрэк 'этот'),
эрэлни 'принадлежащий этим' (от эрэл 'эти'),
тарни 'принадлежащий тому' (от тарак 'тот'),
тарални 'принадлежащий тем' (от тарал 'те');

б) суффикс -нэ, который, сочетаясь с указательными местоимениями, показывает принадлежность предмета, названного основой местоимения, к тем или иным лицам. Поэтому они употребляются в сочетании с лично-притяжательными суффиксами.

Наряду с этим имеется относительно-притяжательная форма указательного местоимения эрини 'это свое', тарини 'это свое'.

Указательные местоимения в предложении выступают в роли различных членов предложений:

Ноһан төрлэ буйур һб һойа биситән. Тарал д'уғурматән эгд'эр оқатал бдитән (фольк.) 'Сначала на земле было много диких оленей. Их тропы превратились в большие реки'; Эр-э, йакав-о, кейэт-лэ-э? 'Вот он, смотри, что это?'; Ноһан тариңи төр һәрәлән д'ай-рин (фольк.) 'Он того (своего) спрятал под землей' и т.д.; Нэлкэ ерәләр эрәклэ истала нулгәритән 'Весной кочевники кочевали до этих мест'; Тинив орайбун эрикли истала үңритин 'Вчера наши олени до этих мест пришли'; Эрәңәлбур элэ эмәннәт, бн-э-си н'эк-чип 'Этих своих нам придется оставить здесь, что ж делать нам больше?'; Тарақ - һәлургун уткучәни ... (фольк.) 'Тот - капкан (ловушка) богатыря'; Эрич гәаттам, - гәни һәлургун н'ән эгд'эм қоқучайи нүдәсан 'С этим дружу, - сказал богатырь, затем вынул большое (свое) копье'.

Значение указательных местоимений дополняется тем, что они могут принимать формы сравнений и эмоциональной оценки, напри-

Таблица 19

Указательно-притяжательные местоимения

Лицо	Ед. число		Мн. число	
	эрэну 'этот мой'	тарау 'тот мой'	эрэңэлбу 'эти мои'	тараңалбу 'те мои'
1-е	эрэну	тарау	эрэңэлбу	тараңалбу
2-е	эрэңэс	тараңас	эрэңэлси	тараңалси
3-е	эрэңэн	тараңан	эрэңэлни	тараңални
1-е (искл.)	эрунун	тараңун	эрэңэлбун	тараңалбун
1-е (вкл.)	эриңит	тараңат	эрэңэлти	тараңалти
2-е	эрэңэсэн	тараңасан	эрэңэлсэн	тараңалсан
3-е	эрэңэтэн	тараңатан	эрэңэлтэн	тараңалтан

мер: эргичин 'подобный этому, такой же, как этот'. Таргачин 'подобный тому, такой же как тот'; эрэк-тэкэн 'только этот', тарақ-тақан 'только тот'; эрдикэмур 'с таким, каким этот, маленьким' и т.д.

Говор весьма богат разнообразными оценочными суффиксами, которые присоединяются к указательным местоимениям. Но это предмет специального исследования.

Определительные местоимения

В говоре определительные местоимения представлены двумя группами слов.

Определительные местоимения первой группы образуются от основ указательных местоимений эр 'вот', тар 'тот' с помощью суффиксов -рочин, -рочир, -дин. С суффиксом -рочин образуются определительные местоимения единственного числа: эррочин 'такой, как этот', таррочин 'такой, как тот'. Множественное число их образуется с помощью суффикса -р, т.е. -рочир: эррочир 'такие же, как этот', таррочир 'такие же, как тот'.

С помощью суффикса -дин образуются определительные местоимения, указывающие на равновеликость предметов: эрдин 'такой же, как этот (по величине, длине, ширине, высоте и т.д.)', тардин 'такой же, как тот (по величине, длине, ширине, высоте и т.д.)'. Определительные местоимения эрдин, тардин, видимо, исторически сложные слова, состоящие из слов эр 'вот', тар 'тот' и дй 'размер, величина, рост'. В определительных местоимениях гласная и долгая и слово дй всегда употребляется с лично-притяжательными суффиксами (дй-н, дй-с, дй-в и т.д.).

Эта группа определительных местоимений склоняется по всем падежам простого склонения в единственном и во множественном числе (табл. 20).

Таблица 20

Склонение определительных местоимений (I группа)

Падеж	Ед. число		Мн. число	
	эррочин 'такой же, как этот'	таррочин 'такой же, как тот'	эррочир, 'такие же, как эти'	таррочир 'такие же, как те'
Им.	эррочин	таррочин	эррочир	таррочир
Вин.	эррочим	таррочим	эррочирбу	таррочирбу
Дат.	эррочинду	таррочинду	эррочирду	таррочирду
Направит.	эррочинтэки	таррочинтэки	эррочиртэки	таррочиртэки
Местн.	эррочиндула	таррочиндула	эррочирдула	таррочирдула
Продольн.	эррочиндул'и	таррочиндул'и	эррочирдул'и	таррочирдул'и
Направит.-местн.	эррочиклэ	таррочикла	эррочирклэ	таррочиракла
Направит.-продольн.	эррочикл'и	таррочикл'и	эррочирекл'и	таррочиракл'и
Отложит.	эррочиндук	таррочиндук	эррочираук	таррочираук
Исходн.	эррочигич	таррочигич	эррочиргич	таррочиргич
Творит.	эррочин'	таррочин'	эррочирд'и	таррочирд'и
Совм.	эррочин'ун	таррочин'ун	эррочирд'ун	таррочирд'ун

Особенностью определительных местоимений описываемого говора является и то, что местоимения эрдин и тардин склоняются по всем падежам простого склонения в единственном и во множественном числе (табл. 21).

Определительные местоимения второй группы образуются от разных основ и поэтому не имеют единого семантического содержания, объединяющего их все в подгруппу. В какой-то мере они объединены нами условно, чтоб вычленив первую группу и на основе общего категориального содержания — определительности.

Сюда включаем слова мэнкэн 'сам', мэнкэр¹ 'сами', образованные от основ возвратных местоимений с помощью суффиксов -кэн, -кэр. Они в основном употребляются для выделения, подчеркивания действующего лица, например: Бй мэнкэн эрэв н'эктэку, һү гилракалбур тйлрэ 'Я сам сделаю это, вы отпускайте наших ездовых оленей'.

В говоре употребительны определительные местоимения: эйду 'весь, все', бейд'и 'сам', чэлэ 'весь', чэлэн 'все', һан 'некоторый, частичный', һэнтэ 'другой', кубэч 'целый, весь'.

Они в большинстве своем не склоняются, кроме местоимений һэнтэ, чэлэ, хотя некоторые из них могут быть оформлены в контексте в форме тех или иных падежей: Нипкирилэт һйа олра йчэ, бй тарав кубэччив эмуриэ 'В нашем заповеде для ловли рыб вошло много рыбы, это я все принес' (кубэччив — вин. п.).

¹ Вариант мэркэр 'сами' употребляется не очень часто, хотя они сосуществуют.

По значению, образованию и роли в предложении вопросительные местоимения ничем существенным не отличаются от этих местоимений литературного языка (33, с. 152–158).

В говоре имеются следующие вопросительные местоимения: *нй* 'кто', *йақ* 'кто-что?', *ади* 'сколько?', *иррочин* 'какой (по цвету)?', *асун?* 'какой? (по величине, объему, размеру и т.д.)', *авут?* 'который из них?'.

Функцию вопросительных местоимений выполняют и наречия: *илэ?* 'где?', *оқ?* 'когда?', *йаи* 'почему?', и вопросительные слова, образованные от них, например: *ил'и* 'по какому месту?', *идук* 'откуда?', *иргич* 'с какой стороны?', *оқарп?* 'с каких пор?' и др.

Самым употребительным, имеющим многочисленные производные формы, является местоимение *йақ* 'что? кто?'. Оно служит вопросительным местоимением для всех звенских слов, кроме тех, которые обозначают людей. В некоторых случаях, даже по отношению к словам, обозначающим людей, может быть использовано местоимение *йак*? например:

Нинай йав гогар, итиэли, өрилэрбу-ул гогар? 'На кого лают собаки, иди посмотри, не пришли кочевники (в смысле – чужие)?'; *Тала йақ төрөнни йсни?* – *гөнид'и*, *Киророт нугадай кимрэн.* 'Чей голос там слышен? – сказал Киророт (имя собств.) и приготовил (свой) лук'.

Местоимение *йақ*? может принять, как имена существительные, формы притяжания (прямую и относительную): *йас?* 'что твое?', *йақас?* 'что тебе принадлежащее?'.

Оно также может принять формы субъективной оценки: *йайақан*, *йақақан?* 'кто-что? (уменьшительное)', *йамқар*, *йан'д'а*, *йақайа* 'кто-что? (увеличительное)'.

Однокоренным с местоимением *йақ*? является вопросительный глагол *йалай?* 'что делать'. А от него образуются многочисленные вопросительные местоимения, например: *йалдивун?* 'для какого действия, для чего назначенный?', *йамңа?* 'чем занимающийся?', *йад'ак?* 'что за место?', *йанмай* 'что за процесс (действие)?' и др.

Вопросительное местоимение *нй*? 'кто?' менее употребительно, чем местоимение *йақ*?. Оно используется только по отношению к людям. Образует множественное число с помощью суффикса *-йэ*, а не *-л*, как местоимение *йақ*?, например: *нй?* 'кто?', *-нйэй?* 'кто?' (мн. ч.).

Это местоимение принимает и суффиксы эмоциональной оценки увеличительности и уменьшительности: *нйнд'э?* 'кто?' (увеличит. суфф. *-нд'э*), *нйкэйэ?* 'кто?' (увеличит. суфф. *-кэйэ*), *нймкэр?* 'кто?' (увеличит. суфф. *-мкэр*), *нйкэкэн?* 'кто?' (уменьшит. суфф. *-кэкэн*), *нййэкэн?* 'кто?' (уменьшит. суфф. *-йэкэн*).

В говоре имеются двойные формы множественного числа данных местоимений. Не имеет двойной формы множественности только местоимение *нй*? 'кто?' (о человеке).

	Ед. число асун? 'какой по величине?'		Мн. число асур? 'какие по величине?'	
	эрдия 'такой же, как этот (по величине, длине, объему и т.д.)'	тардия 'такой же, как тот (по величине, длине, объему и т.д.)'	эрдир 'такие же, как эти (по величине, длине, объему и т.д.)'	тардир 'такие же, как те (по величине, длине, объему и т.д.)'
Падеж				
Им.	эрдия	тардия	эрдир	тардир
Вин.	эрдям	тардам	эрдирбу	тардирбу
Дат.	эрдияду	тардияду	эрдирду	тардирду
Направит.	эрдиртэки	тардиртэки	эрдиртэки	тардиртэки
Местн.	эрдиядула	тардиядула	эрдирдула	тардирдула
Продольн.	эрдиядул'и	тардиядул'и	эрдирдул'и	тардирдул'и
Направит.-местн.	эрдэнэклэ	тардинақла	эрдирэклэ	тардирэклэ
Направит.-продольн.	эрдиянэкл'и	тардинақл'и	эрдирэкл'и	тардирэкл'и
Отложит.	эрдиядук	тардиядук	эрдирдук	тардирдук
Исходн.	эрдиягич	тардиягич	эрдиргич	тардиргич
Творит.	эрдиян'	тардиян'	эрдирн'и	тардирн'и
Совм.	эрдиян'ун	тардиян'ун	эрдирн'ун	тардирн'ун

Местоимение *нй* с модальными суффиксами:

Ед. число	Мн. число	
	I группа	II группа
<i>нй?</i> 'кто?'	<i>нййэ</i>	
<i>нйнд'э?</i> 'кто?' (увелич.)	<i>нййэнд'эл</i>	<i>нйнд'эл</i>
<i>нйнэйэ?</i> 'кто?' "	<i>нййэкэйэл</i>	<i>нйкэйэл</i>
<i>нймкэр?</i> 'кто?' "	<i>нййэмкэрэл</i>	<i>нймкэрэл</i>
<i>нйкэкэн?</i> 'кто?' (уменьшит.)	<i>нййэкэкэр</i>	<i>нйкэкэр</i>
<i>нййэкэн?</i> 'кто?' "	<i>нййэйэкэр</i>	<i>нййэкэр</i>

Как видно, множественное число первой группы оформлено суффиксами множественности: *нй* – *йэ* – *нд'э* – *л* (*-йэ*, *-л* – суффиксы мн. числа), *нй* – *йэ* – *кэйэ* – *л* (*-йэ*, *-л* – суффиксы мн. числа).

Интересно то, что первый суффикс множественного числа вклинивается между основой (*нй*) и суффиксом увеличительности или уменьшительности (*-нд'э*, *-кэйэ*, *-мкэр*, *-кэкэ(н)*, *-йэкэ(н)*), второй (*-л*) – в конце слова.

Склонение вопросительных местоимений показано в табл. 22. Здесь следует отметить, что все вопросительные местоимения, образованные от этих основ, склоняются так же.

Падеж	Ед. число				Мн. число	
	йак? 'кто-что?'	ңи? 'кто?'	ирэк? 'который?'	йал? 'кто-что?'	ңийэ? 'кто?'	ирэл? 'которые?'
Им.	йақ?	ңи?	ирэк?	йал?	ңийэ?	ирэл?
Вын.	йав?	ңйв?	ирэв?	йалбу?	ңийэв?	ирэлбу?
Дат.	йаду?	ңйду?	иду?	йалду?	ңийэду?	ирэлду?
Направит.	йатки?	ңйтки?	иртки?	йалтаки?	ңийэтки?	ирэлтэки?
Местн.	йала?	ңйлэ?	илэ?	йалдула?	ңийэлэ?	ирэлдулэ?
Продолын.	йали?	ңйли?	или?	йалдули?	ңийэли?	ирэлдули?
Направит.-местн.	йақла?	ңйклэ?	ирэклэ?	йалақла?	ңийэклэ?	ирэлэклэ?
Направит.-продолын.	йакл'и?	ңйкл'и?	ирэкли?	йалакл'и?	ңийэкл'и?	ирэлэкл'и?
Отложит.	йадук?	ңйдук?	илук?	йалдук?	ңийэдук?	ирэлдук?
Исходи.	йагичи	ңйгичи	иргичи	йалгичи	ңийэгичи	ирэлгичи
Творит.	йач?	ңйч?	ирич?	йал'д'и?	ңийэч?	ирэл'д'и?
Совм.	йан'ун?	ңйн'ун?	ирн'ун?	йалн'ун?	ңийэн'ун?	ирэл'н'ун?

Неопределенные местоимения

Этот разряд местоимений образуется от вопросительных местоимений с помощью суффиксов -ул, -вул, -ут-та/-ут-тэ, -да/-дэ: йақ-ул 'что-нибудь', илэ-вул 'где-нибудь', бк-ул 'когда-нибудь', ирочин-ут-та 'какой-то', адира-да 'сколько-то раз', бн-ут-та 'как-то', али-ут-та 'сколько-то', ңйли-вул 'кем-нибудь' и т.д. Обладая общим семасиологическим свойством неопределенного, неконкретного обозначения предмета, действий, признаков, количества, свойств времени, имеет весьма разнообразные синтаксические функции, например:

„Ок-ул н'эмэгнэңэри мунтэки“, – гөни бэйкэйэ, йав-ут-та тогла улэникэн 'Когда-нибудь приходите в гости, – сказал мужчина, идя что-то в огонь'; Эсэм һәр идук-ут-та гадитан эрэв, ңй-ут-тэ бөчэ-дэ бид'ин... 'Не знаю, откуда (они) взяли это. а может, кто-нибудь отдал', и др.

Неопределенные местоимения в предложениях с отрицательным сказуемым могут иметь значение отрицательных местоимений, например:

Д'эрбу инеңу алаттит, ңй-дэ эсни эмрэ 'Ждали два дня, но никто не приехал'.

При склонении неопределенных местоимений присоединяемые частицы остаются неизменными, поэтому склонение их ничем не отличается от склонений вопросительных местоимений.

Как и в целом в эвенском языке (3, с. 42-43; 19, с. 112-128; 14, с. 96-100; 15, с. 117-122), в березовском говоре наречие — это самостоятельная знаменательная часть речи, обозначающая признаки действий и признаки качеств, а также — состояния или предмета.

Наречие отличается от других частей речи описываемого говора тем, что трудно найти общий, всеобъемлющий семасиологический критерий, ибо наречия соотносятся с глаголами и именами (существительными, прилагательными, местоимениями, числительными, даже наречиями).

Синтаксическим свойством наречий является то, что они в предложении выступают в роли разных обстоятельств и подчинены прилагательным, словам категории состояния и в особенности глаголам, то есть наречию как части речи свойственно значение вторичного признака, другими словами, признака другого признака.

Морфологически наречия отличаются тем, что у них отсутствуют частные грамматические значения и категории. Другим морфологическим признаком наречия является неизменяемость его, т.е. не изменяется ни по лицам, ни по числам.

Таким образом, можно сказать, что слова, относимые к наречиям, отличаются известной грамматической универсальностью, ибо сочетаются с такими исходными частями речи, как например, глагол и прилагательное.

С точки зрения семантической и функциональной наречия в какой-то мере представляют „сборную“ категорию. В этой связи уместно вспомнить слова акад. В.В. Виноградова, который писал, что «категория наречий истари являлась свалочным местом для всех так называемых „неизменяемых“ слов».¹

В описываемом говоре наречия отличаются от других знаменательных частей речи, с которыми связано по происхождению, тем, что значения наречий более абстрактны и обобщены, чем сходные понятия, выражаемые другими языковыми категориями, например:

(1) Орълчимүд, манрутниқан, гургэвчиддэ 'Оленеводы работают старательно'; (2) Оръндула манручин' гургэвчями айи 'В оленеводстве следует работать старательно'.

В обоих предложениях в русских переводах имеется наречие „старательно“, которое в первом предложении выражено деепричастием „манрутниқан“, а во втором — наречием „манручин“. В первом предложении указывается конкретный случай, а во втором — более обобщенный, не выражающий конкретности случая. Примерно таким же оттенком отличаются и следующие предложения:

(1) Амқачар өйдэлитэн вертолет дэрсэн 'Над сопками летит вертолет'; (2) Пэлургэн илрақан н'ан'интаки өгэски ичисэн...

'Богатырь трижды взглянул вверх в небо...'; (3) Ноңан Нитчан стададукун эмрэн 'Он приехал из (оленоводческого) стада Нитчан'.

В предложениях (1), (3) обстоятельства места выражены существительными с послелогом (амқачар өйдэлитэн 'над сопками') и сочетанием собственного и нарицательного имени (Нитчан стададукун 'из стада Нитчан'). В этих предложениях указаны конкретные обстоятельства места. В предложениях (2), (4) обстоятельства места выражены наречиями таргидадук 'с той стороны' (4) и өгэски 'вверх' (2), и поэтому они не конкретизированы, в некоторой степени даже абстрагированы.

Среди других признаков наречий следует отметить, что они подчиняют только наречия, например: һд һинма 'очень быстрый', извэсэк абал 'абсолютно мало', илқан ай 'по-настоящему хороший' и др.

Наречия не могут выступить в роли сказуемого.

Классификация наречий

Анализ материала березовского говора позволяет выделить два основных типа наречий — определительные и обстоятельственные.

По способу образования их условно делим на непроизводные и производные.

Определительные наречия

Определительные наречия делятся на качественные наречия, наречия способа и образа действия, количественные и наречия степени действия или состояния.

Качественные наречия

Качественными наречиями выражается оценка действия или качества предмета.

Сравнительно значительная группа качественных наречий в говоре образуется морфологическим способом. Среди них наиболее продуктивный — форма творительного падежа. Этим способом качественные наречия образуются преимущественно от имен прилагательных, например:

Прилагательное	Наречие
булдути 'гладкий'	булдутич 'гладко'
һинма 'быстрый'	һинмач 'быстро'
һонам 'длинный'	һонамач 'длинно'
кэн'эл'и 'плохой'	кэн'элич 'плохо'
абал 'мало'	абалач 'плохо'
ай 'хороший'	айич 'хорошо'

¹ Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 726.

эвэч 'веселый' эвэчич 'весело'
тэрэкэд 'ровные' (по объему) тэрэкэл'д'и 'поровну' и др.

К качественным наречиям относятся и такие слова, как эрэдэр 'всегда', аран 'еле', аран-аран 'еле-еле', онки 'навзничь', 'вверх лицом', эвэнки 'поперек' и др.

Этот разряд наречий образуется от притяжательных местоимений: мин 'мой' – мингичин 'как я, подобно мне', һин 'твой' – һингичин 'как ты, подобно тебе', ноңан 'он' – ноңангичин 'как он, подобно ему', мун 'наш (без вас)' – мунгичин 'как наш, подобно нашему', мут 'мы (с вами)' – муткичин 'как мы (с вами), подобно нам (с вами)', һун 'ваш' – һунгичин 'как ваш, подобно вашему', ноңартан 'они' – ноңартгичин 'как они, подобно им'.

Как видно, качественные наречия образованы от притяжательных местоимений от первых двух лиц единственного и множественного числа и от третьего лица личных местоимений.

Качественные наречия могут быть образованы и от указательных местоимений, например: эчин 'так, таким образом' (от указательного местоимения эр 'вот'), тачин 'так, таким образом' (от тар 'тот').

Наречия способа и образа действия

Этот разряд наречий показывает, как и каким образом совершается действие. Отвечает на вопросы он? 'как? каким образом?', һаң? 'чем? с помощью кого, чего?'.
Образуется от различных основ с помощью суффиксов. Основные из них в говоре следующие.

Суффикс -лтә/-лтә: дәлтә 'рядом', һэргилтә 'один под одним', есэлтә 'один на один', н'оҕалтә 'один впереди другого', баргилтә 'друг против друга', 'амаргилта 'друг за другом (ехать, идти), гуськом (двигаться), вереницей', бәкәлтә 'врозь, отдельно (друг от друга)'.
Эта группа наречий выражает пространственные ориентации действий.

Они с помощью суффикса -с образуются от глагольных основ: набдас 'так, что разорвался на клочья' (от набдәктай 'рвать в клочья'); чәлгәс 'так, что переломился' (о конечности, от чәлгәктәй 'сломать конечности'); кәңрәс 'поперек, пополам' (от кәңрәлдәй 'расколоть пополам, поперек, рассечь, разрубить'); гебәс 'так, что скрыться, погружаться под водой' (от гебәдәй 'тонуть, вязнуть, скрываться, заходить (о солнце) луне); н'обас 'до бела' (от н'обәлдай 'белеть о белых предметах'), һәчүс 'мучительно до усталости' (от һәттәй 'устать') и др.

Эта группа наречий выражает пространственные ориентации действий.

Они с помощью суффикса -с образуются от глагольных основ: набдас 'так, что разорвался на клочья' (от набдәктай 'рвать в клочья'); чәлгәс 'так, что переломился' (о конечности, от чәлгәктәй 'сломать конечности'); кәңрәс 'поперек, пополам' (от кәңрәлдәй 'расколоть пополам, поперек, рассечь, разрубить'); гебәс 'так, что скрыться, погружаться под водой' (от гебәдәй 'тонуть, вязнуть, скрываться, заходить (о солнце) луне); н'обас 'до бела' (от н'обәлдай 'белеть о белых предметах'), һәчүс 'мучительно до усталости' (от һәттәй 'устать') и др.

Это очень значительная по продуктивности группа наречий.

Способ действия обозначают наречия, образованные от имен посредством суффиксов творительного падежа -ч, -н, например: моч 'деревом, палкой' (от мө 'дерево'), тобарач 'топором' (от тобар

'топор'), гичах 'копьем' (от гич 'копье'), һалһан 'пешком' (от һалһан 'ступня, стопа'), оран 'на олене верхом' (от оран 'олень'), эвэчич 'весело' (от эвэч 'веселый'), эдлэч 'большой частью' (от эдлән 'большой'), бәкәлч 'отдельно' (от бәкәл 'отдельный') и др.

Посредством суффиксов -ч, -н наречия образа действия могут быть образованы и от некоторых глагольных основ: бадун 'верхом на олене, лошади' от глагола бадудай 'сесть верхом на оленя'; тивун 'оседло' от тивнидәй 'остановиться (о движении)'; һукәлән 'катясь кувырк' от һукәләнәй 'катиться кувырк'ом, кубарем' и др.

У таких наречий, как курән 'нарочно', эсэмәч 'вслепую, наугад', һидәч 'эря' и др., с точки зрения современного языка трудно найти основу.

Суффикс -пки образует наречия, обозначающие в большинстве случаев положение предметов в пространстве, например: иәлтәпки 'мимо', од'алки 'накрываясь, вкось', дәсчипки 'в лежащем положении', кумтәпки 'вниз крышкой, вверх дном', бәкчәлки 'ничком на животе, согнувшись', дәпки 'напротив' и др.

Наречия способа и образа действия образуются, кроме того, с помощью различных суффиксов, менее продуктивных, чем приведенные выше, например: ли: эрәли 'кругом', дулкали 'пополам' и др. Этот суффикс, видимо, генетически связан с суффиксом продольного падежа.

Непродуктивные суффиксы -лга, -к: д'улга 'вместе в одной яранге', эрәлэк 'вокруг'.

Количественные наречия, несмотря на малочисленность, разнообразны по своей семантике и происхождению: һо 'очень, весьма', абал 'мало', аран 'еле', аран-аран 'еле-еле', армақан 'едва-едва', бәкәл 'отдельно, порознь, врозь', тэрәкәлч и 'поровну', эңниә 'чересчур'. В качестве количественных наречий употребляются и числительные, например: д'әрәкән 'два раза', диңирәкән 'четыре раза'.

Наречия степени действия и состояния

Эти наречия обозначают степень проявления признака действия или состояния. В говоре имеется два способа выражения данного наречия. Во-первых, степень действия и состояния выражается суффиксально, например: энтәкәйә 'сильно' – энтәкәйәсукән 'чуть сильнее', абаләч 'мало' – абаләсукән 'маловато', аран 'еле' – армақан 'еле-еле', энтукун 'тихо, не сильно' – энтукукән 'тихонечко' и др.

Во-вторых, степень действия и состояния выражается лексически, например: д'уллә 'раньше', илһан 'очень, по-настоящему', һо 'очень', энтәкәйә 'сильно', энтукун 'тихо, не спеша', өмәкич 'чрезвычайно, совершенно', уқал 'уже', эвсәч 'очень' и др.

Кроме того, степень действия может выражаться и сложной формой, например: һидук-тә д'уллә 'раньше всех' (досл.: 'раньше кого-

нибудь'; йа́дук-та энтэкэйэ 'сильнее всех' (досл.: 'сильнее чего-либо') и др.

Как мы видели выше, степень действия и состояния может выражаться удвоением наречия (редупликация).

Обстоятельственные наречия

Наречия места обозначают пространственную характеристику действия (место совершения, направление), а также признак предмета по расположению по отношению к другому предмету:

Амáнни гё́нни: „Дáлила бэйэлбу этэ́нри бакра, төр тавгидала́н — мақ бид'ир“ 'Отец (его) говорит: „Поблизости людей не найдешь, только по той стороне земли они будут“' (фольк.); Илэ́ бисинрэ́-э, Дэбрэ́-э, тизк бй́ һақáнси һуксилун н'ивд'им. Эр, төллэ́ мов мо́лиддám-а... 'Где находишься ты, Дебрэ́ (имя собств.), съем я твою печенъ, пока не остыла. Вот, во дворе дрова собираю... ' (фольк.); ...Ирқáсáмнин өғэски тўсаңчин, амқáчáн һэйэлэ́н бэрэптэ́н 'Вскрикнув, прыгнул вверх и исчез на вершине горы'; Ақáнни диэски гирқáснин 'Старший брат его пошел вверх в гору' и др.

С точки зрения пространственной ориентации наречия места группируются по отношению к какому-либо предмету или говорящему, слушающему и тому, о ком говорится в предложении, например:

а) по отношению к горе: диэски 'вверх по горе', һэ́ски 'вниз по горе, к реке'; эйэки 'вниз по течению', һола́ки 'вверх по реке', һол'л'и 'по верховьям реки', эд'или 'по низовьям реки', һэрдэ́н 'на дне'. Это наречие употребляется по отношению ко всем водоемам: оқáт һэрлэ́н 'на дне реки', төңэр һэрлэ́н 'на дне озера', нам һэрлэ́н 'на дне моря', мө́ һэрлэ́н 'на дне воды; к яранге, дому': тө́лин 'наружу яранги (дома)', һалқáмчала́ 'на верхней крышке яранги', һалқáмчали́ 'по верхней крышке яранги', чө́рала́ 'на остова яранги', чө́рали́ 'по остова яранги', ирукáла́ 'на шесте остова яранги', ирукáли́ 'по шесту остова яранги' и др.;

б) по отношению к говорящему, слушающему и тому, о ком говорится: а́нгида́ 'правая сторона', д'э́гиндэ́ 'левая сторона', д'улдэ́лэ́ 'впереди', амáрдала́ 'сзади', өйдэлэ́н 'над ним'. Они употребляются во всех лицах и числах: а́нгидалáв 'справа от меня', а́нгидалáс 'справа от тебя', а́нгидалáн 'справа от него', а́нгидалáвун 'справа от нас (без вас)', а́нгидалáт 'справа от нас (с вами)', а́нгидалáсáн 'справа от вас', а́нгидалáтáн 'справа от них' и др.;

в) по отношению к другим предметам: дө́лáн 'внутри его', һэрдэ́лэ́н 'под чем-нибудь', өйдэлэ́н 'над чем-нибудь', дáлила́н 'около, поблизости от чего-нибудь, кого-нибудь' и др.;

г) для обозначения части пространства по отношению к предметам: өйгидэ́ 'верхнее пространство чего-нибудь', һэргидэ́ 'нижнее пространство чего-нибудь', амáргидá 'пространство сзади чего-нибудь', а́нгида́ 'пространство справа чего-нибудь', д'э́гингидэ́ 'про-

странство слева чего-нибудь', баргида́ 'пространство за чем-нибудь' и др.

По морфологической форме некоторые наречия места оформлены суффиксами локативных падежей. Но это застывшие формы. Несмотря на это, они сохранили основные функциональные значения.

Направительный падеж: эвэ́ски 'сюда', д'э́гэнтэ́ки 'налево', һола́ки 'вверх по реке', бугаски́ 'в лес', д'ула́пки 'вперед', һэссэ́ки '(сверху) вниз', а́нгидатки́ 'направо' и др. Многие наречия места принимают эту форму: о́йла́ 'сверху', но наречие өйла́ 'верху' принимает форму өвэ́ски 'верх, ввысь', тэгэ́лэ́ 'далеко', эвэ́нки 'поперек'. Наряду с этим некоторые наречия места выступают только в архаической форме направительного падежа: б́нки 'вверх лицом, навзничь', эйэ́ки 'вниз по течению', һола́ки 'вверх по течению' и др.

Исходный падеж: эвгич́ 'отсюда', д'э́гэнгич́ 'слева', һолгич́ 'с верховьев рек', өйгич́ 'сверху', төлгич́ 'снаружи', д'ула́гич́ 'спереди', буйгич́ 'из лесу', дө́гич́ 'изнутри', горгич́ 'издалека' и др.

Местный падеж: эвгилэ́ 'здесь', д'э́гэнгидэ́лэ́ 'влево, на левой стороне', һолла́ 'в верховьях', төллэ́ 'наружу', өйла́ 'вверх', буйла́ 'в лесу', дө́ла́ 'внутри', тэгэ́лэ́ 'далеко', д'э́гингидэ́лэ́ 'налево', эвгидэ́лэ́ 'на этой стороне', һэргилэ́ 'внизу' и др.

Продольный падеж: д'э́гингидэ́ли́ 'по левой стороне', һолли́ 'по верховьям рек', өйли́ 'поверху', буйли́ 'по лесу', амáрдали́ 'по задней стороне', һэргили́ 'по нижней части пространства', дáлили́ 'поблизости', а́нгидали́ 'по правой стороне', өйдэ́ли́ 'по верхнему пространству чего-либо' и др. Как и в других падежных формах, имеются исключения. Их довольно много по сравнению с другими падежными формами.

Дательный падеж: а́нгидаду́ 'направо', лө́ду́ 'внутри', д'э́гингидэ́ду́ 'налево' и др. Большинство наречий места в форме этого падежа оформляется лично-притяжательным суффиксом: өйдун́ 'наверху (его)', дáлидун́ 'поблизости (его)', һө́лидун́ 'на берегу (ее)', д'ула́дун́ 'впереди (его)', амáрдадун́ 'сзади (его)', дө́дун́ 'внутри (его)' и др.

Отложительный падеж: д'э́гингидэ́дуќ 'с левой стороны', эвгину́к 'отсюда', һолгич́ 'с верховьев', тө́лину́к 'снаружи', өйину́к 'сверху', буйину́к 'из лесу', д'у́лину́к 'спереди', дáлидун́ 'поблизости', баргичу́к 'с той стороны' и др.

В связи с тем что в говоре имеется единый способ выражения понятий места и времени по направленности, некоторые наречия места употребляются и как наречия времени. Они определяются только в контексте. Примеры:

(1) Горқáм бисид'и, Әйинд'э́ ақáнта́кий гё́нни... 'Спустя некоторое время Оиндя (имя собств.) сказал старшему брату...' (фольк.).

(2) Бэ́тэгё́нд'э́дук оқáтла́ истала́ горқáн бид'ин́ 'От местности Бетегёнди́ до реки было далеко́вато'; (3) Та́дуқ өри́ңчири́д'и, на́чалбу́ ити́эрин́ 'Затем заночевав, пошел проверять пасты'; (4) Та́дуқ

ока́тту́к эриклэ истала куриэв ъми ай 'Было бы хорошо сделать изгородь с той реки до этой (местности)'; (5) Тинив чйдалан йа́ми бардала, э́лэн һэ́йэлэн нинц́а́мқар улд́а́снэн 'Позавчера на вершине сопки на той стороне был слышен стон' (фольк.); (6) Тара́қ һэ́акитақайа чйдалан би́'эл'и ўчи́килби 'За этим (большим) деревом привяжи своих ездовых оленей'; (7) һэ́лургэн ойчи́ри мйр да́лилан э́мэннэй гё́нни, тие́ми би́ қо́қучаи э́мэрэ́лтэддём (фольк.) 'Богатырь сказал, что он придет к декабрю, поэтому точку (свое) копье'; (8) Эрэ́лэр урэкчэн да́лилан болги́қайала ди́книтэн 'Кочевники спрятались около горы в зарослях кедровника'.

В этих предложениях в первых парах (1), (3), (5), (7) соответственно слова горқам, тадуқ, чйдалан, да́лилан являются наречиями времени, а во вторых парах (2), (4), (6), (8) эти же слова являются наречиями места.

Следует отметить, что по говорам подобные пары не всегда могут совпадать. К.А. Новикова в ольском говоре приводит, например, следующие пары:

(1) Тиминақ амы́сқи мучу́ғим 'Завтра вернусь обратно'; (2) И́льнмээр анц́а́ну амы́ски кён́'элич биситэн 'Тридцать лет тому назад они плохо жили' (19, с. 124).

В описываемом говоре не говорят (2) анц́а́ну амы́ски, а употребляют выражение анц́а́ну чйдалан и т.д.

Наблюдается различие и в употреблении падежных форм, например: Нэ́ндыми, жу́ллэ орқақан тйбариван кё́йерым 'Когда шел, увидел, что впереди бежит оленчик' (букв. 'впереди увидел бегание оленчика') (19, с. 124).

В березовском говоре вместо слова жу́ллэ (19, с. 124) следовало бы употребить д'улдэлэв 'впереди меня' или д'улдэлэй 'впереди себя'. Также в описываемом говоре словоформа горла (местн.) выражает наречие места ('далеко'), а гору (вин.) – наречие времени ('долго'), амарла (местн.) выражает наречие времени ('позже, потом'), а слово амаски (направит.) – наречие времени ('назад') и др.

Чтобы ярче увидеть указанные нюансы в оттенках, сгруппируем некоторые из них по основам:

гор 'долго': Но́цан һу́кту́нэчэн гор ъ́днн 'Прошло много времени с тех пор, как он уехал учиться'; гору 'долго': Но́цан гору бэ́риптэн 'Он надолго потерялся';

горла 'далеко': орар горла һу́рритан 'Олени ушли далеко'; горинук 'издали': Д'э́сэчэн горину́к ичун 'Десэчэн (название горы) виден издали'; горгич 'издалека': Э́кэңэ горгич дэ́гсин 'Гагара прилетела издалека'; гортáки 'вдаль', 'далеко': Тимин мээ́лри́д'и, гё́нни асатканта́кий: 'Көкэд'ил'димдэ́сэл бисэ́п, тиминн һи́ гортáки тёр-тэ́ки ду́грэңи́ри' 'Встав утром, говорит дочери: „Будто умирать начинаем, завтра ты отправляйся в далекие края в поисках мужа“ (фольк.)' и др.

Каждое наречие места (времени) может менять свое значение в зависимости от контекста.

В целом из этого краткого ознакомления с наречиями места видно, что основная часть их представляет собой застывшие формы направительного, исходного, местного, продольного, дательного и отложительного падежей некоторых существительных пространственного значения и указательных местоимений тар 'тот', эр 'этот'. Наречия места в говоре не имеют именительного, а также неолокативных падежей. Они в силу своих специфических значений не имеют форм множественного числа, кроме образованных из указательных местоимений.

Наречия времени

Это морфологически разнородная группа, указывающая на временную характеристику действия. Отвечают на вопрос ёк? 'когда?' и в предложении выступают в функции обстоятельства времени.

С точки зрения семантической к наречиям времени можно отнести следующие слова: тй́тэл 'прежде, давно', тй́тэл-тй́тэл 'давным-давно', э́рэ́р 'всегда', ө́тэрэ́птук 'издавна', ё́қ-тэ́-тит 'когда угодно, постоянно', тара́қам 'тогда', һа́лун 'иногда', тие́к 'теперь, сейчас', ө́р'ө́рэй 'недавно', нонáптукун 'сначала' тарқанду 'в то время', э́симэ 'после' и др.

К наречиям времени относятся и тематические группы слов, например слова, связанные с названием времен года: ту́зэ́ниду 'зимой' от ту́зэ́ни 'зима', нэ́лкэ́ 'ранней весной' от нэ́лкэн'и 'ранняя весна', нэ́рэн'и 'поздней весной' от нэ́рэн 'поздняя весна', д'у́дэ́н'иду 'летом' от д'у́дэ́ни 'лето', мө́нтэлсэ́ 'ранней осенью' от мө́нтэлсэ́ 'ранняя осень', болониду́ 'поздней осенью' от болонн 'поздняя осень'.

Интересно отметить, что в говоре наречия времени в этом цикле совпадают с основой существительных, обозначающих времена года только в двух случаях, – раннюю стадию весны и осени (нэ́рэн'и, мө́нтэлсэ́).

Существительное анц́а́н 'год' в сочетании с послелогом чептэ́рэ 'в течение' выполняет функцию наречия времени: Тара́в а́сив анц́а́нн чептэ́рэ а́латтитан... (фольк.) 'Ту женщину ждали в течение года (круглый год)'.

Наречия могут быть выражены названиями месяцев: в березовском говоре параллельно существуют две системы исчисления месяцев: 1) древняя система исчисления месяцев, которую знают сейчас только люди старшего поколения, 2) русские названия месяцев.

Древняя система исчисления месяцев:

- 1 – ту́зэ́ни һэ́йэн 'макушка зимы',
- 2 – э́ври мйр 'спускающееся (левое) плечо',
- 3 – э́ври изэ́н 'спускающийся (левый) локоть',
- 4 – э́ври билэн 'спускающееся левое запястье',

- 5 - эври унмă 'спускающаяся (левая) тыльная поверхность руки',
- 6 - эври осты (һоғар) 'спускающийся ноготь (когти)',
- 7 - д'угани һэйэн 'макушка лета',
- 8 - ойчири остă (һоғар) 'подымающийся ноготь (когти)',
- 9 - ойчири унмă 'подымающаяся (правая) тыльная поверхность руки',
- 10 - ойчири бйлэн 'подымающееся (правое) запястье',
- 11 - ойчири изчэн 'подымающийся (правый) локоть',
- 12 - ойчири мйр 'подымающееся (правое) плечо'.

Эти названия месяцев выступают в предложениях обстоятельством времени, выражая время совершения действия. Поэтому они, вслед за В.И. Цинциус (33, с. 228), нами включаются в наречие времени. К наречиям времени могут быть отнесены и словосочетания излътэнчэ бэагла 'в прошлом месяце', д'улдэ бэагла 'в будущем месяце', эрэк бэагла 'в этом месяце', ңэнэдлэ бэагла 'в проходящем месяце' и др.

Наречия, выражаемые словами, обозначающими дни: инэңнэ 'в день', эрэв инэңу 'сегодня' (досл. 'в этот день'), излътэнчэ инэңнэ 'вчера' (досл. 'в прошедшем дне'), инэңу чөптэрэ 'целый день' (досл. 'непрерывно, в продолжении дня'), чағду инэңду 'позавчера' (досл. 'дальше дня'), чағу инэңу 'послезавтра' (досл. 'дальше день'), илитан инэңнэ 'на третий день' и т.д.; тинив 'вчера', тинив чйдалан 'позавчера' (досл. 'вчера дальше, за вчера'), тинив чағду 'на третий день' (досл. 'вчера дальше, за вчера'); тимина 'назавтра', тиминаң 'завтра', тимина чйдалан 'послезавтра' (досл. 'завтра дальше'), тимин 'назавтра'.

Наречия, выражаемые словами, обозначающими части суток: бадикар 'утром', н'элтэн һирэкэн 'когда солнце взойдет', инэң дулуңдулан 'в полдень' (досл. 'в середине дня'), һисэчин 'вечером', н'элтэн гебэрэкэн 'когда солнце зайдет' (досл. 'если солнце не утонет'), долбă 'ночью', долбă дулуңдулан 'в середине ночи', долбăв чөптэрэ 'всю ночь', инэң гадлан 'полдня' и др.

К наречиям времени могут быть отнесены словосочетания: йний чөптэрэ, бисий чөптэрэ 'всю жизнь, в течение всей жизни, в век', эрэклэ истала 'до сих пор', өмнэкэн 'однажды', ңэрлэддэкэн 'когда рассветало', һатараладдăкэн 'когда темнело', геағану 'в прошлом году', уқал 'уже', туғанив эвгидэлэн 'до зимы', һэбд'экэд'эк эвгидэлэн 'до праздников' и т.д.

Как видно, наречия времени не имеют единого морфологического показателя. Они выражаются различными способами. Наиболее характерными являются:

- а) словосочетания (эври мйр 'спускающееся плечо - февраль', тимина чйдалан 'послезавтра', мөнтэлсэ ноняллан 'в начале ранней осени' и др.);
- б) падежные формы имен: туғаниду 'зимой' (существительное туғани 'зима' в дательном падеже);
- в) чистые основы, от которых могут быть образованы, например, существительные, прилагательные и глаголы: нэлкэ (наречие) 'вес-

ной' - нэлкэн'и (существительное) 'весна (ранняя)' - нэлкэстэй 'провести (где-нибудь) раннюю весну' и др.

Отметим, что имена времени, совпадая семантически с наречиями, морфологически могут не всегда совпадать, например: инэңу - 'день' (имя времени), инэңу 'дня', инэңду 'дню' - наречия времени и т.д.

Наречия причины и цели

Они указывают на причину и цель действия. Граница между этими семантическими группами обстоятельственных наречий, как и иногда у наречий места и времени, стирается. К наречиям причины и цели относим слова: тэми (тиэми) 'поэтому, следовательно', йами 'почему, зачем', тарич 'итак, поэтому', курэн 'нарочно', һбтами 'по ошибке', тачин-н'ун 'так просто', омјами 'по забывчивости' и др.

Роль наречий причины выражают и некоторые деепричастия, например: һиралрид'и 'сгоряча, рассердившись', бал'ирид'и 'сослепу, став незрячим', эникэн айавра 'не любя, поневоле' и др. Примеры:

Этикэн, тэлидникэн, бутэнилрин, тиэми кэвэлэйи-дэ туркун ирас-на 'Старик заболел, когда рыбачил, поэтому даже не мог вытащить рыболовную морду'; Эрики курэн' гёни, ён эрреттун ичикэс-ду гаймăччил, тйар тэгэлэ өкрэ н'бблран, тадук булдутидук гай-маттаур 'Лягушка говорит нарочно: „как мы в таких зарослях шиповника обменяемся (одеждами), вон там дальше белеет поле, там на ровном месте и обменяемся“ (фольк.); Тарак бэйкэйи һбта-ми гидий бичэдун һирқаи гача... 'Тот человек по ошибке вместо конья взял нож (свой)'; Ақантан, һиралрид'и, гёни: „Әйинд'эв һэакитақайала ён'элрэ эдэн тачимур н'экрэ" (фольк.): 'Старший брат их, рассердившись, сказал: „Привяжите Оиндяв (имя собств.) к большому дереву, чтоб больше он такое не делал" и др.

Эта группа наречий очень немногочисленна.

Словообразование наречий

Как мы видели выше, многие наречия являются морфологически членимыми и корневые части соотносятся с другими частями речи. Это объясняется, видимо, процессом адвербиализации слов, принадлежащих к другим частям речи. Например, от существительных образованы такие наречия, как эйэки 'вниз по течению' от эйэ 'течение', һолаки 'сверху по реке' от һола 'верховья реки', һақач һигдэй 'снять шкуру целиком (не разрезая)' от һақ 'тупик (закупоренный со всех сторон)', ейдэлэ 'наверху' от ейдэ 'поверхность' и др.

У некоторой части наречий не так отчетливо можно выделить основу. В современном языке такие основы не существуют, их можно восстановить только в результате этимологического анализа. К ним относятся такие наречия, как чăски 'далше, далее' (чă-/чăк 'дальняя сторона'), төллэ 'наружу' (төлин 'наружная сторона'), бассаки 'на ту сторону (реки)' (*бас <барда 'противоположная сторона'), тачин 'так' (*та- <тар 'то, тот'), эчин 'вот так' (*э- <эр 'этот') и др.

Есть и другая группа наречий, морфологическая структура которых неясна с точки зрения современного эвенского языка, например: извэсэи 'абсолютно, исключительно', укъл 'уже', арэн 'еле', тинив 'вчера', тизк 'сейчас', номон 'сначала', эсимэ 'потом', ёр 'прежний' и др.

Даже небольшое сказанное говорит о том, что процесс адвербиализации других частей был длительным и неоднозначным. „Вокруг сложившегося ядра наречий, процесс обособления которых в особую часть речи начался уже давно, — писала В.И. Цинциус, — группируются новые наречия, которые менее отчетливо выделяются по своим морфологическим свойствам и которые, принимая во внимание особенности агглютинативно-суффиксального строя языка, могут долго еще сохранить живые связи с другими частями речи“ (28, с. 222). Эти мысли В.И. Цинциус можно полностью отнести и к фактам березовского говора.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

К служебным словам относятся особые группы слов, которые в предложении не имеют самостоятельного значения. Они используются для выражения различных грамматических значений, дополнительных смысловых оттенков отдельных слов, словосочетаний или предложения в целом. Служебные слова не употребляются самостоятельно и не обладают семантической самостоятельностью.

Служебные слова березовского говора, по-видимому, исторически произошли от корней знаменательных слов. У некоторых послелогов это очевидно, а в некоторых словах это может быть установлено в результате сравнительно-исторического анализа. Ни по смысловым, ни по синтаксическим признакам служебные слова не представляют единства. Служебные слова отличаются друг от друга также и по той роли, которую они играют в образовании морфологической структуры знаменательных слов.

В связи с их грамматической ролью в предложении в березовском говоре можно выделить следующие разряды служебных слов.

Послелогои

Как и в других говорах эвенского языка, в березовском говоре имеется система постпозитивных служебных слов, называемых обычно послелогоми. „В названии этой категории определяется ее роль в речи, — писала В.И. Цинциус, — как с точки зрения синтаксической — нахождение в предложении после «слова» — имени, так и с точки зрения роли послелогов как слов, несущих служебную функцию обозначения грамматических отношений между предметами по аналогии, например, с русскими предлогами“ (33, с. 232). В этом определении суммированы основные признаки послелогов. По их значению и морфологическим особенностям послелогои березовского говора можно разделить на следующие группы.

1. Собственно послелогои. Это особые служебные слова, которые изолировались от наречий и имен и остались только в роли послелогов. Их немного:

Һэ, һэлэн 'напротив, (чего-либо)'; һумдэлэ 'в течение (какого-то времени)'; чй- чйлан 'с задней стороны'. Есть синоним амардалан 'сзади, позади', но он от существительного амърда 'зад, задняя сторона'; д'уулин 'о (ком), о (чем), про, об'; д'уурдун 'за (что-нибудь), ради (чего-нибудь)', истала 'до (чего-нибудь), до какого-нибудь времени', чөптэрэ 'в течение какого-нибудь времени'. Примеры:

Нэлтэккэһэ һэлэн иссақан, кизкэн йсни 'Когда он дошел, напротив большого дерева, вывороченного с корнем, послышался свист'; Н'ууһэ дойбанув һумдэлэ ноһман алаттин 'Нюнуя (имя собств.) ждал его всю ночь' (досл. 'в течение ночи'); Оинд'э н'уука чйлан мириксэн 'Оиндя (имя собств.) пополз с задней стороны утеса'; Оарбу Таякчандула йстала илбэритэн 'Оленей пригнали до Таякчана'; Эред'ин титэрэл бини д'уулин укчэрин 'Рядин рассказал о прошлой жизни'.

С точки зрения исторического развития языка эти послеложные слова восходят все к знаменательным словам.

2. Наречные послелогои. В говоре широко употребляются наречия образа действия в роли послелогов, т.е. в конкретных предложениях они выступают только как послелогои. К ним относятся такие слова, которые выполняют двойную роль, совмещают в себе функции послелога и наречия: дэпки 'напротив', эрэли 'вокруг', эвэнки 'поперек', табдас 'сквозь, насквозь', кэһрэс 'через', һонапки 'вдоль', д'ууэлки 'вперед, впереди' и др. Примеры:

Ноһан н'ан чукчачан олбанид'и, наму кэһрэс дэгэлрэн (фольк.) 'Затем он, превратившись в птичку, полетел через море'; Биракчам эвэнки мукучэв нэли 'Поперек ручья положи бревно'; Дэбрэ һэлургэн уд'д'он дэпки кууаһон мугдэкэндулэ тэгукэнин (фольк.) 'Дэбрэ (имя собств.) посадил на пень ребенка богатыря напротив его следа'; Көкэчэв наһату эрэли н'оһчакал уд'итан һойа бисин 'Вокруг убитого медведя было много следов волков'; Болгикаһ таб-

дас йāk-та экич иттэ бисин 'Сквозь заросли кедровника ничего нельзя было увидеть'; Бү һисэчин дәмүзв д'әңики йāk-та мунтэки эмәддивэн иттивун 'Вечером мы заметили, что вдоль берега кто-то шел к нам' и др.

Характерным для послелогов является его постпозиция в отношении к знаменательному слову в отличие от наречий, которые всегда примыкают только к глаголу.

3. Отыменные послелогов. Сюда относятся послелогов, образованные от имен пространственного значения. По своему происхождению эти имена относились, видимо, к частям предметов, различным его сторонам. Такими предметами являются горы, реки, т.е. водные преграды, жилища, яранги и т.д., а также слова пространственного значения, ориентированные по отношению к говорящему. В процессе исторического развития языка это деление не сохранилось без изменения, но в основном в березовском говоре это отчетливо прослеживается на примере некоторых послелогов. Послелогов, показывающие пространственные ориентации по отношению к субъекту, говорящему, следующие:

аңгидадун 'справа', аңгидаткин 'направо', аңгидалан 'справа, на правой стороне', аңгидалин 'справа, по правой стороне', аңгидадукун 'справа, с правой (его) стороны', аңгидәгид'ин 'с правой (его) стороны, справа';

д'әңдәдун 'слева, на левой стороне', д'әңдәткин 'к левой (его стороне)', д'әңдәлән 'на левой его стороне, налево'; д'әңдәли 'по левую (его) сторону', д'әңдәдукун 'от (его) левой стороны', д'әңдәгид'ин 'с (его) левой стороны', д'уладәдун 'впереди (его)', д'уладәткин 'к (его) передней стороне, вперед', д'уладәлән 'на передней стороне, впереди', д'уладәли 'перед передней стороной', д'уладәдукун 'с передней стороны, спереди', д'уладәгид'ин 'из передней (его) стороны, спереди';

амәрдадун 'на задней стороне (его), сзади'; амәрдаткин 'к задней стороне (его), назад', амәрдалан 'на задней стороне (его), позади (его)', амәрдалин 'по задней стороне (его), позади (его)', амәрдадукун 'сзади (его)', амәрдагид'ин 'с задней стороны (его), сзади'. Сюда же могут быть отнесены и такие послелогов, как әйдәлән 'над ним', һәрәлән 'под ними', однако с точки зрения современного языка их следует относить к пространственным понятиям по отношению к другим предметам, например к горе, яранге и т.д. Вышеуказанные послелогов нами переведены с добавлением слова 'сторона', и это соответствует их смысловому содержанию. Примерно так же по-русски переводятся эти же послелогов, оформленные суффиксом -гидә/-гидә, например, амәргидалин 'по задней стороне'. Разница в том, что в последнем случае имеется в виду не просто сторона, а целое пространство по той или иной стороне, указанной основой слова.

Отыменные послелогов, относящиеся к горе или возвышенной местности. Сюда относятся все те послелогов, которые включены в первый раздел. Есть и свои специфичные послелогов такие, как:

диәйдәдун 'вверху на горе (место действия)'; 'в верхней стороне горы', диәйдәткин 'вверх в гору', диәйдәлән 'вверху на горе (место нахождения)', диәйдәли 'по верхней стороне горы, вверху по горе', диәйдәдукун 'сверху с горы, с верхней стороны горы', диәйдәгид'ин 'с верхней стороны горы, сверху с горы';

нийдәдун 'внизу под горой, в нижней стороне горы, внизу под горой (места действия)'; нийдәткин 'вниз под гору', нийдәлән 'внизу под горой, на нижней стороне горы (местонахождение)'; нийдәли 'по нижней стороне горы, вниз под горой', нийдәдукун 'с нижней стороны горы, снизу под горой', нийдәгид'ин 'в направлении нижней стороны горы, снизу под горой'.

Кроме того, сюда могут быть отнесены такие послелогов, как чйададун 'за чем-нибудь', амкәчан чйададун 'за горой', 'позади горы (сопки)', чйадаткин, аңчиндун 'около чего-нибудь', дәлидун 'по близости к чему-нибудь' и др.

Отыменные послелогов, относящиеся к жилищу. К ним относим такие послелогов: телдәдун 'снаружи', телдәткин 'наружу, в направлении изнутри в наружу', телдәлән 'снаружи, на наружной стороне', телдәли 'по наружной стороне', телдәдукун 'с наружной стороны, снаружи', телдәгид'ин 'из наружной стороны, снаружи';

дәбун 'внутри', дәбкин 'внутри', дәбан 'внутри (место нахождения)'; дәблин 'по внутренней стороне, внутри'; дәбдукун 'изнутри', дәбгид'ин 'изнутри', һиткидун 'у яранги, юрты'.

В эту группу послелогов входят и другие разряды их, не предназначенные специально только к жилищам. В свою очередь эти послелогов имеют тенденцию быть использованными по отношению к другим предметам. Есть и послелогов, относящиеся к рекам, водоемам, например: һолдадун 'в верховьях реки'; һолдаткин 'в сторону верховьев реки', һолдалан 'в верховьях реки (местонахождение)', һолдалин 'по местности в верховьях реки, по верховьям реки', һолдадукун 'с верховьев рек', һолдагид'ин 'с верховьев рек, по направлению с верховьев рек';

бардадун 'на противоположной стороне', бардаткин 'на противоположную сторону', бардалан 'по противоположной стороне', бардалин 'по противоположной стороне', бардадукун 'с противоположной стороны', бардагид'ин 'по направлению с противоположной стороны';

әд'гидәдун 'в низовьях реки', әд'гидәткин 'вниз по реке', әд'гидәлән 'в низовьях реки', әд'гидәли 'по низовьям рек'; әд'гидәдукун 'с низовьев рек', әд'гидәгид'ин 'с низовьев рек'.

Следующую группу составляют послелогов, не относящиеся конкретно к какому-нибудь предмету. Они совмещают функцию послелогов и именных форм и уточняют пространственную характеристику предметов. К ним относятся:

эвгидәдун 'на этой стороне, с этого времени'; эвгидәткин 'в направлении на эту сторону', эвгидәлән 'на этой стороне, с тех пор', эвгидәли 'по этой стороне', эвгидәдукун 'с этой стороны, с той поры', эвгидәгид'ин 'с этой стороны'. Общая основа у них - эвгидә 'эта сторона';

өйдэдун 'на поверхности чего-либо, сверху', өйдэткин 'над чем-нибудь, вверх', өйдэлэн 'наверху, вверх', өйдэлин 'по верху чего-либо, над верхним пространством чего-либо', өйдэдукун 'с поверхности чего-нибудь, сверху', һәрдэдун 'на нижней части, под чем-нибудь, внизу'; һәрдэткин 'к нижней части чего-нибудь, вниз'; һәрдэлэн 'на нижней части чего-нибудь, под чем-нибудь, внизу', һәрдэлин 'по нижней стороне чего-нибудь, понизу'; һәрдэдукун 'снизу, на нижней части чего-нибудь', һәрдэгид'ин 'снизу, с нижней стороны чего-нибудь';

дәлидун 'вблизи чего-нибудь', дәлиткин 'в направлении до близости чего-нибудь', дәлилэн 'рядом с чем-нибудь, недалеко от чего-нибудь', дәлилин 'по пространству около чего-нибудь', дәлидун 'с близкого расстояния от чего-нибудь, близости', дәлигид'ин 'со стороны близкого расстояния от чего-нибудь, близости';

элгэдүтэн 'между чем- или кем-нибудь', Элгэлэтэн 'в середине, в промежутке между кем- или чем-нибудь', Элгэлитэн 'по промежутку между кем- или чем-нибудь' и т.д.

В целом в говоре послелого характеризуются тем, что одни из них принимают падежные и притяжательные суффиксы (это имена, употребляемые в роли послелогов), другие — неизменяемые послелого. Последние в основном нами выделены как собственно послелого. Все эти послелого употребляют и в других говорах, отличие заключается лишь в нюансах значений отдельных послелогов и их употреблении.

ЧАСТИЦЫ

Березовский говор богат разнообразными частицами, которые выражают смысловые и модально-экспрессивные оттенки слов и предложений, а также участвуют в образовании некоторых слов и форм слов. Частицы не имеют самостоятельного полнозначного лексического значения. В связи с этим они не могут выступать в качестве отдельного члена предложения. Частицы представляют собою во всех отношениях менее тесное единство, чем союзы и даже образные слова. Как служебные слова они очень сближаются с суффиксами, и некоторые частицы даже имеют фонетические варианты. В зависимости от контекста большинство частиц могут иметь два или несколько значений. В данной работе мы касаемся лишь наиболее употребительных частиц в их основном значении.

По их основным функциям частицы березовского говора можно было бы классифицировать следующим образом: а) частицы, выражающие общие смысловые оттенки значений слов, б) частицы, выражающие модально-экспрессивные значения.

К первой группе относятся следующие частицы:

Уточнительные: -тә/-тә, -к-чи, -мак/-мак 'как раз, точно, именно': Таракам-тә ноңан пәктәрәвунни адман долдәритән 'Как раз тогда они услышали его выстрел'; Илилә-тә инәңне мут һә һәйав

буйум бакрит 'Именно на третий же день мы убили много диких оленей'; Амәйси тачин-к-чи гөһин 'Отец твой точно сказал'.

Выделительно-ограничительные: -тәкән/-тәкән, -тәкән/-тәкән, -мәкән/-мәкән 'только, лишь, же, лишь только': Эн'ә-ә, йәч-мәкән амәнтәрәм? Эн'инни гөһин: 'Пимәчивунд'ад'ур амәнтәри' (фольк.) 'Мама, кто именно является моим отцом (досл.: 'что именно служит моим отцом'). Мать (его) сказала: 'Твоим отцом является доска для крошения мяса, сделанная из рога барана'; Тацук кей-әттәкән, итән әйду инәули, ин'әңрәкән итән-тәкән нәбәлрин 'Когда посмотрел оттуда, лицо (его) было покрыто шерстью, когда смеялся, только зубы блестящие (фольк.)'; Аңани Әйинд'әтки гөһин: 'Д'әбәңәт манудни, нисә-тәкән әмәптән' 'Старший брат говорит Оинде (имя собств.): 'Еда кончается, остался только один жир'.

Соединительные: -да/-дә, -та/-тә 'тоже': Нинкәт нәкиләрәкән ариңда-да нәкиләрин 'Когда Нинкәт стрелял из лука, черт тоже стрелял' (фольк.). Эта частица имеет несколько значений в зависимости от того, к какой части речи относится. С именами она является и сочинительным союзом, а с наречием и прилагательными — противительным союзом: Эрәк оран көчүкән-дә бими, һә әңи, 'Этот олень хоть маленький, но очень сильный'; Ноңан әнтәкәй-дә бүтәни, һинмач ай одан 'Он хоть сильно болел, но быстро поправился'.

В отрицательных предложениях эти частицы усиливают отрицание, например: Үтәңдүләңи-дә, йәк-та аңча бисин 'В юрте не было никого и ничего'.

Неопределенные: -ул/-вул, -уч-та 'ли, или, либо': Әйинд'ә гөһин: 'Итми, йәк-ул бидән, һуличан-ул, әгд'әтәв-ул, буйун-ул, һәкүт ил-бид'им' 'Оиндә говорит: 'Если встречу кого-нибудь, пусть даже лисицу (какую-нибудь), лося (какого-нибудь), дикого оленя (какого-нибудь), подряд пригоню' (фольк.)'; Д'ә, көкәннәт бәни, би-уч-та чйлими ай бимчи 'Вот беда (досл.: 'смерть пришла'), как-нибудь надо выкрутиться'.

Условные: -вусин/-усин хотя бы: Қағанкән гөһин: 'Әйдувән һәрүд'ир, тарав-усин әмәңкәтән ай бимчи' 'Старик говорит: 'Все заберут, хотя бы того (ребенка) оставили'.

Частицы, выражающие модально-экспрессивные оттенки значения

Восклицательные -кка/-ккә 'как же, что же, же': Йәми-кка би эрәв әтәрәптук әчу һәр 'Как же я этого раньше не знал'; Йә-ккә эрәв әмүрәс 'Ты же принес это'.

Утвердительные: -нуқан/-нуқән 'конечно': Әмәрдүкән ул'гимин: 'Бүдиқайав бәд ис-ку?' — 'Бәд ип-нуқән, бәд'ип-нуқән', — барақар ноңартан 'Омордукан (имя собств.) спросил: 'Дадите ли этого пестрого (оленья)?' — 'Дадим, конечно, дадим, конечно', — ответили они'.

Вопросительные: -ә, -и, 'ли, разве', -гу/-ку. Частица -гу/-ку, присоединяясь к глаголу-сказуемому, превращает его в вопросительный глагол:

- Һәтту һәпкәнд'инри.
- Куқатму этән насар-а?
- Схватись за тальник.
- Не порву ли рукавицу?;

Буйун-да уречин ондат-та бивэт-тин-и? 'Разве маншик бывает похож на дикого оленя?'; Амәнси тими́на һөрд'ин-гу, этән-гу? 'Поедет ли отец твой завтра или нет?'; Бү мун асатқауун д'ора-мәтлауур амаски бөд'ис-ку, бөйд'ур-гу көкәмсис? 'Вы дадите ли увиденную вами нашу девушку, или желаете сами умереть?'.
Усилительные: -да-тит/-та-тит; -а-си/-э-си; -уч-та; -т-та/-та/ат; -о/-э; -си; -ман; -дмәр; -н'ан/-н'ән; -ккәнэ/-ккә; -ақ/-әк и др.: Тала нәүритән, йақ-та-тит ачча бисин, төр-тәкән он-уч-та бәча (фольк.) 'Они пошли туда, ничего не было, только местность как-то по-другому выглядела'; 'Он-а-си нәкчил, - гөһни ақани, - йаңат-та ачча' 'Что же будем делать, - сказал старший брат (его), - ничего у нас нет'; Эр-э, йақав-о-о? Көйәтти-ә!... 'Вот он вот, что это? Посмотри-ка!'; Эрәләр мәчалбур һигрид'ур, таду-т-та әлбәкәлбур тулритән 'Кочевники, разделив свою добычу, тут же поставили (свои) палатки'; Ил'л'и-си, йақ-ман дәсчинри, өрәләр йаду-ут-та әмрә (фольк.) 'Вставай же, что же ты лежишь, откуда-то кочевники (чужие) пришли'; Мәтал-а, баргағайала, илкәлдә-сән-дәвур-э-сил гөнәм, н'әлрәлрә-ә! (фольк.) 'Богатыри чужие, говорю: давайте же бороться (досл. 'взаимно делать метки'), выходите-ка (сейчас же)'; 'Луқләсли-си', - гөһни эн'инни, ул'гимирә-кән 'Спи же', - сказала мать, когда (он) спросил'; 'Линмач-ақ, һинмач-ақ, куңал-а-а', - этикән һәлиңчивкәнни һурәлби 'Быстро же, быстрее, дети', - старик торопил своих сыновей' и т.д.

Все частицы постпозитивны по отношению к слову и составляют с ним единое лексическое целое. Во всех случаях состав гласных частиц по закону гармонии звуков уподобляется гласным основного слова. Даже беглый, далеко не достаточный обзор частиц показывает, что березовский говор намного богаче частицами, чем другие говоры эвенского языка (3; 14; 15; 18).

Выражение союзов

В эвенском языке вообще и в исследованных говорах отмечается немногочисленность союзов (3, с. 44; 33, с. 237-238; 35, с. 76б; 19, с. 129; 15, с. 129). В березовском говоре в основном слова в предложении и части сложного предложения связываются общей конструкцией предложения, а также с помощью служебных слов, употребляемых в роли союзов. В некоторой степени трудно утверждать, что имеются "чистые" союзы, т.е. служебные слова, употребляющиеся только в роли союзов. Притом эти наречные и местоименные слова, употребляющиеся в роли союзов, сами по себе в контексте могут иметь другие значения. Даже выполняя функцию союзов, одно и то же слово может показывать иногда сочинительную, иногда подчинительную связь.

В роли соединительных союзов может в большинстве случаев употребляться н'ән (наречие) 'опять, еще': Өмәлдүкән д'айуттилай нуналай иссан, нәкләсчилрәкән, һәгдәррән, н'ән һөнтәлә нуналай мәлуңчин 'Өмәлдүкән (имя собств.) дошел до лука, который спрятал, когда пытался стрелять; порвалась (тетива), и он кинулся к другому луку (фольк.)'.

Наречие н'ән 'опять' принимает иногда значение частицы, например: Тимин һөрритән нән'ун д'өрид'ур, н'ән-да эрики һәткә-чид'илрән 'На следующий день поехали с младшим братом вдвоем (на пару с женами), и 'опять' лягушка стала падать'.

Частица -да/-дә нередко может выполнять роль соединительного союза 'и', например: Дәлила һинал гогантан, бәил-дә дилгантан йсни 'Вблизи был слышен лай собак и голоса людей'.

Не часто, но в этой же роли может употребляться наречие та-дук 'откуда потом', например: Мико д'улай йрид'и, д'әбәснән, тадук, тоғу эникән һивәр һукләрин 'Копя зашел в (свой) дом, поел и, не погасив свет, лег спать' и др.

В роли противительных союзов могут употребляться наречия тарма 'в то же время', н'ән 'опять' и частицы -си/-э-си; -дмәр/-дмә, -мә и др., например: Куңақайақан тартаки пәктәрәсчилрән, тарма һәләрприн 'Ребенок хотел было стрелять в ту сторону, но побоялся'; Ноңартан кәамив бақритән, тала нүдлитән, тарав д'әб-дәвур, н'ән би һукләрәкәтән элә әмрив (фольк.) 'Они нашли мамонта, откочевали туда, чтоб есть, а я, когда они легли спать, приехал сюда (фольк.)'; Бирақчан чидалан исәг бисин, тарак-а-си чидалан амқачан ичулрән 'За рекой был лес, а за ним виднелась сопка'; Нинқат нән'уми буйунеритән, Чипони-дәмәр д'улай әмәптин. 'Нинқат (имя собств.) с младшим братом поехали охотиться на дикого оленя, а Чипони (имя собств.) осталась дома (фольк.)'; Д'э һөрәниәтән одни, эрәв-мә инәңу Киророт бутәнәлрән (фольк.) 'Вот настал день отъезда, но в этот же день заболел Киророт (имя собств.)' и др.

В роли подчинительных союзов используются наречия тадук 'оттуда, после, потом', таракәм 'тогда, в ту пору, в то время', тарбач 'но, однако, тогда', төми-төми 'потому что' и др.: Атиқан, усилби тумрид'и, уркәли төмтәс усиңдән, тадук һуркән, үңиқалби гәлнәдәйә н'өрид'и, көйәттәкән, йәми әйду һәпкәнчәл иләтта (фольк.) 'Старуха, замотав веревки, кинула сквозь двери; потом, когда парень вышел ловить верховых (своих) оленей и посмотрел, - все стояли пойманные'; Әсиду эрәк биңи әдәлән бд, өмнәкән муттул әрән бутәнәкән одни, таракәм әрән бәсдәчимкән төндүк ачча бисин 'Давно, когда еще не было этой жизни, однажды у нас была эпидемия у оленей, тогда вообще не было ветеринаров'; Эрәв квартал пламан он-да-тит милтәрәмкәми ай бимчи, тарбач бәйәңәт абалчин 'Хорошо было бы, чтоб во что бы то ни стало был выполнен план этого квартала, однако людей у нас не хватает'; Тинив гөһис: бәй-ду һөтүсәмрив, тарбач тарақ бәйәңәс илә? 'Вчера говорила: уведена ты человеком, а где этот твой человек?'; Бурқан амәһни, ақән-ни-да әрән-арән йнил биситән, төми Бурқан ноңарбутан тәрукәтән

(фольк.) «Отец и старший брат Буркана (имя собств.) были еле-еле живы, поэтому она ухаживала за ними и др.

Судя по материалам, в данном говоре союзы не могут быть выделены как самостоятельная часть речи.

Междометия

Междометия (3, с. 44-45; 33, с. 238-239; 18, с. 130-131; 14, с. 102-103; 15, с. 122-124) березовского говора представляют собой довольно многочисленную группу служебных слов, которые непосредственно выражают (но не называют) различные чувства, переживания, радость, волеизъявления. Они употребляются для кратчайшего выражения реакции человека на сообщаемое или увиденное. Они не имеют номинативной функции, поэтому не имеют форм словообразования и словоизменения как знаменательные слова. Междометие не связывается синтаксически с другими словами в предложении и поэтому не является его членом. Фактически междометия стоят вне предложения, они сами могут быть в роли целого самостоятельного предложения. В некоторых восклицательных предложениях междометия входят на правах обязательного элемента его.

В отличие от других разрядов слов звуковой состав междометий может варьировать, сохраняя то же самое значение. В каждой конкретной ситуации речи междометие часто сопровождается жестиком, особой интонацией и мимикой (выражающей радость, испуг, гнев, удивление и т.д.), что в определенном сочетании является своеобразным субъективным речевым символом для выражения эмоций и волеизъявлений.

По лексическому значению междометия березовского говора делятся на две основные группы: эмоциональные и императивные.

К первой группе относятся междометия, выражающие эмоциональные переживания или состояние говорящего. Основными из них являются:

аймата-а – возглас, когда совершается неожиданное и неведомо опасное,

ойтикимил'л'а – возглас при большом удивлении,

боцән'д'и – возглас, ругательство, когда совершается что-то неприятное,

қоқ – междометие при досаде, неожиданности,

эу – возглас, когда человек что-либо забудет и вдруг вспомнит или опомнится, сделав неправильно,

уо-а – возглас предупреждения, когда может совершиться что-то плохое, нежелательное,

элэкэкэй – возглас при выражении восхищения,

айа-а – возглас, когда совершается что-то хорошее,

энэ-э – возглас при ощущении боли,

Некэкэ – возглас, когда человек обожжется или когда сильно становится жарко,

кирикэ-э, кирэ-э – возглас при отвращении и презрении,

ңокиэ-э – возглас при плохом запахе,

ңэлэмэкиэ-э – возглас при испуге или боязни чего-нибудь и др.,

аләкиэ – междометие, выражающее восторг, радость от добычи или подарка и др.

Примеры:

Кэамив бакрид'и, атиқайақантәки гөнитән: „Һй-дә һерли, һурилби д'эблэтән.“ – „Аймата-а, өсәдәкү һеррә“, – гөнни атиқайакан (фольк.) „Когда нашли мамонта; старушке сказали: „И ты иди, чтоб детей накормить“. – „Ой-ой, нет, пожалуй (я) не пойду“, – сказала она; Аррилбу кәйттид'и, ақантән йрқан: „Ойтикимил'л'а, мәләдләп...“ (фольк.) „Увидев людей, которые ожили, старший брат (их) крикнул: „О-о, просыпаемся...“; Ақантән гөнни: „Боцән'д'и, Әйинд'э әмрәмдәс“ „Старший брат (их) говорит: „Черт побери, кажется, Оиндя пришел“; Қоқ, йақ тикун'ина, н'ан-да урәрам “Ой, как досадно, опять промахнулся”; Эу, н'ан-да һотача бисәм... “Фу, опять ошибся...”; Уо-а, мөлә тикчикәс, гөгәңчили “Ой, упадете в воду, остерегайся”; Элэкэкэй, куңал һөч айич һәд'әнритән “Ой, как хорошо танцевали дети”.

– Һөлиңо, он һөлләчинри-э?

– Айич-а, д'әрбу бакрам ...

– Айа-а, – гөнни ән'инни, тоғу дуруникән.

– “Дитя мое, как (ты) съездил?”

– “Очень хорошо, убил двух (ликих оленей)”.

– “Ой, как хорошо, – сказала мать (его), зажигая огонь”; Ун'айми мөлә н'анриснақан, ун'икәнни муқтас дәрән. “Энэ-э”, – йрқас-нан-тқан ноңан (фольк.) “Когда (он) окунул указательный палец в воду, отрезался указательный палец. “Ой, больно”, – успел только крикнуть” (фольк.); Некэкэ-э, йақ-ман әррәңиң инәң бәни “Ой, как жарко, что же такой день настал!”; Һәлмә, би тарав итми көкәмчу... “Ой как страшно, если бы я видел это, умер бы”; Аләкиэ-э, эрәв минду әмунри? “Ой как хорошо, это (ты) мне принес?”; Аләкиэ, аләкиэ-э, көрбәкәңчәңәкә-о, эу, Дәбрә, н'убукә-дә бидән инсәдәкү (фольк.) “Как хорошо, самец мне (попался), фу, оказывается Дәбрә, пусть хоть и тощий, понесу-ка”.

Императивные междометия выражают побуждение или повеление говорящего. Наиболее употребительными из них являются следующие: урчав – возглас, которым окликают человека с издевкой, встречается в основном в фольклоре; д'ә – возглас при повторном обращении с оттенком настойчивости; н'ән'әллә-э (арх.) – окрик, когда хотят остановить кого-нибудь от предосудительных неправильных действий (русс. грешно!); қә – возглас при несогласии или нежелании что-л. делать, встречается часто в основном в фольклоре; а-а – возглас при ответе на вызов окриком; гә-гәлә-э – междометие побуждения к действию; иңэ – междометие подтверждения, согласия; бә-бә – произносится при укачивании ребенка; ма – возглас, которым побуждают взять что-л.; чйдали – возглас, чтобы кто-то ушел прочь, не мешал; һаңара – возглас, призывающий к тишине;

чис-с, чис-с – возглас, которым побуждают ребенка мочиться; чăк – окрик, чтобы собака перестала что-л. делать; қача-қача – возглас, которым приманивают к себе собаку, щенка; ча, ча-ча – окрик, которым отгоняют собаку; кус-с, кус-с – призыв оленей, находящихся близко; құк-құк – призыв оленей, находящихся далеко; чоу, чоқ – окрик, чтобы олень остановился; құк-құк – окрик, чтобы олень не останавливался во время перегона стада и др. Примеры:

Нэлургэн эрирэкэн, дэбрэ барадран: „Урчав эр-э, мөлилдэм-э“
 “Когда позвал богатырь, Дэбрэ ответил: „Эй, вот я дрова собираю“;
 Эмэн этикэн гөнни: „Д’а, куңал-а, манрул-а, һамам гөнэпрэ-э“
 (фольк.) “Один старик сказал: „Эй, ребята, давайте (старайтесь) идите позовите шамана“ (фольк.)”; Эйинд’э йчику гад’иссид’и но-
 қарбутан һааттарақан, ақантан гөнни: „Эйинд э-э, н’енэллэ-э, од-
 ли-си“ (фольк.) “Когда Оиндя, сходя за тальником шиповника, на-
 чал бить (им), старший брат сказал: „Оиндя, грешно, сейчас же
 перестань“; Миша эн’ми эрин: –эн’э-э, эн’-э-э! –а-а, – барадран
 эн’инни, –йак-а, Миша? “Миша позвал мать (свою): Мама, мама?”
 “Да, – ответила мать, что, Миша?; Гэ, еду чангавур һуйутгид’ур,
 һилугэр “Давай, здесь вскипятим чай и будем пить”; Гэлэ-э, тик-эт
 һөргэр “Ну-ка поехали сейчас же”; Падара, эд’и тоқаркил, куңав
 һуруд’икис “Тише, не балуйся, разбудишь ребенка”; Этикэн төрөнни
 йсни: “Чақ, эрэк йиһ упрэв д’эбэснэн, куңал-а, өн’энэлрэ” “Послы-
 шался голос старика: „Прочь (к собаке), эта собака проглотила
 (кусочек) мяса, ребята, идите завяжите “; „Қача-қача, қача-қача,
 эмн’и, ма”, – эририн ноңан Унапав, бардала элан һэйэлэн нинүасам-
 кар улдасниван мэдид’и “Чу-чу, чу-чу, иди сюда, на”, – позвал
 он Унапу (кликча собаки), когда услышал какой-то стон на той
 стороне на вершине снежного яра...”; Эред’ин һуриэкэлэ иссид’и,
 долрарақан, „күк-күк!” оралчимнал кунинтан йлрэн... “Когда Радни
 (имя собств.) прислушался, дойдя до долины, заросшей кустарником,
 послышался крик оленеводов (пригоняющих оленей) „кук-кук”; Ти-
 мин һисудавур орарбур д’авусид’илрэ, этэв „чоу-чоу”, – гөнникэн
 Тэлгиниду лагамран “Назавтра, чтобы привезти добычу, начали ло-
 вить оленей; дедушка (мой), говоря „чоу-чоу”, подошел к Тэлгину
 (кликча оленя); Н’уууэ д’ула йрид’и ноңантакин гөнни: турутнэ-
 ли – кэн-э, алдада-ку.

– Қә, қә, бэлтэлкэл йадақатан би туручид’д’им, – барадран
 ноңан.

– Бәр, – гөнни Н’уууэ, – тэгэлэ байқуналдә... “Зайдя в дом,
 Нюгуя (имя собств.) сказал ей: Иди держи это, я буду тесать”.

– “Не-ет, зачем я буду держать, когда дети есть (досл. “когда
 дети ничего ведь не делают”).

– Ленятся, – сказал Нюгуя – (они) играют далеко” (фольк.).

Как видно, междометия березовского говора намного богаче,
 чем в других исследованных говорах. Однако здесь мы привели
 из-за ограниченного объема работы лишь основную часть междомет-
 тий.

Образные слова

В исследованиях по эвенскому языку (3; 13; 14; 15; 16; 18;
 19; 20; 21; 22; 31; 33; 35) не выделяются образные слова как
 самостоятельная лексико-грамматическая категория, тем более как
 часть речи, как, например, в нанайском языке (Киле, 1973). В дан-
 ной работе эта тема затрагивается лишь потому, что березовский
 говор богат образными словами. Образные слова – это довольно
 значительный слой лексики, выражающий образные представления
 о предмете через чувственное восприятие отдельных качеств, час-
 тей их и явлений в целом.

Отличие семантики образных слов от знаменательных заключа-
 ется не в степени абстрагирования явлений реальной действитель-
 ности, хотя безусловно есть доля абстракции, но в особой направ-
 ленности этого абстрагирования. Для образных слов важно не про-
 сто показать действие или предмет, а главное передать чувственно
 воспринимаемый образ предмета или действия его через характер-
 ный признак этого же предмета. Образные слова изображают не
 просто действие, например хождение, движение, они показывают
 множество типов, способов хождения через характеристику пред-
 мета, его внешнего вида, способа действия, звуковой характеристики
 и т.д. Например, предложение Йав минтэки гөнэри? “Почему го-
 ворить мне?” с помощью образных слов можно выразить: Йав мин-
 тэки һивкирәңчинри? “Почему мне показываешь зубы, как золото?”
 (уничижительно-раздраженно). Йав минтэки қалбәраңчинри? “Поче-
 му мне показываешь широкое мясистое лицо?” (пренебрежительно);
 Йав минтэки нәһирәңчинри? “Почему мне показываешь (свое) плос-
 кое, тощее лицо?” (пренебрежительно); Йав минтэки мәрдәрәңчинри?
 “Почему мне показываешь свое чрезмерно широкое лицо?” (уничи-
 жительно); Йав минтэки кемәлдәни? “Почему мне показываешь
 чрезмерно пухлое лицо?”; Йав минтэки қолбәлдәни? “Почему мне
 показываешь откинутое назад искаженное лицо?”; Йав минтэки қан-
 дәлбәдәни? “Почему мне делаешь позу, откинутую назад?”; Йав
 минтэки чорпәлдәни? “Почему (мне) пугливо задиралась голову?”;
 Йав минтэки д’әкәлбәни? “Почему мне трясешь головой?” и т.д.

Основу подобных образных глаголов составляют образные слова,
 например: геңән’э “человек с длинной шеей” – геңәлбәндәй “дви-
 гаться, ходить (о человеке с длинной шеей)”; д’иңгин’а “человек с
 непропорционально короткой шеей” – д’иңгилбәндәй “ходить, двигаться
 (о человеке с короткой шеей)”, д’иңгилбәндәй “ходить, двигаться
 (о человеке с короткой шеей)”; н’алдан’а “человек с раскорячен-
 ными ногами” – н’алдәлбәндәй “ходить широко расставляя ноги”;
 қандан’а “с откинутой назад головой и вытянутой шеей (о челове-
 ке, олене)” – қандәлбәндәй “идти, подняв голову, слегка прогнув-
 шись (о человеке)” – қандәқандәй “идти, подняв голову, слегка
 прогнувшись (о невысоком человеке)” и т.д.

Образные слова играют большую роль в выражении в речи кон-
 кретно-образных характеристик предметов и действий. Поэтому они
 употребляются в большинстве случаев как средство художественного,

образного, описания в произведениях устного народного творчества, а также в силу своей экспрессивности в индивидуальной разговорной речи.

В зависимости от характера лексических значений образные слова безэвского говора можно разбить на несколько групп.

Слова, передающие зрительные образы, в свою очередь могут быть подразделены на несколько семантических подгрупп. Эта группа слов выражает образную характеристику внешнего вида, движения, разрушений состояния человека, животного мира и предметов окружающей среды.

Китэс 'образ оскалившегося зверя', от этого корня глагол китэруңчидэй 'оскалить зубы (о звере, собаке), рассердиться (о злонамеренном человеке)'; нүтла 'образ густой беспорядочной шерсти' – нүтлаңайа 'человек с пышными, взъерошенными волосами' – нүтлапамқандай 'растрепать, взъерошить (о волосах)' – нүтлараңчидай 'ходить с растрепанными волосами, безобразный'; тимбин'а 'образ толстого человека, набитого мешка' – тимбиқаваттай 'ходить, двигаться (о толстом жирном человеке)'; эгдэ 'образ большого' – эгдэрэңчидэй 'говорить (о человеке с толстыми губами)'; қомн'и – 'образ искаженной части тела, предмета' – қомн'ида 'человек с перекошенными губами' – қомн'идадай 'говорить неодобрительно (о человеке с перекошенными губами)'; д'олг'а 'образ широкого, большого' – д'олг'араңчидай 'говорить, что-то делать неодобрительно (о человеке с большими нижними губами)'; буң'ас 'образ свернувшегося комочком (зверька, зверя, собаки)' – буңтун'а 'выпуклый, круглый' – буң'алида 'лежать свернувшись калачиком (о собаке, звере)'; мэрде – 'образ широкого' – мэрдеңчидэй 'быть подвижным, имея чрезмерно широкое лицо'; көмэ – 'черпак деревянный', көмәлдәй 'часто показываться, имея широкое лицо'; қолба – қолбайа 'образ часто озирающегося человека, зверя' – қолбалдадай 'что-то делать (неодобрительно) (о человеке с откинутой назад и набок головой)'; қанда 'отвислая шерсть шеи у лося' – қандәлбәндай 'быть очень подвижным с закинутой головой'; черпэ – 'образ ребенка с пугливым лицом', черпәләнәй 'оглядываться часто, пугливо, держась настороженно'; теңэр 'озеро' – теңирәңчидэй 'быть подвижным с широким открытым глазом'; чоқ~чөк 'образ (понятие) прищела' – чоқтараңчидай 'смотреть как будто прищелкиваясь'; н'умэр 'стыд' – н'умурәңчидэй 'глядеть узкими глазами (неодобрительно)'; қалба 'широкий' – қалбараңчидай 'выпячиваться с широким лицом (в значении – надуло)'; гән 'кость на тыльной стороне шеи' – гәңәлбәндәй 'двигаться, ходить (о человеке с длинной шеей)'; дудун'а (оран) 'олень с короткими приближенными друг к другу ногами', унди 'грызун с длинными ногами и длинным хвостом' – униқандай 'шагать, виляя задом (о коротком маленьком человеке)'; буң 'шарообразный, образ круглого предмета' – буңураңчидай 'жевать с полно набитым ртом, говорить невнятно' и т.д.

К этой группе образных слов относятся, видимо, и глаголы, показывающие различного рода разрушения, разъединения, например:

бутал-дай 'отломить' – бутак-тай 'отламывать', бутардай 'отломиться' – бутам-дай 'отламываться', насал-дай 'оборвать' – насак-тай 'обрывать', насар-дай 'оборваться' – насамдай 'обрываться', қабәл-дай 'отколоть' – қабәк-тай 'откалывать', қабәр-дай 'отколоться' – қабәм-дай 'откалываться' и др. (33, с. 183–184; 19, с. 65–66).

Образные слова, передающие цвето-световые представления, например: гилтас 'до блеска' – гилталридай 'блестеть, сверкать'; һутәр 'представление о светящемся предмете' – һутәл-дай 'искриться, сверкать', һәтәр 'темный, мрачный' – һәтәрәлдай 'темнеть, наступать сумеркам', һимүс 'затемнеть (моментально)' и др. Можно выделить еще такие подгруппы, как выражающие чувственные восприятия, образную характеристику, физического состояния, внешнего вида и др.

Другую большую группу образных слов представляют слова, изображающие слуховые образы. Они отражают различного рода звуки окружающей среды. Для говорящего или слушающего эти слова вызывают чувственно-наглядные представления, а не только воспроизводят различные звуки. По синтаксическим функциям они сближаются с междометиями, но в отличие от них не выражают различные чувства, волеизъявления.

По семантическому признаку можно выделить несколько подгрупп.

Слова, являющиеся воспроизведением крика животных, зверей: ам-ам, оң-оң (щенка), гап-гап (собаки), оу-ов-ов-у-у (вой волка), ав-ав-ав (тенок оленя), кәр-кәр-кәр (рычание росомахи), қор-һо, қор-һо (сохатого), кур-кур-ур-р (белки) и т.д. Некоторые из этих слов могут иметь производные, например: кәргәңдәй 'рычать (о росомахе)', әвтидай 'кричать (об олененке)' и др.

Слова, обозначающие крики и пение птиц: прәң-прәң-прәң, крукут-крукут, кәк-кәк (крик горной птицы из породы соек), тақ-тақ-тақ (крик глухаря осенью), чип-чип-чип (пение птиц), кәк-кәк-кәк (крик келовки), ку-кә-ки, ку-ку-кәки (крик сойки), қақ-қақ, қақ-қақ (крик гагара перед дождем), қбқ-қбқ (крик вороны), қабә-қабә-бәбә (крик куропатки весной), тләт-тләт (крик кулика) и т.д. Примеры: Мәд'ақла орам һигәд'илрәкәс, улрәвән һулаласамңанакәс, ку-кәки һину әрәли ку-кә-ки, ку-ку, кә-ки, – гәникәр чақабд'ир 'На забойном пункте начнешь снимать шкуру оленя, когда покажется мясо, вокруг тебя соберутся сойки и начнут кричать: ку-кә-ки, ку-ку, кә-ки'; Имара мануритандун анңантан тәгәнук әмчәл дәгил ир-қантан илд'ин, чөкчәңә мәнкән-дә төрәлкән: тләт-тләт-тләт 'Ежегодно, когда растает снег, раздастся крик птиц, прилетевших издалека, и у кулика есть свой "язык": тләт-тләт-тләт'; Бадиқар мәаләдақу, палатков әйдәлин һирбатқан илтиһикән ирқан: прәң-прәң-прәң, крукут-крукут, кәк-кәк 'Когда я просыпался утром, пролетая над моей палаткой, кричала горная птица (из породы соек): прын-прын-прын, крукут-крукут, хях-хях'.

Слова, обозначающие многообразные звуки живой и неживой природы, очень многочисленны. Здесь ограничимся лишь несколькими примерами: тәс-тәс-с (звук стука рогов оленей), көң-көң (звук,

издаваемый при стуке полого железного предмета), кенгэлэндэй 'звенеть (о пустом железном предмете при ударе)';

топ-топ-топ (мелкий дробный звук), тобэлэндэй 'издавать мелкий дробный звук', қабас-қабас (звук, издаваемый трением меховых лыж по мерзлому, уплотненному снегу);

чурас-чурас (подражание звуку, возникающему от трения меховых лыж по снегу при очень быстром беге);

тибис-тибис (звук удара по мягкому предмету), пэт-пэт (звук, образуемый мелким дробным стуком по нетвердому предмету), кйс-кйс (легкий, хрустящий шум), тап-тап (звук, издаваемый при стуке по железному неполому предмету), кур-кур (шум сильного ветра, шум пронесшегося стремительного движения), киң-киң (подражание звенящему шуму), тип-тип (подражание звуку топота), пэк-пэк (звук, издаваемый при выстреле из огнестрельного оружия), пус-пус (звук, издаваемый неритмичным сильным, отрывистым дыханием, пыхтение) и др.;

Чимүэн мэрэңтэ, қабас-қан һирули, иду-дэ эд'и тивнэкэл...
'Льжи (обшитые камусом), скользите так, чтобы только свист стоял, не останавливайтесь нигде'; Эйдэлив д'ол курэннэрид'и, д'улдэлэв тикрин 'Надо мной со свистом летел камень и упал передо мной'; Тадуқ ноңан иласчирпакан, д'улдэлэн йак-уч-га тибинукэн йсни: тип-тип-тип 'Когда он пытался встать, впереди него послышался топот: топ-топ-топ'; Ноңан һулдаснан, чимүэндулайи чурас-такан изттэн. (фольк.) 'Он так быстро побежал, что только слышно, как со свистящим звуком касается кончиком шерсти лыж'; Итакн'а маңайи мэнкэн киңгилнэв йасун (фольк.) 'Сова одолжила свои звенящие лыжи'; Куңал пэтэлэн-тэкэн туттэ 'Дети побежали, слышно было только дробный легкий топот'; Пүннэ энтэкэй курэлэнни 'Шум ветра еще усилился'; Мэнтэлсэ одакан орап куңанра, тарақан эрэгэр таң'ад'ур мэр доли гуймаччир: тэс-тэс-с, тэс-тэс-с. 'Когда наступает ранняя осень, олени сбрасывают кожу рогов, в то время постоянно рогами бодаются между собой: тэс-тэс-тэс'.

Одной из интересных особенностей березовского говора является наличие богатого арсенала образных слов, сопровождающих речи персонажей в произведениях устного народного творчества. Однако это предмет специального исследования; мы здесь касаемся лишь одной стороны этого интересного явления, а именно зрительно-слухового образа, создаваемого этими словами в слуховом восприятии речи героев произведений устного народного творчества.

Приведем небольшую часть наиболее часто встречающихся вариантов таких образных слов. Их трудно подвести под какой-то общий знаменатель в связи с тем, что в каждой конкретной ситуации они играют определенную роль. В целом можно заметить, что по звуковому облику нетрудно различить образные слова, относящиеся к речи отрицательных и положительных персонажей, а также, в некоторых случаях, слова, относящиеся к мужскому или женскому полу. В большинстве случаев легко различимы образные слова, относящиеся к тому или иному оочеловеченному персонажу из домашних животных и диких зверей.

Примеры:

Атикан һоч һэччэ, мөв һукудникан икэлрэн:
Эн'эйэ-э, эн'ийэ-э-о, йак бй һагдин одама-а, -
Эн'эйэ-э, эн'ийэ-э, мөв-дэ-тит туркурэм мөлэңэ,
Эн'эйэ-э, эн'ийэ-э, мөн айаврид'и гуд'энид'и асатқанд'и...
'Энея, Эния-а, ой, как я постарела.

Энея, Эния-а, даже за водой сходить не могу
Энея, Эния-а, для своей любимой милой внучки (девушки).
Н'ан Нэлтэк эн'инни-дэмэр гэнни:

Нулиңо-о, нулиңа-а, толқундурам бй,
Нулиңо-о, нулиңа-а, һй уд'ис һонам-а.
Нулиңо-о, нулиңа-а, айич йид'ири.
Нулиңо-о, нулиңа-а, һойа оранси бид'ин.
Нулиңо-о, нулиңа-а, һойа һутэс бид'ир'.

'Затем мать Нэлтэк (имя девушки) говорит:

Нулино-нулина, я видела сон.
Нулино-нулина, твоя (жизненная) дорога длинная.
Нулино-нулина, будешь хорошо жить.
Нулино-нулина, много у тебя будет оленей,
Нулино-нулина, будет у тебя много детей'.

Асатқан амантәхий гэнни:

'Айаврив-у мин амму, бурин'у,
Перэннэв дәли олни, бурин'у
Эсилэс һар тәрлэ, бурин'у.
Йак урэччон учу, бурин'у.
Кимчавус ичимсэм, бурин'у...'.

'Девушка говорит отцу (своему):

Любимый мой отец родной, бурино (образное слово),
Приближается день моего отъезда, бурино
В неведомые (вам) края, бурино.
Хочется мне увидеть своего, бурино,
Ездового оленя, подготовленного тобой, бурино...'.

Бурқан эн'интикий гэнни:

Ниган'э-э, ниган'иэ-э, эн'му мин гуд'эйэ-э,
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, айаврив-у миннэв,
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, бй һину эмэнд'им
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, илан инэну н'ан долланив
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, бөлнэд'им бй,
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, мэн аман'д'и, айиду
Ниган'э-э, ниган'иэ-э, акан'д'и-да эти қэлриду.
Буркан матери (своей) сказал:

'Ниганя-нигане, мать моя, бедненькая,
Ниганя-нигане, любимая моя,
Ниганя-нигане, я оставлю тебя (одну),
Ниганя-нигане, три дня и ночи
Ниганя-нигане, пойду помогать я
Ниганя-нигане, отцу моему доброму
Ниганя-нигане, и брату бесстрашному'.

Здесь приведены образцы речи женских положительных персонажей и им соответствуют образные слова, сопровождающие их речь. Эти образные слова создают особую настрой и своей музыкальной напевностью соответствуют характеру персонажей, ситуации, в которую попадают они, и вместе с содержанием их речи создают комплексно образ того или иного героя. В этом исключительно важную роль играют подобные образные слова.

Соответственно слова отрицательных персонажей имеют характеризующие их образные слова, например:

Ариңқа йрқарин:

Дэлақа-дэлақа, йами-да-тит һину бакчим,

Дэлақа-дэлақа, миндук этэнри дэриснэ,

Дэлақа-дэлақа, бй һинтэки эмд'им

Дэлақа-дэлақа, асатқауэс носминчач эвилрэкэн

Дэлақа-дэлақа, һуркэуэс-дэмэр нёкич эвилрэкэн

Черт закричал:

‘Делаха-делаха, во что бы то ни стало тебя найду.

Делаха-делаха, ты от меня не убежишь.

Делаха-делаха, я появлюсь у тебя,

Делаха-делаха, когда дочка (твоя) будет играть ножницами,

Делаха-делаха, когда мальчик (твой) будет играть луком’.

Ариңқа төрэлрэн:

Эрэнгэн-эрэнгэн, эңи һэлургэн Нинкат!

Эрэнгэн-эрэнгэн, мут д'эрид'ур кусикэттит ок-ут-та.

Эрэнгэн-эрэнгэн, һй мину дабдуқанис,

Эрэнгэн-эрэнгэн, ач диллав н'ан мину

Эрэнгэн-эрэнгэн, гөбөнукэнис төрлэ.

Эрэнгэн-эрэнгэн, эрэк бй аррив...’

‘Черт начал говорить:

Эрэнгэн-эрэнгэн, сильный богатырь Нинкат!

Эрэнгэн-эрэнгэн, мы когда-то вдвоем дрались.

Эрэнгэн-эрэнгэн, затем меня безголового

Эрэнгэн-эрэнгэн, закопал в землю.

Эрэнгэн-эрэнгэн, это я – воскресший...’

Образные слова соответствуют и характеру, намерению персонажей, а также могут характеризовать темп и способ езды, передвижения, например:

Дэбрэ икэснэн:

эгд'этэн'д'э н'оңчиддән,

дирилинг-о, бараланго-о

қайаң-қайаң, қабаң-қабаң

Дэбрэн'д'э н'оңчиддән.

‘Дэбрэ (имя собств.) запел:

Огромный лось убегает,

дриминго-барлинго,

хаин-хаин, кабан-кабан,

Дэбре (огромный) убегает...’

Этикэн гёйни:

Тизек оддәп, һулиңо-о

нисэлкэн оңанри,

қочоду-қочо-оду

қочоду-қочо-оду

‘Старик говорит:

Вот закончили, дитя мое.

Будь счастлив,

кочо-кочо-оду,

кочо-кочо-оду.’

Өмнэкэн ақантән, икэснән:

Дәндән'о – дәндән'о

Һөргәнд'эв-о, нөнд'эв-о

йәрулэ-э, йәрулэ-э

‘Однажды старший брат их запел:

Дәндәне-дәндәне, младший мой, братец, попробуй (сломать)’;

Һамән н'айәлрән:

Чәрику-дәкки, чәрику-дәкки, н'амачан чәмакчаңо-о, чйрим-кәйэ ййлмацаңу-о, һунтап'агәл-э, бигрәгил, бигрәгил ‘Шаман начал шаманить: Черику-дәкки, черику-дәкки, стой, мои лыжи, как медь (медный), мой змей длинный, будьте вдруг, будьте вдруг’;

Итәкн'а гёйни: ‘Д'аң-д'аң-д'аң тилкой-тилкой, маңаву, йбгид'икәс, этәм йәсур’ ‘Сова говорит: ‘Дян-дян-дян, тилкой-тилкой, сломаешь мое крыло, одолжить не могу’’;

Эрики гёйни: ‘Кәдиэ-кәдиэ-э, өмәтту гирқадәвур-а-а’, ‘Лягушка говорит: ‘Кәде-кәде, давай, вместе пойдем-ка’’’;

Амәрдалатән икән йснн:

Ақнила-а, ақнила-а, Әйинд-эмән голәлқакән түсәддән, гәһәғәғә-гәһәғәғә ‘Позади них послышалась песня: Старшие братцы, старшие братцы, Оиндя (имя собств.) бежит с бревном-поленом, гыһағын-рыһағын’;

Чуқачайақән, икән илрән:

Куңақайақән, н'иврин'у, эд'и бәйңункил, н'иврин'у, инңәту н'ибә-лд'икәс, н'иврин'у. Эн'интикий гёңәри, н'иврин'у: Эн'э-э, бй йәә амәнтәрам, н'иврин'у?

Эн'инни гөнд'ин, н'иврин'у

көпиәүәд'ур амәнтәри, н'иврин'у.

Һй гёнәри, н'иврин'у:

көпиәүәвур-дә урәчин бимчу, н'иврин'у.

‘Птичка запела:

Ребеночек, неврию (образное слово), не стреляй на меня,

Неврию, мои перья общипаешь,

Неврию. Спросишь у матери своей,

Неврию, мама, кто мой отец? (досл. ‘что служит мне отцом’),

Неврию. Мать (твоя) скажет, неврию:

Твоим отцом является ложка, сделанная из рога горного барана,

А ты скажешь тогда неврию,

Был бы я похож на ложку, сделанную из рога горного барана, неврию’ и т.д.

Приведенная нами классификация образных слов весьма условна и не охватывает всего многообразия их в данном говоре. Развитие образных слов как особой категории сопровождается переходом их в разряд слов с понятийным значением.

Заключение

Язык эвенов Березовки – уникальный в силу ряда обстоятельств и особенностей говор эвенского языка.

В результате изолированного нахождения данной этнической группы эвенов сравнительно до недавнего времени язык их не подвержен влиянию соседних языков таких, как русский, якутский, чукотский, юкагирский и др.

Нет ни одного раздела фонетики, морфологии, где бы этот говор не имел своих отличительных особенностей, которые в общей сложности являются ранее не известными в других говорах.

Кроме того, следует отметить как особенность говора в целом, наличие долгот, в особенности в суффиксах морфологических категорий имени и глагола. Видимо, это свидетельствует о наличии квантитавного ударения.

Темп речи различных групп эвенов Березовки различается довольно четко. Сиверские говорят быстро и отрывисто. Темп речи остальных групп эвенов очень медленный и мелодичный. Эти особенности говора требуют специального исследования.

Подробное ознакомление с морфологическими категориями говора показывает, что более надежным основанием для сопоставления с данными других говоров эвенского языка по выявлению различий и соответствий, кроме традиционных методов, является подход к фактам диалектов и говоров с точки зрения функционально-семантических категорий. В частности, это конкретно показано нами в описании категории залоговости в эвенском языке на материале девяти диалектов и говоров современного эвенского языка (24).

Функционально-семантическая категория аспектуальности эвенского языка, образующая особую систему характеристики протекания действия, нами изложена в работе „Виды глагола в эвенском языке“ (23) и в ряде статей (25; 26; 27). Эти работы были написаны нами на основе данных прежде всего березовского говора.

Березовский говор имеет довольно богатую лексику, отражающую специфику кочевого образа жизни, занятие оленеводством, охотой и богатую духовную культуру.¹ Ее основу составляет общеэвенская лексика. В лексике отражена подробно разработанная тер-

минология оленеводства, охоты, где имеется значительное количество слов табу, не зафиксированное в других говорах. Кроме того, в березовском говоре выделяется значительный пласт лексики неизвестного происхождения. Например: *у́кэн* ‘посуда из березы’, *н’ипчи́к* ‘оружие’, *ил’тэ́кимэл’дэй* ‘оживать (фольк.)’, *о́кай* ‘напиток из грибов’, *болга́надай* ‘пойти рассказывать’, *байку́надай* ‘играть (о детях, фольк.)’, *ба́лтэлкэн* ‘ребенок’, *ул’чи́ки* ‘толстый аркан’, *кэ́сэңэ* ‘нож’ (фольк.), *кэ́пиэңэ* ‘ложка, сделанная из рога горного барана’, *һимэ́чивун* ‘приспособление для крошения мяса, сделанное из рога горного барана’ и др. В лексике данного говора имеется много архаизмов, выявленных нами и не отмечавшихся ранее в других исследованных говорах эвенского языка.

Следует отметить, что в говоре отражена весьма оригинальная система терминологии для топонимов, растений, животных, насекомых и др.

Весьма развито иносказание, используемое раньше как табу. Например, содержание слова *ма́рам* ‘убил’ или *ба́крам* ‘добыл’ (досл. ‘нашел’) можно передать следующими выражениями: *те́рду а́нвийа́ттам* ‘убил’ (досл. ‘земля подарила мне, чем-то подарен я землей’); *те́риңд’и ба́карки́м’а́ттам* ‘убил’ (досл. землей (своей) заставил поскользнуться); *те́риңд’и ңэ́нуку́мрэм* ‘убил’ (досл. земля (своя) подарила мне); *те́рду ба́врэм* (*ба́вийа́ттам*) ‘убил’ (досл. земля мне дала, дано мне землей); *те́риңд’и и́ла́лривийа́ттам* ‘убил’ (досл. земля (своя) пожалела меня); *те́риңд’и и́чи́с’ми́н’э́ттам* ‘убил’ (досл. земля (своя) взглянула на меня); *те́риңд’и ́э́нуку́мрэм* ‘убил’ (досл. ‘земля (своя) дала в долг мне’) и др.

Все сказанное выше и анализ языкового материала в некоторой степени позволяют предположить, что язык эвенов Березовки в плане диахроническом, видимо, соответствует более раннему состоянию одного из говоров восточного наречия, основу которого некогда составлял язык эвенов, причисляющих себя к роду Дбйда.

Таким образом, анализ фонетики, морфологии и лексики березовского говора позволяет сделать вывод, что язык эвенов Березовки является самостоятельным уникальным говором эвенского языка, имеющим много и своеобразных специфических черт, и черт, объединяющих его в основном с восточным наречием современного эвенского языка.

¹ Из-за ограниченного объема книги автору пришлось сократить значительный фактический материал, в том числе словарь, содержащий более семисот не зафиксированных слов.

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Н'ӨЛТЭК

Эвэсэл биддэ. Ыд эхэйз эгикэн атикхүчил биддигтэн. Ыдйа д'ални бисин, гургэвичимүэлни-дэ һдла бисин. Эгикэн гачикан эхэйз-дэ бими, үйе-дэ эч нөм-нэр. Тэми гургэвичимүэни эгикэм һдч аяавритан. Эгикэн орарни һд һдла би-син. Ноңан н'ан бэйлэни нисэлкэр буйсэмүэл биситэн.

Д'уганиду урэкчэр һэйэлитэн д'угад д'отта.

Ичисэнд'инри анигидатки - урэкчэр гээкитаңач н'өчэч дасуттимдасал бивэт-тэ - гачикан һдйа орартан; д'эгэндэтки - дмэр ичисми - урэкчэр иманрэч дасуттимдасал бивэттэ - гачикан һдйа н'өбати орартан бисин.

Эгикэн эч тарич - тэкан эскалтэ. Ноңандулан өмнин һутэн асаткан би-син, эндудукун һөнтэки нод, мэргэч. Таррочим асаткан бэйил оқ-та эчил итгэ.

Ноңан нодан д'угулин илан төр бэйилни долдаритан.

Эйду төр мудтандукун (мудантандукун) бэйил эммөттэ ноуман гасчида-вур.

Адиракан - да-тит гасчиракатан, эгикэн эсни д'оққотта.

Өмнөкөн асаткан аманни н'ан эн'инни укчэнмөчид'илритэн үйду-дэ һутур бөдэвур, мизримкэндэвур. Н'ан ноңан урэкчөн ноду, мэргэчу туркуритан бақча.

Аманни ул'гимин асатканүтакий: һитки һи мизэрэмсэрни? Асаткан-дамэр барагхан: Иэсчимэчэк бми ай, һдүдтан һадавур. Ноңартан һин нөсөүчэн би-сий нөккиччэд'ис нөкид'ис нөкиччир, оран һиракман һин мавутас нонаман дйклэн төрлэ. Мин гэрбөв айд'итач гөникэн нөклэри, тарақ-тақан навканд'и-ин. Һй-дэ эч һэр бисин ноңан эливмэн гэрбөвэн.

Аманни эн'н'унни, ичисмөттид'ур, һдүнитан. Йак һи мэргэчис-гөни эн'-инни, - эливун'һин гэрбөвус һй - дэ эсни һэр. Аманси нөкивэн һөвөйкэн дйн өңилкэн-гэкэн танд'ин.

Тимин бад'икэр гөнитэн һунад'итан миеринд'ин тартаки бэйтэки, һи асаткан аманни нөкид'ин оран һиракманни икривэн навканд'ин, өмөн, һэл-ки асаткан эливмэн гэрбөвэн гөнид'и. Асаткан эливмэн гэрбөвэн өмөн-тэкэн атиккан һарин, асаткан эгумүэн. Атикхайакан һд һадди бисин.

Төр мудтандукун бэйлэ эмчэл иэсчимэчэклэ. Өйинук төрдук илан һаври гэрбөклэн, дулуқан төр илиндукун мудандун, һөргиндун (төрдук) илан дәл-тэ төрдук эмиртэн һд эхэйэл, мэргэчил нөсөүчэр бэйил. Тарал бэйлэ иэсчи-мэчэктэки кимад'илритан. Эгикэн нэкудуки мавути н'ан нөкив, нөсөүчэн би-сий буйурбу буйсүчэд'и гадид'и, амкачан һэйэлэн ойчирид'и, д'олу, д'өр эгд'эгэл гуямачидил дйвэн, бақран. Тадук гөни:

Мандан'а, мандан'а, эңил һдүдл,
нөсти бэйлэ
долчилра мину.
Мандан'а, мандан'а, һу элэ д'олла
Һэнүэнд'ур илатниқан нөклэд'ис
Мандан'а, мандан'а, һунад'у гэрбөвэн
өмөн һэлки гөникэн

Тадук эгикэн, иланмээр дэр нонамалкан мавути чакрид'и, уснүдэрэкэн, кизекэн-төкөн йсин. Мавут һүрэн тикчэлэн төрлэ эгикэн һээкита дйвэн таңи-агда эгд'эгэл таңи'аван нөдин. Тала нокрин оран һиракман, н'ан гөни:

Мандан'а, мандан'а, эңил, һдүдл
нөсти бэйлэ
долчилра мину.
Мандан'а, мандан'а, эрэв икрив
дулукундулан навканд'ин.
Мандан'а, мандан'а, һй, нөклэмнин - тит,
Һунад'у эливмөн
гэрбөвэн гөни.
Мандан'а, мандан'а, тартаки бэйтэки
Һунад'у миеринд'ин.
Мандан'а, мандан'а, тарақ бэй
нисэлкэн дд'ин
Һий чөптэрэ.

Тадук иэсчимэчэк бдни илан долбанив, н'ан илан инэчу чөптэрэ. Илан төрдук эмчөл нөсөүчэр бэйил нөкич нөкилэритэн, иэсчимэчинь пөктуритан. Н'ан һй - дэ асаткан эливмэн гэрбөвэн эч тэйир, һан - дамэр нөкив - дэ - тит гандавур туркуритан.

Асэл, куңал, атикэр н'ан эгикэр тэндун һөттөтэн. Ноңартан, орарбу ма-вонниқан, урэв крититэн, чэйив һуруттитэн иэсчимэчимүэлбу гөйдэвур. Илдан инөүнэ асэл, куңал эйду һөттөтэн, тэми асаткан эгумүэн атикхайакан мөлтэрин. Мөликич амкачан һөрдөлэн д'үлдук тэгэлэ бисин. Атикхан, оран ам-качандук эвэснид'и, мөв һукуи нэкөлэй. Амаски н'ан эмөдникэн, бақаркими, мөңи өңкөн. Мучурид и, н'ан - да мөңтэй һукуи. Ойчидниқан, мөңи - да өңкөн. Н'ан - да илигэй мөңгэй гэлнэн. Атикхан һдч һэгчэ, мөв һукудни-қан икэлрэн:

Эн'эйз-э, эн'ийз - э, о, йак бй һагдин бдамэ - а
мөв - дэ - тит туркурэм мөләңэ
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, мэн аяаврид'и гуд'энд'и
Һөнтэки нод асатканд'и.
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, һй минду бадикарап-а-а
Һиздди н'өлтэчу бисид'и
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, һй минду эйэчин-э
бсиқатачу бисид'ин-э
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, һд - о, эрдин һдйа - а бөйлэ-э
Һадавур чақаптитан-а
гээкитандук төрдук-э
эчидук һардук - кэ-а.
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, йак нүлэм бид'инэ-э
икрив навканакатан-а
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, төриңит һөрдөдукул-э
эмчөл - э ариуқал-а-а
Эн'эйз-э, эн'ийз - э, о-о, йак кэн'элин бид'ин-э
Һөрүрүкутан мин аяаври-у

Эн'эйэ-э, эн'ийэ - э, асаткану Н'элтэку-у
эситкивун һәр төртэки
Эн'эйэ-э, эн'ийэ - э, Тарақам этэн-э һар-а
мин асаткану гуд'эйлэд'ин
Эн'эйэ-э, эн'ийэ - э, мэн ааврий атай-а ал'д'иван-а
д'онд'ин - тқан мину
Эн'эйэ-э, эн'ийэ - э, ченисникэн, усиндэд'ин - э
умам - а тоглайи - и
Эн'эйэ-э, эн'ийэ - э, агади ноуман иргэтчэдү
о - о мин Н'элтэку.
Тачин икэддэкэн, мё додукун йак-ут-та қалән һиэн, н'ән, атиқам н'үрит-
тун ганид'и, мёлә умин, тадук өгәрэснид'и, гёни:
Дэалақа - дэалақа, һй гәрбэвэн
гёнири һй
Дэалақа - дэалақа һинмача-а гёли-си.
Атиқан барагрян:
Эн'эйэ-эн'ийэ, йав-да эсэм-э гөнэ-э
Эн'эйэ-эн'ийэ, гөнэм - такән тиек-э
бэдэлү эсээн-э-э.
Тарак қал н'ән - да атиқан диллөн мёлә умин. Асукут атиқам һанумқан-
ни, өгәрэснид'и, ул'гимин:
Дэалақа-дэалақа, йав гөнэирэ гөнэм
Дэалақа-дэалақа гёли - си гөнэм.
Атиқайақан аран - аран гёни:
Эн'эйэ-эн'ийэ, йак бй - ййэкэн һад'има - а
Эн'эйэ-эн'ийэ, гөнэм - такән, д'онид'и
Эн'эйэ-эн'ийэ мэн эн'ми гәрбэвэн
Мё додукун тэрэн н'ән - да йсни:
Дэалақа-дэалақа, йак - ман өлэккчир-э
Дэалақа-дэалақа тиек бй һину эливун
һанувканд'им мёлә
Дэалақа-дэалақа эсэкэс тиек - эт гён
Ариука атиқан диллөн н'ән - да мёлә умиснён, асукут көкөкэн. Өгәрэс-
нид'и, гёни:
Дэалақа-дэалақа, тиек - эт мэд'им
мёлә һанувканд'им
Дэалақа-дэалақа эсэкэс гён
Дэалақа-дэалақа этикэн һунад'д'он
эливмөн гәрбэвэн
Атиқайақан, мөргэми беририд'и, гёни: „Н'элтэк“
Мё додукун тэрэн йсни:
Дэалақа-дэалақа, тиек ай, Н'элтэк...
һину мултуд'им
Дэалақа-дэалақа эникэн - такән һйтки - до
унчённэ бисэкэс
Дэалақа-дэалақа мин'ун укчэнмөтчэй
Дэалақа-дэалақа һинмач д'үткий һарли.
Атиқан, һонникән, һөррэн д'үткий, мёни нёниникэн, йадай асатқан гәрбэвэн
гёнчэй. Он-а-си н'экчин, уқал гён'чэй. Д'улай аран - аран эмми, йав - да
эникэн төрөснэ, дэсчиснён, тачин - та көкэн, эникэн илрә.
Нөсөгчэр бэйил илис инэли тачин - тэт - тэ иэсчимэчиддитён.
Йисэчин д'алрақан идук-ут-та этикэйэкэн эмрэн. Этикэн ойин гёндун
кэн'эли, насақу-да бисин, бөцөлән кэаваңи, амқан - дәмәр қоритлән истала,
гадан йасалән гаддукун эгд'эзмэр, н'үритән - дәмәр муқалрақчин иләтти

бисин, бөйд'и - дмэр бөкчэрэ. Этикэн эрэли булниснин, нөсөгчэртэки көйөт-
никэн, гёни:
Дэалақа-дэалақа, гэл-э-э, бй-дэ йаручисандақу
нөкивур бөлрэ минду
бй-дэ ач атиқақа бисим - э - э.
Нөсөгчэр кубэччур ин'инрэ, эрөв этикэм набдиван, бадан кэн'эливэн көйөт-
ми, оркатми ин'инрэ.
Бие, һэ, һэ-һэ-э, оу, эр эмрэн атиқалбанна бэй, бөлрэ ноқандун нөкив
пактурудэн.
Тачин, этикэм ин'инникэн, нөкив бөритэн. Эрөв нөкив н'аммөн - да -
тит туркуд'инри гаңа - ин'инритэн ноқартан ноқанд'ин.
Этикэйэкэн, тарав нөкив гадид'и, нөклөн гёникэн:
„Орат“. Нөкин, гөр-дэ дулукман ач исчалач, элгәлә тикрэн. Бөйил, көйө-
чидил һөдмәрәч, этикэм долдәми, оркатми, урур осяниқан, гөрли һамари-
қан, ин'инритэн, тибаритән. Он ноқан эррөччин нөду асатқан „Орат“ гәрбэл-
кэн бидэн гёни. Нонан-та мут һарит, аварри этикэн эрөк гёнит.
Этикэн йав-да эсни гөрэр бисөн. Ноқан амардадукун һөнтәл нөкиттэ-дэ
һй-дэ эсни һавқан.
Тадук н'ән-да этикэн нөклөннөн өдни. Этикэйэкэн нөкив гад'и нөклөн
гёникэн: „Чүқачан“. Асукут һавқанни брәпу бөйүм қоқчин һирақман, тиек
һй-дэ эсни ин'инрэ, мөзүчир, асукут һавқанақан. Тадук, этикэн амардалан
н'ән-да һөнтәл һуркэр нөкичид'илрә.
Д'үди тэгэчидникэн, асатқан эн'интикий гёни:
эн'яэ, бй, бурин'и,
йав - уг - та гайрәм - а, бурин'и
көн'өлич иэлтэмкәннэмдэс, бурин'и
эрөк иэсчимэчэк, бурин'и
Эн'инни гёни:
н'улиһа - н'улиһо, эд'и - йэ һабутта, һулиһо - о
н'улиһа - н'улиһо, айич - ту иэлтэнд'инэ - э, һулиһо - о
н'улиһа - н'улиһо, эрөк - э иэсчимэчэк - э
н'улиһа - н'улиһо, тарта - та бими йәми - вуч
н'улиһа - н'улиһо, мин - дэ мөавму
н'улиһа - н'улиһо, энтөкэйэ чаләмәлрән
Иэсчимэчэк тачин - та дүнәддөн. Нөсөгчэр нөкиттэ, һй - дэ унэт эч һав-
қан.
Этикэн арисақ н'ән - да пөктөрәннөн өдни. Ноқан мэн пөктөрәннәй дәли
одақан он - уч-та һөнтэ, һө бадидни, эсэмдэс һйч - тэ һөттэ. Нөкив һин-
мач һаңтиснид'и, бөйилбу ин'инэп'илбу, орқачид'илбу эрэли булнирид'и,
„Н'элтэк!“ - гёникэн, нөклөми, брәпу иләнмээр дәр мавут һурәлән эгд'-
этэ таңи алан нокутти қоқчин һирақман дулақмалан һавқанни. Эр ин'инэч-
чэл нөсөгчэр бөйил этикэн һавқанниван этөвми, айич унудағур итэсситән.
Асатқан д'улай тарақам - ат ач мөргәнэч тикрин, эчэ - дэ тарав иччэ
бими. Эн'инни - дәмәр ач йглөч мөавми каптарид'и, тэгрән.
Эмчөл бөйил кубэччур уливур төрөңнәвур мучудағур кимад'илритән. Элэ
төрлө әуәйэ этикән, эспичи нонан бичэл - тэкән эмөптитән.
Йисэчин тала этикэн - тэкән д'әлли н'ән һән'илин бөйил эмөптитән. Он-
а-си н'экчин этикэн-эвэн эн'инни-дэ асатқанур бөдәвур кимад'илрән тарта-
ки этикэйэкэнтэки-аринқатки.
Ноқартән итунтән д'угудун асатқан д'әлли ноқартән һөрәлд'ивнәтән
оралқатән бөннәл, н'ән ноқарбутан нөдәч тәтуннәтән бисин. Илән инән әлги-
лән мудукуннатән биси. Асатқан амәнни орарбу илбөдәтән гёни. Ноқан асат-
қанни учиккән д'авдәй илрақантакан мавугләнниән бисин. Орарбу илбөритән.
Эвән-этикэн һөв нөду орам һинмарид'и, мавуглан, чйдалән бисилэ, н'убукәч

көйтөч көкөдди йаакам һоруқанни. Н'ан-да гаавми, тарав-ат н'убукәйәкәм йаақачайақам д'авран. Тикулрид'и, этикән һоруқаңчай йаақачаңами, һәнкиднн-кән, д'әлгәнкә эрәв-эт долбанив, д'әбдән – н'иуитникән гйиш. Тадук н'ан-да иливми мудусми-да мавутләми, тарават көйтөпчив көкөдднв кән'элив орйаакам д'авран.

Этикән, һирәлрид'и, мавутн эникән атәлрә, орам әңид'и ирәснән төрли, н'ан бәнн д'уләпән бәдәләнн әдәтән төрлә иссә. Тиминақлан көкәңәри, – гәнни этикән, һирниқан. Ноңартан итунд'итан асәткән таду оранду бадунна бисин.

Н'әлтәк унәт ач мәргәнә дәсчирин. Эн'инни тәндун бутәнәлрин, туркуттин йав-да д'әбнә, н'ан қолла. Арисақ этикән-матақанд'атан икәникән, ин'инни-кән, һопчаниқан, гирқавәттин. Ноңандун аңғамтав ойған һаңанритән. Ноңан ади д'у бисили кубәтлин н'әмәгрән. Тойнәрәкәтән өмнөкән-тә өмәм орам манноттән.

Иләм инәу бисид'ур, һөрәннәтән бисин.

Бад'икар мәалрид'и, Н'әлтәк амәнни этикән ән'әгәрлә һәрид'и, көйәттән: йәми гйиш оран илаттан әйдуд'ин бәдәлд'и, уқал әгд'әсуқән бча.

Н'әлтәк мәргәндүләй әмрән, ән'инни-дә н'ақсуқан бднн.

Этикән, асәткән амәнни, д'улай әмрид'и, гәнни:

мандан'а-мандан'а, һуту, мин аяаври-у,
һину һавки н'уичән
һин тачимур бидәс
мандан'а-мандан'а, тиәмн-дә һәрсәли
әри'ул арисаң'и
мандан'а-мандан'а. Орјас-да һәвки
айу н'уиримдәс
мандан'а-мандан'а өмән долбала
бәй әтин һәр бднн.

Н'әлтәк ән'инни-дәмәр гәнни:

н'улгинә-н'улгинә, толқундурив-а бй
һй айнч биддивус
н'улгинә-н'улгинә, һәйә һурәси, н'ан ораһси
бисивән гәгәлә төрлә.

Асәткән, эникән йав-дәтәрән, долчиддән. Ун бимнин гәнни:

Аяаври-у мин амму, бүрин'и
Һөрәннәв дәли бднн, бүрин'и
әсиләй һәр төрлә, бүрин'и
йақ урәччән үчиқу, бүрин'и
Һинмачавус, ичимсәм, бүрин'и
Амәнни барәдрән:

мандан'а-мандан'а, өмни-у һунад'у,
ад'ит-та һәрәниәс
дәлисуқан бднн
мандан'а-мандан'а, тар-та бимн, һулиң-о
итун н'уи'чәд'и
мандан'а-мандан'а, һй һәрәд'илим-мәх
бад'икар ичиннәс үчики.

Асәткән ойған һә нәдәриган, һй-дә әч таррочим итгә. Тимин һй-сәрәп д'әбәд'әку ириннәтән бисин. Илән бәй буйунәритән уйамқам, илән бәй бәйчинәрәл әгд'әтәв, илән-дәмәр – әңтирив. Йисәчин кубәччур бәйчинәрәл ай ийсулкән әмритән.

Йисәчин, һукләсәнд'идникән, ән'инни асәткәнтәки гәнни:

н'улгинә-н'улгинә, асәткәңу, әд'и һабуткир
н'улгинә-н'улгинә, һин балдә'аки төрәңәс-тә-гит
н'улгинә-н'улгинә һину һән-а әливуи

н'улгинә-н'улгинә. Буйусәмнәлти кубәччур ай
ийсулкән әмритән

н'улгинә-н'улгинә таррочим бә-та әчәвур итгә

н'улгинә-н'улгинә һинду эрәк һиги һуңин ан'ин.

Әд'и һабуткир, ай бид'ин. Кубәччур һукләснитән.

Этикән, бад'икар миапирд'и, н'ан-да орантәки гирқаснин. Иттәкән, йәми оранни әгд'әмкәр бднн. Ноңан орантәки һәрид'и, билгәдун д'аврид'и, қорит-лән йивәлтән:

Мандан'а-мандан'а, эникән һину айнч һәр

мандан'а-мандан'а әтәл д'арғарив бй

мандан'а-мандан'а унурәмдәс, бисәм бй

мандан'а-мандан'а асәткәңу һинәч-тәкән йинәвән

мандан'а-мандан'а мандул'и, мандул'и, мандул'и

Кубәччур простимачак д'әбәд'әктәки кимәддитән. Бә ай һәкси инәң
бисин.

Д'әбәд'илдәвур әрәли тәдритән. Д'әбәңәтән тәндун әңәдә бисин, һәри-рил-дә-тит этикәр һәч мәалчиритән.

Атиқәлбәннаду арисаңду-әтикәндү бәкәләч ириттитән. Илән оран улрәвән тәәруттитән, илән әгд'әтә улрәвән ириттитән, илән уйамқан улрәвән һинәл-титән.

Кубәччир бәйил тәдритән, д'әбәд'илдәвур.

Асәткән амәнни икәд'илрән, төрәд'илрән:

Мандан'а-мандан'а, аяаврилбу һәррилбу д'әлбу бәйил-ә!

мандан'а-мандан'а, Н'ан'ин һамәнни итунни итучад'и

мандан'а-мандан'а, мут чакаптит әлә

мандан'а-мандан'а, эрәк һуәлдәмәчәк д'әбәд'әклән

мандан'а-мандан'а, Н'әлтәңәт н'ан'индук мусәм-рән

мутту, тәр бәйилдун.

мандан'а-мандан'а, н'амсич гәрпуттән

мут бәдәңдук Н'әлтәктут.

Мандан'а-мандан'а, ноңан йини н'әсәлкән бидән

н'ан'иңәт увәчин һәрин, нәд бидән.

Мандан'а-мандан'а, ноңан д'улан әрәңәр һәйә д'әбәм бидән

эрәк мут һуәлдәмәчәк

д'әбәд'әкәт урәчин.

Мандан'а-мандан'а, эрәк мут төрәңәт йини

әрәңәр ноңман әрәлчигрәдән

мандан'а-мандан'а, гору йндулән, көкәриклән истала

мандан'а-мандан'а, эрәк мут ай мулгунти

нинқамиччин бидән әрәңәр

мандан'а-мандан'а, ноңан гор йндулән

әсиләт һәр төрлә.

Мандан'а-мандан'а, мут әлә гәнчәт

һин йндулән мийтәрәмкәндән.

Мандан'а-мандан'а, мин һунад'у кубәттукун нәд

мут төрәңәт ойлән.

Этикән атиқәлбәнна этикән-тики әсәнни, тадук гәнни:

Мандан'а-мандан'а, һй мут мәтәкәт бдәри

мандан'а-мандан'а, чақәлчәлдук чәләдуқун

мандан'а-мандан'а, чиқти, мәргәч, әңи, һавай

мандан'а-мандан'а, тәми һәри һй айнч

мут итумун әсирәптук бичә

мандан'а-мандан'а, тарак д'угудун йәду бәйәл

атиқәлбәрид'и, бид'илрәкәтән

мандан'а-мандан'а, ноуан илан инёуна
 бэйиу асиуи долчинан.
 Мандан'а-мандан'а, тарав-у һача бид'ис, матақ-а.
 Тарав долдари'и, атиқалбанна этикэн гёни:
 Диалақа-дэалақа, иуэ-э, ад'ит гёненри
 дэалақа-дэалақа, бй тараву һарам
 дэалақа-дэалақа, һун гён'чэвусэн, итумусан
 дэалақа-дэалақа, айич мйтэрэмкэнд'им.
 Дэалақа-дэалақа, тарав-у кейэд'ис, кейэд'ис
 Н'элтэк аманни гёни:
 Мандан'а-мандан'а, тизак һу долдас-а
 мандан'а-мандан'а, матақат эливмэн терэмэн иуэ-э, иуэ-э, долдору, -
 бэйил барагра.
 Мандан'а-мандан'а, эсёс һу-ткэн долдэр
 долдан исёдхукуенти
 мандан'а-мандан'а, ичис-и, һакинтаукуэрти-дэ-тит
 диллбур ноукэддэ.
 Мандан'а-мандан'а, долдан мут биракчауат
 н'ан урэкчэуэрти.
 Мандан'а-мандан'а, итгин, н'ан долдан мут н'элтэуэт
 тиэми-дэ энгэкэйэ н'амалран
 н'ан уёринни-дэ һё.
 Мандан'а-мандан'а, мут нёд һунад'ит
 Н'элтэк гэрбэд'ин
 гэрбэдэртэн Н'элтэк.
 Дэ бэйил д'эбэд'илритэн. Эйду бэйил д'алуриган. Тадук икэд'илритэн,
 һэд'элритэн, эвэритэн долбаниклан. Бэттид'ур, бэйил һуклэснитэн.
 Н'элтэк аманни н'ан эн'инни туркуритэн һуклэснэ. Эн'инни һуттэкий
 гёни:
 Н'улгинэ-н'улгинэ, асатқажу айавриэ-у омниэ
 Н'улгинэ-н'улгинэ, д'оучили эрэкэр аймакан
 Н'улгинэ-н'улгинэ, муну д'оуам, гэлэтни-ул
 Н'улгинэ-н'улгинэ, йндулэс маңи бдэкан-ул
 Н'улгинэ-н'улгинэ, эрэкэр тоу улиткэрэл'и.
 Аманни-дамэр гёни:
 Мандан'а-мандан'а, һулинэ, һулиб-о,
 һуэллэниэт бди
 Мандан'а-мандан'а, илэ-дэ һерми, һини'ун-дэ
 эд'и бк-та Учики улэгрэкил, эмэгрэкил
 Мандан'а-мандан'а, ноуан һинду омнис йни
 һини'ун миндук һерп'ин
 Мандан'а-мандан'а, һинду һуэлэм бдэкан
 илэ-дэ-тит, бк-дэ-тит айд'ин.
 Мандан'а-мандан'а, эд'и омугагрекил гён'чэв-у.
 Н'элтэк долчирин, долчирин, ноуэрбутан д'окран.
 Бад'икэр бдэкан, эвен этикёуэн, н'эрид'и, орантаки кейэттэн, эсни тэд'-
 эр. Оранни тэндун нёд бча, экич-тэ-тит укчёнр. Эгд'эте дин бча. Этикэн,
 һёкнид'и, һуги эрин. Н'элтэк д'укукий н'эрид'и, тарақамат учиктэкий нён-
 рэн. Оранни, ноуантэкий кейэтикэн, илаттан, йав-уг-та гёндэй н'экригчин.
 Н'элтэк, ноуман гуд'эникэн, билгалун (д'авран) кэмнун.
 Пёрдэур кимад'илритэн. Бэйиууэн-этикэнду учикқан буйум д'авритэн.
 Ноуантэкий Н'элтэк аманни гёни:
 Мандан'а-мандан'а, ясчимэчэлдук һи һёуатан бисёри
 Мандан'а-мандан'а, һёйав бёу дабдуканис

тиэми-дэ һи мэргэч, эуи бисёри.
 Мандан'а-мандан'а, бй һинду айиуи орми һепкёнэм
 Мандан'а-мандан'а, нулгёдникэн, эдэс һилра.
 Таррочин оран, эуи бими
 ноуан мёкукэччоттэн
 Мандан'а-мандан'а, һи матақ бисёри-ёсёри
 һачас бид'ин тарав-у.
 Этикэн-бэйиуэн, тарав долдари'и, һопчалран:
 Дэалақа-дэалақа, иуэ-тэ, иуэ, һарам, һарам
 Дэалақа-дэалақа, йак-та урэчин эуи
 оран-гал тивнэвкэнд'им
 Дэалақа-дэалақа, һинмача-а, һинмача-а һердэкун-э.
 Эн'инни н'элтэктэки гёни:
 Н'улгинэ-н'улгинэ, асатқажу манрули, эникэн һоура
 Н'улгинэ-н'улгинэ, бй-дэ эсём һоура
 Н'улгинэ-н'улгинэ, һерэдникэн, энмэй һоура.
 Мандулиэ-э, мандулиэ-э.
 Тачин-тэ эмёллэрэртэн, омэм-дэ инчамтав эникэн тикукэн. Н'элтэк учик-
 лай ун, амэрдад'и инэлкэрбу оркэрбу элгёснэн. Бэйиуэн-дамэр-этикэн, усчи-
 ми, туркун, оранни тэндун мёкуссэн, д'ул эрэлитэн, тутэникэн, н'ан эти-
 кэйкэм усичуан эмэрлэ д'олла. Ноуан аран илран, эникэн мултур орам. Н'эл-
 тэк ноуантэкий гёни:
 Оран бан, бурин'и
 балпад'актук гёрдук һөрүэ, бурин'и
 тарав-у һи һарри, бурин'и
 тэми д'уллэ һалгань, бурин'и
 гиркэсбракэс ай, бурин'и.
 Тачин ноуэртан һерритэн. Аманра һурэлэн мудандулан иссид'ур, тивнэ-
 ритэн. Н'элтэк амэски исчинэн, унэг ичуритан бэйил, қалур давсаниқан илат-
 тил. Н'элтэк инчамтай тэсёснэн, учики илбёснэн, оранни тибаснэн. Эти-
 кэн-дамэр асукут гёрли, учики ириқан, гиркэддан. Ноуан тэндун һекэлчэ,
 учикэн-дамэр унэг мйтэн, эмэбёникэн, н'ан омними д'улэски һутниқан. Урэк-
 чэндук эвритэн. Этикэн һёч һэттэн. Пётми-дэ, ноуан асиутикий һопчарин,
 эсэмдэс һэччэ бидэ. Ноуан д'улэгэч гирхарин һалгань. Учикэн н'ан-дэ
 ил'ин, н'ан д'улэски нёнэсчид'ин. Этикэн һодмарэч һэттэн. Н'элтэктэки,
 эсэнид'и, гёни:
 Дэалақа-дэалақа, мин асиуив, долчили
 Дэалақа-дэалақа, учиктэкий ил'л'и
 Дэалақа-дэалақа, би-ккэн н'он'амалрам, урэмэлрэм.
 Н'элтэк гёни:
 һари һи, бурин'и
 мун итундулавун, бурин'и
 бэй эниэн н'экрэ, бурин'и
 асиуи бисидун, бурин'и
 тэми һи һерли, бурин'и
 урэкчэн чидаткин, бурин'и
 би-дэмэр алэчим, бурин'и
 Этикэн-аринқа гёни:
 Дэалақа-дэалақа, би ирқанһарам
 Дэалақа-дэалақа, тарав-у эйду һарам
 Дэалақа-дэалақа, һи мину эду алэтли.
 Тадук һөррэн омэккэн урэкчэн чидаткин. Тэгэлэ һөррэн, оддан ичурий.
 Н'элтэк д'омкэртэн: учик урэкчэ бид'ин, илраку ай. Илэсчилрақан, йам
 учикэн бэйгэчин гёрэснэн:

Айаврив-у һүнңив-у, һөр'-һөр'
 Айич долчили мин гөни-у, һөр'-һөр'
 Эд'и илқир мин ойдукув, һөр'-һөр'
 Тиеқ ноңан эмд'ин, һөр'-һөр'
 Н'ан д'эбэмәлрид'и, гөнд'ин, һөр'-һөр'
 һй-дәмәр эникән илрә, һөр'-һөр'
 һйсөчин-дәмәр ноңан, һөр'-һөр'
 аңуаттавр гөнд'ин, һөр'-һөр'
 һй-дәмәр гөңәри, һөр'-һөр'
 өмәккән һукләдән, һөр'-һөр'
 һй бәйд'и-дәмәр, һөр'-һөр'
 мин ойду-у һукләми һукләли, һөр'-һөр'
 Тачин укчәнмәчлэдәкәтән, ариса-этикән туттән. Ул'гимин:
 Дәалақа-дәалақа, һйин'ун укчәнмәчид'инри?
 Дәалақа-дәалақа, гөли-си һинмач-а.
 Н'әлтәк бараһран:

Йәми ирқанһанри, бүрин'и
 бй-чәкән өмәккәтән, бүрин'и
 һйин'ун, укчәнд'им, бүрин'и
 бй бәйд'и, бүрин'и
 өмәккән, тәрәрем, бүрин'и
 гәләнми амми, бүрин'и
 гәләнми эн'ми, бүрин'и
 гәләнми д'әлби, бүрин'и

Этикән-ариңқа гөни:
 Дәалақа-дәалақа, иңә-лу, иңә-лу.
 Дәалақа-дәалақа, бй һәрәм, бй һәрәм
 Дәалақа-дәалақа, д'әлби гәләнрибус.
 Дәалақа-дәалақа, гә, бй д'эбэмәлрәм
 Дәалақа-дәалақа, үчиктикий илли-си
 Асатқан гөни:

Эд'и минәч ин'инкәр, бүрин'и
 һй бәй бисәри-әсәри, бүрин'и
 йәми миндук д'уллә, бүрин'и
 д'эбэмәлд'инри һй? бүрин'и.

Этикән-ариңқа һөпчалран:
 Дәалақа-дәалақа, гуд'әйә, бй гәд'әри
 Дәалақа-дәалақа, бй ирқанһарив-у
 Дәалақа-дәалақа, бй бй, асидук д'уллә
 Дәалақа-дәалақа, д'эбэмәлдәку гәд'әри,
 Дәалақа-дәалақа һинмач-а һөррәп-ә.

Тачин гөмни-тит д'уләски гирқасһан. Һөррә н'ан чәски.
 Һйсөчин һәтәрәлрәкән, ариса-этикән илрид'и, гөни:

Дәалақа-дәалақа, илли-си үчиктукий
 Дәалақа-дәалақа, әду аңуатчип
 Дәалақа-дәалақа, гөнәм илли һинмач-а

Н'әлтәк гөни:
 Бәйиңу һй минңи, бүрин'и
 итумун мун әррөчин, бүрин'и
 аси өнән, бәйиңу'уми һукләр, бүрин'и
 Д'уләпәлдүлә илан инәңәндүлә, бүрин'и
 һй тарав-у айич һәри, бүрин'и
 һй тадувр һукләсли, бүрин'и
 бй-дәмәр үчикти-тә һукләсәнд'им, бүрин'и

Этикән һөпчалран:

Дәалақа-дәалақа, эд'и гәд'әкир, ирқанһарәм
 Дәалақа-дәалақа, һәрәм һүн итумусән
 Дәалақа-дәалақа, илан инәңу чөптәрә
 Дәалақа-дәалақа, әтәм һину һуһрир
 Дәалақа-дәалақа, дагрит бәкәләч-дә һукләгәр.

Тарав гөнид'и, ариса-этикән дәсчисәминән-тә, гараһәм-әт һукләсһин,
 һөч һәрид'и.

Ноңан әнтәкәйә һукләсәкән, оранни н'ан-да тәрәлрән бәйгичин:

Мин һүнңив-у айавриву, һөр'-һөр'
 Эрәк бәй эливун ариңқа, һөр'-һөр'
 тәр һәрәлән бивәтти, һөр'-һөр'
 ноңан муту гапри, һөр'-һөр'
 мән ариңқанәлтәкий, һөр'-һөр'
 Ноңан асиңан бисни, һөр'-һөр'
 һурәли-дә бис, һөр'-һөр'
 Ноңартан алачидда, һөр'-һөр'
 муту тала д'әбдәвр, һөр'-һөр'
 һй әнәс ир д'улатан, һөр'-һөр'
 бн-да, ичикән-дә-тит, һөр'-һөр'
 илдас гөнәкәтән, һөр'-һөр'
 эникән илрә миндук, һөр'-һөр'

Ун тачин тәрәдәкән, ариса-этикән, мәалрин, мәаламһин, улгямрән:

Дәалақа-дәалақа, һйгли укчәнәнри
 Дәалақа-дәалақа, гөли-си һинмач!

Н'әлтәк бараһран:

Һйгли-дә әсәм укчәнрә, бүрин'и
 мәнәкий өмәккән, бүрин'и
 әнтукун тәрәрем, бүрин'и
 мән д'әлби гәләнми, бүрин'и
 һй әдәс мәалра әнтукун, бүрин'и
 һйвартань тәрәрем, бүрин'и

Этикән-ариңқа илрән. Эрәли мәнриттән, йәми үчикән ачча, дәрисәнчә. Ир-
 кәлрән ариңқа әнтәкәйә, тәр-дә-тит һогһаләһсан:

Қәәқ-қәәқ, йәми бй д'уллә-ти ноңман әчуд'әптә.

Тадук дүләски гирқасһан. Тачин һәригәтән унәт өмәм инәңу. Һйсөчин-дә-
 мәр әтикән н'ан-да гөни:

Дәалақа-дәалақа, илли-си орандук
 Дәалақа-дәалақа, д'эбәдгәрирә һукләсәндәвр.

Н'әлтәк бараһран:

Н'ан-да ирқанһанри, бүрин'и
 йәк һй әвәч бисәри, бүрин'и
 әтән һонрин бис, бүрин'и
 минду һин'ун, бүрин'и
 бй бн-да маңчид им, бүрин'и
 исәннәт д'үткивр, бүрин'и
 өмәм инәңу әмәлтән бүрин'и

Ариңқа-этикән н'ан-да һөпчалран. Гә, бисәдән, гөнид'и, дәсчимәһин,
 һукләсһин. Әнтәкәйә һукләсәңчәлән, оранни һивартань тәрән:

Һәәқанчили, айаврив-у һуңһиву, -у, һөр'-һөр'
 Мут тимһа исчил, һөр'-һөр'
 Эрәк ариңқа д'улан, һөр'-һөр'
 һину илдас гөнәкән, һөр'-һөр'
 һй миндук эникән илрә, һөр'-һөр'

Ачча бддв һаңһари, тирғақи
эли һирқан'д'и, тирғақи
Тачин гөнид'и, һирқами һучисән дәрбургәс дәлилан биси һаакитала.

Тадук гөни:

Кусиндулэ ачча бдуку, тирғақи
Дулакһандули оқурид'и, һабулд'ин, тирғақи
ай-дәмәр бисәку эчин бид'ин, тирғақи
эрәкәр эрәв-у мәнриткәрәли, тирғақи
Н'әлтәк гөни:

Бәйиңу, мин аяаври-у, бүрин'и
буләрбу дабдуқанид'и, бүрин'и
һинмач мучули, бүрин'и
Гали мин үчкиу, бүрин'и
ноңан һо әңи, мәрғәч, бүрин'и
һиду-дә әти добдәр, бүрин'и
һи айич ноңман д'авәтти, бүрин'и
эд'и он'әгрәкәл әгд'ән һаакитала, бүрин'и
ирәтлә-ткөн он'әгрәли, бүрин'и
табған бидән һиңтәлкән, бүрин'и

Иңә-ә, - гөни бәйиңән, простимәттид'и, Н'әлтәк үчиктикии һәңрән, бил-
гадун гуд'әнид'и, тәрәлрән:
Үчкиу, мин аяаври-у, бүрин'и
өмнив һин мин д'алдукув, бүрин'и
һи мину ариңқә йттиқун айрис, бүрин'и
тәндун әсәм һину мултумсә, бүрин'и
йақ әкичин һини'ун һуәлдәр бүрин'и
һи-дәмәр мин өмнив орму, бүрин'и
Мин бәйиңу балинәс, бүрин'и
ноңман буләрдуқ дисучиннәс, бүрин'и
һами мөвәму кән'әли тәһрән, бүрин'и
он-уч-та һини'ун әмәлдизә, бүрин'и
мин тәрәму долчигрәли, бүрин'и
әнтәкәйә һәлпәм бәкән, бүрин'и
һину эрид'им, һоңниқән, бүрин'и
мәни айич д'авутти, бүрин'и
мут буләрти һәкидукутән, бүрин'и

Тәрәри оддид'и, Н'әлтәк һоңһарән. Ораһни гөни:

Һүңһив, мин аяаври-у, һәр'-һәр'
Айиңу, эд'и һоңкир, һәр'-һәр'
Бй һину бә-га әтәм омңар, һәр'-һәр'
Бй әдәй һәррә и'әквив, һәр'-һәр'
Һй бәд'и һерукәһири, һәр'-һәр'
Бй унурам тарақ һада, һәр'-һәр'
Бй эрәкәр долчигрид'им, һәр'-һәр'
Һин эрири долгамус, һәр'-һәр'
әмәкич бисәкән тарақам-әт әмд'им, һәр'-һәр'
Һй гали билгәдукув, һәр'-һәр'
д'апқам һәғәмәв иңәтү, һәр'-һәр'
таралбу усиндәгрәһәри, һәр'-һәр'
йақ-ул кән'әли бәкән, һәр'-һәр'
мину д'омкатли, гөниқән:
бли д'апқән бәдуләкән
кәми урадән, һәр'-һәр'

Н'әлтәк, һоңниқән, гадни д'апқам иңәтү. Тадук һуәлдәритән, әмәлдә-
ритән.

Н'әлтәк өмәккән д'әр һугәкән әмәлтин. Бәд'и буйкуснәвәттән. Һадун
һирқам итнәвәттән, бәйиңу әмәнчәвән дәрбуқәс дәлилан биси һаакитала
һирқан тачин-та илаттин, н'әлтәнтәки гилрәлкинниқән, Н'әлтәк тәндун орми
гәләрин, д'омқәтгәһири-дә, һадун һоңһәттән.

Тадук өмәй аңһан иәлтәни, тадуқ-гә аңһан. Бурәли әнтуқун исуритән,
гөли әвиритән. Асатқән һәсминчә әвирин, һуркән-дәмәр-һәкич.

Өмнәкән Н'әлтәк һирқам итнәрин. Һирқан оқуча, дулуқундулин әнтуқукән
һәйүпча бисин. Тарав иттид'и, ноңан һоңһарән, ораһла тикрин, гору-гору
дәсчирин, һурәли д'әми, илрин, д'үткии һәрдәй. Әсәнид'и, иттин, һирқан
дулуқундулин һәйүптән. Н'әлтәк, һирәнуқәһири, д'үткии һәңд'илрин. Д'у-
лай йриқән, һурәли-дә һоңһәддәтән. Д'әбәмәлчәл бид'ир гөниқән, ноңан тоқ-
ла н'имәлкәм иәкәв һоңрин. Тиәк д'әбәд'илд'ип әд'илрә һоңрә, - гөни
ноңан. Һурәли-дәмәр һоңмәрәч һоңритән, әһикән одда. Н'әлтәк улқуд'ил-
рән. Тоқ һәми-вут-та әнтәкәйә һәһ'илрән. Ноңан тоқла иләнү мөв һәсчилрә-
кән, тоқ дәлилан тәрдуқ һәһәмкәр һиән, н'ән дилән һиән тарақ-әт ариңқә-
әтикән.

Кәәқ-кәәқ, аләтти, бй әмрәм,
кәәқ-кәәқ, аләтти, бй әмрәм, гөниқән йрқан ариңқә әтикәнни. Н'әлтәк олаһдән,
һәкәркиминин, оран әмәнчәвән иңәтәлбу усиндән, гөниқән: бли д'апқән бәдә-
ләкән кәми урадән. Һурәли эриқән, д'улай йчилрәкән һурәлтәкки, д'уақ
ариңқә н'ән, уқал аңһан һуәлиқән бә. Уқал д'әпчә һурәлбән. Н'әлтәк
йәв-дә әч д'әһчир, он-дә ойчичәй урадәндула. Әтикән-ариңқә-дәмәр асуқут
ноңман һәкәһири. Ариңқә турқун оңиңа, ураған һо гуд бисәкән. Урадәм
әрәли, турәниқән, өләкчирин:
кәәқ-кәәқ, тала һурәли әмәптәтән
кәәқ-кәәқ, ноңһарән һину эрир
кәәқ-кәәқ, бй әтәм д'әлпә һину.
кәәқ-кәәқ, үчикәс д'әбәй әмрив
кәәқ-кәәқ, әвили һинмач, һурәли эрир.

Н'әлтәк-дәмәр һәрин. Һурәли ачча бисәвүтән, ариңқә д'әптивән ноңар-
бутән.

Н'әлтәк, һоңниқән, орми эрин.

Эрб-о-й, эрб-о-й, эрб-о-й!

Мин орму аяаври, айиңу, бүрин'и
бдди минду һәлпәм иңәһ, бүрин'и
н'ән-дә әмрин ариңқә-әтикән, бүрин'и
Аяаврилбу һурәли д'әлтин, бүрин'и
һб-о-й, һб-о-й, һб-о-й!

тәғәһидәм бй урадәнду, бүрин'и
кәмидуқ опчадуқ, һин гөһчәһири, бүрин'и
Ариңқә-дәмәр һәһүсчин тарав, бүрин'и
мину д'әбәй қасәһәт, бүрин'и
О-о, мин орму илә һй бисәһири, бүрин'и
Илә һй қоритилси, күбәчәһири долдәваттил, бүрин'и
Илә һй йасәләлси, әйду ичәһттил, бүрин'и
Иччим-гу һину, бй, әтәм-гу, бүрин'и
Долдәд'им-гу һин қоқчинси йвән, бүрин'и
О-о, мин орму д'әһли, бүрин'и
көкәннәв иләһәв бдди, бүрин'и
өмни бй, әвәсәлдуқ әмәпчә, бүрин'и

Н'әлтәк һоңрин.

Арисаг өтикөн-дөмөр, урадан һәрдәдун гэгәтникөн, ин'иниддән, мээсамат-никән:

кәәк-кәәк, кәйәтти гар
кәәк-кәәк, һин оранси эмәддән, һо-һо-һо-о.

Тадук исәнән, амһадукун тәбар тикрин. Тәбару гадид'и, этикәнариңкә, ил-рид'и, һонад'илрән урадан өмән бәдәллән.

Н'әлтәк гәндун һәтгән, һонрин, һонрин, тарбат-га һукләснән. Мәалрид'и, итгәкән, йәми өтикән ариңкә урадан өмән бәдәллән уқал мукчә. Ноһан, гә-гәтникөн, һотәддин, һөч һөкәл'чә, һәччә-вул бид'ин.

Н'әлтәк н'ән-да орми эрид'илрән:

Мин орму, һинмач туттәтә, бүрин'и
мин орму, өйли дәггәтти, бүрин'и
әчис-ку долдәр мин әрири, бүрин'и
д'әвли, аһәри-у, гуд'әннә орму, бүрин'и
Ариңкә уқал урадаму өмән бәдәллән мукрин, бүрин'и
н'ән тикәк д'әйис бәдәллән һонад'илрән, бүрин'и
әмини, мин орму, мин гәәв өмәннә, бүрин'и.

Ариңкә илрид'и, н'ән-да һонад'илрән урадан д'әйису бәдәллән. Ноһан
ин'ирән:

һо-һо-һо-о!
кәәк-кәәк-гар, һин оранси эмәддән...

Н'әлтәк итгәкән, иңән'гидәдүк эгд'әтә-эмәддән. Эмрид'и, арисаг'ун
доромәттән, н'ән тәрәд'илрән:

Күр'-күр: йәв н'әкәд'әри эгә-э?
Күр'-күр: һөч һәччә бисәнри, һотәдди.

Арисаг бараһрән:

Кәәк-кәәк, эрәв урадам һайудай нәкрәм
күр'-күр, айич н'әкәри, эгә-э
күр'-күр, ноһан һоңаңивәлттин-мәда бәйиңән мәрәкән мин ақилбу эгд'әтәлбу
күр'-күр, тикәк һадан әдәгән тачин-н'ун мәкәттә муну
күр'-күр, әмули-э, минду һонаду
һи-дөмәр һотәдди
һоч һәччә бисәнри.

Этикән-ариңкә һөкүнн, дәсчиснән һәттәй. Эгд'әтә-дөмәр һонассан бини-
кән, тәбар тәрәд'ин урадан бәдәллән баһәкрин. Ариңкә гарәкәмәт һукләс-
нин, һөч һәтчә бими. Ноһан әнтәкәйә һукләсәнчәлән, эгд'әтә, ариңкә йәсәл-
лән н'ән'асиан, тәбару йччи гадид'и, иңән'гидәтти тибәснән. Этикән-ариңкә
гору һукләрин. Мәалрид'и, ирқалрән, әнтәкәйә йәләмәч, н'ән һәкәркини.
Ноһан йәсәлән набгәнча бисни. Ирқалрид'и, йәсәли һәрәлән н'ән-да һәнтәв
йәсәлгәй өн. Н'ән-да ичирән айич. Н'ән-да исәснәкән, амһадукун тәбар
тикрән. Тәбару гадид'и, н'ән-да һонад'илрән. Тачин д'әйису урадан бәдәл-
лән чикирин. Ыһәдәкән, иңән'гидәгид'и һонад'илрән.

Пәркү-пәркү, дорөва-а, эгә-э,
йәв н'әкәд'инрә-э
гачикан һәчкән?

Ариңкә укчәрин, өн ноһман эгд'әтә өләкчирән. Тарав долчирид'и,
һонад'илрән гәни:

Пәркү-пәркү, һо, эгә-э, бә-га-тит
эгд'әтәв бокми, амтуканд'им би ноһман

Пәркү-пәркү, һи айд'ит н'әкәри тикәк
Эрәк аси бәйиңән-мәдә
муну буйсәтти, һонакилбу

Пәркү-пәркү тикәк-тәмәр, эгә-э
муну ноһман һолутид'илгәлрән

һи һәччә бисәнри, һотәдди

би-дөмәр һонадәкү.

Ариңкә, гәд'әрид'и, дәсчиснән, н'ән гарәкәм-ат һукләснән. Ыһәкә һонассан
бисни, бәйд'и-дөмәр тәбар тәрәд'ин баһәкәддән уралан бәдәллән. Ариңкә
әнтәкәйә һукләснән, һонад'илрән ариңкә йәсәллән н'ән'асиан, н'ән тәбару
йччи гадид'и иңән'гидәтти һәтәкәни.

Адикум-ут-га һукләрид'и, ариңкә мәалрән. Тикүми, ирқалрән. Илрид'и
н'ән-да йәсәлгәй һаңарәлтән. Н'ән-да айич ичирән. Исәлрән-әси, амһадү-
кун тәбар тикрән. Ыһәд'илрән йәдуд'ин әүид'и. Ыһәрин-һәрин, һәттин.
Ыһәдәкән, иңән'гидәдүк өмәддән чәсә. Эмрид'и, гәни:

н'ән-н'ән, о, дорөва, эгә-э, йәв н'әкәд'әри?

н'ән-н'ән, кәйәтгәкү һөч һәччә бисәнри

н'ән-н'ән, йәв-тәкән эррәчин һәчкән гургәвинри-э, эгә-э?

Ариңкә укчәрин йәдүвән.

Чәсә гәни:

Н'ән-н'ән, эгә-э, тикәк би әливу бәлд'им.

Н'ән-н'ән, һоңаңчирин-мәда ноһан муну, чәсәлбу, бәйиңән мәрәкән.

Н'ән-н'ән, муну һонад'илрән йәдәдүк бәдәлтә,
һаңадукувун аһәри-у бәдәтән, н'ән муну кәвәттә.

Н'ән-н'ән, тәми-дә би һину бәлд'им, эгә-э.

Н'ән-н'ән, әмули-гә минду тәбару, би һонаду

һи һотәддәс, эгә-э

Ариңкә дәсчиснән, һәттин'и, тәми-дә һинмач һукләснән, Чәсә-га ариң-
кә йәсәллән н'ән'арид'и, тәбару йччи гадид'и. Иңән'гидәтти дәсчиснән.

Мәалрин ариңкә йәсәллән н'ән-да набгәнча. Ирқалрән йәләмәч, һөч әнтә-
кәйә. Н'ән-да йәсәли һәрәлән һәнтәв йәсәлгәй осиснән. Н'ән-да исәснәкән,
тәбар амһадукун н'ән, тикрән. Д'ә һонад'илрән урадан бәдәллән, чикирин
дәйису бәдәллән. Тундәкәй һонад'илрән. Д'ә һәкән, һәкән, һәкән, гән-
дун һәттин.

Тарәкәм н'ән-да иңән'гидәдүк һуличан өмәддән. Дагамрид'и, һуличан
тәрәлрән:

Н'ән-н'ән, н'ән-н'ән,
Дорөва, эгә-э, дорөва, һаңдиңит.
йәдәй әнтәкәйә гургәвинри?!

Н'ән-н'ән, һи һаңди бисәнри
эгә, һаңди мән абгәр бидәй.

Ариңкә укчәрин йәдүвән. Укчәрин ноһман өләкчирән эгд'әтә, һонад'и,
н'ән чәсә.

Һуличан тәрәлрән:

Н'ән-н'ән, н'ән-н'ән, о-о ариңкә-а,
йәк тикун'ин-а-а!
Би һонад'илрән мизл'д'им
һину өләкчирән.

Н'ән-н'ән, һи, эррәчин мәрәкәч,
өн әчис һар һонад'илрән
һө өләкәл бисивүтән.

Н'ән-н'ән, н'ән-н'ән, э-э, иңә-э, эд'и һаңди-а
бидән, уңгә әсәп амһар
Би тикәк бәлд'им, һинмач һонад'илрән.

Ариңкә тәбару бәд'и, бәйд'и-дөмәр дәсчиснән, һукләснән. Һуличан һонас-
сан бисни, бәйд'и-дөмәр тәбар тәрәд'ин баһәкәддән, урадан бәдәллән; тук-
тук, тук-тук. Ариңкә һукләсәнчәлән, һуличан, амһалән н'ән йәсәллән н'ән'-
асид'и, һәкәкәни, тәбару йччи гадид'и.

Гору һукләрин ариңкә, гадук мәалрин. Мәалрид'и, энгәкәйә һәләмәч ир-калрин, һамәрникан, гүмниһикән, арән-арән илрин. Илрид'и, исәлрәкән амүа-дукун унәт өмән тәбар такрин. Йәсәли һәрпәлән н'ән-да унәт йәсәлгәй Өн, н'ән-да көйәлрән. Тикуниһан, һөнәд'илрин, һинмач, муһакрин гунһису бәдәл-лән. Н'ән тадук һәһнид'и, ин'инилрән, өгәски көйәтһикән.

Н'әлтәк итгән ураданни иләм-түән бәдәлән әмәптивән, мәддән н'ән ура-дан гәтгәки кәавариван. Ноһан йәсәллан һәтәрәлрин, һәһниһан, орми Эрид'-илрин:

Эрә-о-й, әрә-о-й, әрә-о-й!
Айавриву орчаму, илә бисәһри, бүрин'и
әсәһри-гу долдәр мин әриму? бүрин'и
әсәһри-гу мәддә мин һәбуттив-у? бүрин'и
йәми әсәһри һй бәрәһәр, бүрин'и
Һәкиләвчә-гу бисәһри мәр буләрду, бүрин'и
Мән йәсәли, айич ичәдәтһий, һипкәһри-гу? бүрин'и
Һинма бәдәләс-ку д'әлгәһин дча әрәгәдун? бүрин'и
Һә, айаврив-у орму, илә бисәһрә? бүрин'и
Иләм-тақан урадан бәдәлән әмәптә, бүрин'и
Иләм инәһу бисид'и, бй, бүрин'и
Ариңкә әси д'әлур амүәлән бид'им, бүрин'и
Муһакгай-гу өмһиләй бй һину иттив? бүрин'и
Д'әвли-си, мәни һәвәһли, мин орму, бүрин'и.
Арисаҗ-әтикән ин'инилрән: һо, һо, тар, һин орәнси әмәддән, - йрүһәрин
ноһан, н'ән'интаки н'унәтһикән. Тадук н'ән-да н'унивән урадан бәдәлән
һөнәд'илрән.

Әләкәс-тәкән һөнәд'илрәһән, н'әңчак әмәддән, йәв-ут-та амүәд'и д'әву-тһикән.

Үо-ү-уон, дорәвә, әтә-ву
уо-у-уон, йәв һй н'әкәд'әри?
Һотәд'әсли әнтуһунь
Үо-ү-уон, д'әбәмәһис-тә бид'ин, гуд'әйә.
Әрәк гавәр аси орәнни улрән.
Үо-ү-уон, бй гәһумчав ноһман баһрив.
Мәрид'и, һинду-дә, әтә
әмүрәм һәкәргәй.

Тарав долдәрид'и, Н'әлтәк мәргәһи бәрин.
Ариңкә-әтикән укчәһрин, Өн ноһман д'әлгәһкәл өләкчәвәутән.

Үо-ү-уон, иңә, иңә, тарав-у бй гәһрив
Әдук д'әләски бй
ноһарлутән ичүкәд'им
гә, әтә, д'әбли долрә улрәв.

Арисаҗ-әтикән гәндун д'әбәмәһи-чә бисин. Д'әптһин улрәв, әһикән һәәр, та-чин-та н'имһәһикән.

Н'әңча гәһни арисаҗтәки:
Үо-ү-уон, гәк-гәмәр, әтә-ә, һәтәсли.
Бй-дәмәр әйдувән
урадам бәдәлән һөнәд'им.

Үо-ү-уон, мәалрәкәс һинду бид'ин
укәл ирчә д'әбән.

Үо-ү-уон, әсәкәс-н'ун мәалрә
һину бй һоручһин.

Иңә, иңә, һорутһәһри, әһикән омүәр йәми-дә-тит, - гәһни арисаҗ.
Үо-ү-уон, иңә, әтә, бй һәһиһирәм
һй һәтәсли йәми-дә-тит. Арисаҗ-әтикән һукләсәһ.

Н'әңчак н'ән-да н'ән'әһн ариңкә йәсәллан, амүәлән-да. Н'ән һәррән ин-ән'гидәтһи, йччи тәбару гадид'и. Н'әңчак, һәррид'и, н'ән-да мучун. Ариңкә-дәмәр һинүәддән, һукләкәтһикән, урд'и д'әвәтһикән. Мәалрин йрүһәһикән:
Һү-ү, йәк уру әһн-ә. Исәһнән, ноһан тарбәт-та йәсәлгәй Өн. Итгән н'әңчак
йәв-да әчәвән н'әкә. Йрәлрид'и, йрүһәһикән, н'әңчак һәтгән. Н'әңчак д'әл-
лә курәһ әнтуһунь тутһин, әтикән-дәмәр ноһман бәкәнд'иддин, н'әңчак-гәмәр
һәдмәр тутһин.

Һә-әк, н'әңчак бй һину йһив-тә н'имһәсбид'им.
Һә-әк, һи мину д'әбукәв д'әбукәһис. Арисаҗ-әтикән ноһман турһурин бәкәһ.
Ури д'әвәдәһниһан, иһикән н'ән-да илгәтһән, йрүһәһикән. Тачин н'әңчак
ноһман тәгәлә һәһурин. Арисаҗ-әтикән н'ән-да урадантәки әмрән. Итгәһән
йәми тәбарин ачча. Йәләмәч йрүһәһин, тәрли һамәрһикән. Н'ән-да исәһнән-
амүәдуһун тәбар тһирән.

Арисаҗ йрүһәһикән Н'әлтәк мәалрин. Итгәһән, әтикән унәт йәв-да әчә
һәһра, һә һәччә, һә һйрәл'ча, н'әңчак-гәмәр ачча. Н'әлтәк д'әмәкәтһән:
Әйду д'әлгәһкәл минду бәлрә, Өн, йәми?! Йй ноһарбутән әмүкәвәтгән?!

Арисаҗ-әтикән һөнәд'илрән, оләвәһниһан, иһикән, әрәли мәнригһикән.

Н'әлтәк н'ән-да орми Эрид'илрин:

Һә, мин орму, мин айаврив-у, бүрин'и
өмһив-у мин бәләмүәв, бүрин'и
илә бисәһри, долдәһри-гу мину, бүрин'и
Тһәк дәһлила ариңкә муһакһин, бүрин'и
урадан н'унивән бәдәлән, бүрин'и
әсәкәс-н'ун әмрә, мин орму, бүрин'и
Бй д'әбәд'им әду ариңкәду, бүрин'и
гәрәкәм мут әвәсәл һәһминтән, бүрин'и
мануд'ин мут тәрәһнәт, бүрин'и
О, мин орму, әһи, һинма, бүрин'и
әһни, бәлли мән һүнүд, бүрин'и.

Арисаҗ-әтикән йәми-вуч әч ин'инрә бәһтгәһпкһин ин'иниһәһиһи. Әрәли
мәнригһикән, н'ән'интәки көйәтһикән, әйдуһ'ин әһид'и һәһрин.

Иңән'си һүнүә һүнүәһин иңән'гидәдук. Тәгәһин бәһи. Иңән'гидәдук н'ән'-
индули һуги һәһрин, тәгәһирбу мәрәһинүкәһикән, н'ән'индули һәһурин.

Ариңкә тәгәһи-тәһн көйәтһин, һөнәд'иһан, һуһнч әмүкәһчәлгәһи һәкә-
ригһи тәгәһиртһи. Иңән'си әтән әдһин, бә-ут-та Н'әлтәкту ай бәһи.
Һуһи һәкә һинмач әһрин. һәкәһир тәгәһир ноһаргән өйәдәһтән бәһи, һәсәһки
тһәргәһитән.

Ун бһмһин һәкәһрин тәгәһин дәдуһун орән дигән қоһһини һәһн. Ө, орми,
мин айаврив, йрүһәһин Н'әлтәк н'ән һәһми, һәһлрин. Арисаҗ-әтикән-дәмәр,
тәбару уләрид'и, гүтәһәддин, йәв-да турһуми н'әкә. Орән һәсәһки бәд'ән-
рин, н'ән әйдуһ бәйәд'и ичүлрән. Арисаҗ-әтикән, чәмаһчәһ бәһид'и. һәһлрин
тәрлә гәбәһүкәһин.

Орән тәрлә дәһин, уһиһи һүрәлән әгд'әмкәһу һәкәһитав әмүчә. Ноһан һә
әгд'ән һәкәһитала бәһ'әпчә бисин. Н'әлтәк әһриһәһн долдәһһин-һит, ач һәт-
нәч һәкәһи һуһтәвән улид'илрин. Ноһан д'әлгәһкәлбу ариңкәһ әвәһидәтан
тһиһәһрән.

Н'әлтәк, урадандук әһрид'и, орми гуд'әһһи, уһивән һәкәһитадук атәлрән.
Тадук орәнни тәрәлрән:

йәк айһна, иһилдәһрәл, һәр'-һәр'
әһмә айич укчәһдәһур, һәр'-һәр'
тһәк гәһи: илә ариңкә?

Н'әлтәк гәһни:

Ариңкә, һинәч һәһлрид'и, бүрин'и
Чәмаһчәһ бәһид'и, бүрин'и

Һаңарла йрин, бүрин'и
тиэк эдәур-ә-си, бүрин'и
эмәлдәмәттә, бүрин'и
һй һотәдди, һәчәри, бүрин'и

Орәһни барәһән:

Ад'ит, бй һоч һәттәм, һәр'-һәр'
Ариса-дәмәр әһни муту аһич бивәән, һәр'-һәр'
Йндәт һойичһин, мәргәттәм, һәр'-һәр'
тиэк боқандақу, тимина н'адуд'ип, һәр'-һәр'
Ариуқә мәһһилби чақһин һәр'-һәр'
Бй-дәмәр әмәккән'бисәм, һәр'-һәр'
Тәһи-дә тиэк-ә-г ноһман боқаннав-у, һәр'-һәр'
һй әһтәкәйә д'авәтти, һәр'-һәр'
уһив һүрәдун, әһикән муһтур, һәр'-һәр'
мину-н'ун ноһән добуқанәһән, һәр'-һәр'
әдук һаңардук һизд'ин, һәр'-һәр'
н'обати чоғлиқа-укәнә, һәр'-һәр'
мәһрақу-дәмәр ноһман, һәр'-һәр'
әдук һаңардук һизд'ин, һәр'-һәр'
һиңгата һаңарин һуңәл, һәр'-һәр'

Тарав гәһид'и, орән, гурһата, дләһид'и, һаңарла йи, ариуқә гәбәчәлән.
Н'әлтәк, уһи һүрәдун д'авәттиқән, аһичдән йәк-та биннәвән. Уһи бимһин
йәһи уһи гәкәһин һәһрин, куһикәһин дһин. Уһив әһтәкәйә тәһһиритән, һәдун
абалукәватта. Уһи бимһин Н'әлтәк һаңарла н'обати чоғлиқав иттин. Ноһән
ирқасман, оләһдәһи, һәһләһи, н'ән һоңһлән.

Тәдук чоғлиқа бәһһитән, н'ән һуһән'әһкәр һизән. Тарав амәһрәдун һизән
н'әһчән'ә һуһән'ә һиңгата һуңәл. Н'әлтәк һәһһин. Орән н'әддән, таһи'алай
арқәһид'и ариуқә әһтәвән н'ән мәһман. Н'әлтәк һәһһи, һәһһәһлән. Орһи
билгәдун д'авәһид'и, гәһһи:

Аһаври-у орһу, бүрин'и
Әтәп тиэк дү-га-һит әмәлдәр, бүрин'и
Әмәтту әрәһәр бигәр бүрин'и
Йһий чәһтәрә, бүрин'и

Орәһни йәв-дә әч барәһән.

Тәһин ноһартән д'әһид'ур бид'илритән. Н'әлтәк һәһ аһич бисин ор'ун.
Әһнәкән үһиқән ноһангәһин гәһһи:
Долчили, һуһһив, мин аһаври, һәр'-һәр'
Бй һәһ һаңдәһән, һәр'-һәр'
Туркүһлрәм йуә, һәр'-һәр'
Мут һинн'ун әһин, һәр'-һәр'
туркүд'ип гору йндәур, һәр'-һәр'

Орәһни гәһһи:

Әд'и һоңһир, аһ бид'ин, һәр'-һәр'
Долчили аһич мин гәһһив, һәр'-һәр'
Бй аһчә дәһқу, һәр'-һәр'
Әһикән һәһлрә һиңһәһри, һәр'-һәр'
әһсәл һиңһоттиқһингән, һәр'-һәр'
Һәһри-у һәһтла һоңһһри, һәр'-һәр'
мин д'үв биһи, гәһһикән, һәр'-һәр'
әһсәл д'үлқән әрәһәр бидәһин, һәр'-һәр'
Уру дөһән уһиһәһттид'и, һәр'-һәр'
гәһһри, орәһ, буйур балдәһатән! һәр'-һәр'
Иһриһбу уһиһәһһри, һәр'-һәр'
Ноһартән урәһчәр д'ир, һәр'-һәр'

Иһиһәһлбу һуһһәһли дәһһлүкәһи, һәр'-һәр'
Дәһил, чүқәһәр дәһһән, һәр'-һәр'
Һуһлсәһид'ил'илһи, һәһрәһһри һәр'-һәр'
Мин мәһһу аһһидаләһ, һәр'-һәр'
бостәһлбу-дәмәр д'әһһиһдәһә, һәр'-һәр'
Әтәһ-ә, һй әтәһри кәһәр! - һоһрин Н'әлтәк. - бй-дә тәһи кәһәд'им.

Мин аһиһу һуһһив, һәр'-һәр'
Долчили мину аһич, һәр'-һәр'
Бй әһин бинһикән, һәр'-һәр'
туһһив оуқәһә-дә туркүһһин, һәр'-һәр'
Бй гәһһин-н'ун кәһһруку, һәр'-һәр'
һй-дә туркүд'инри, һәр'-һәр'
әһкән йуә әрәһлә, һәр'-һәр'
Мин гәһчәһһиһи н'әһми аһ, һәр'-һәр'
таракәһ-тақән-маһ, һәр'-һәр'
мут әһдә һәһһинһи, һәр'-һәр'
исуд'ин әлә гәһлә, һәр'-һәр'
һәһтәч дн-дә әһич н'әһкән, һәр'-һәр'
һй бәһд'и һәһри тарав-у, һәр'-һәр'
Тәһк мин дилләв гәһләһи, һәр'-һәр'
Кумкә бид'ин гәһ, һәр'-һәр'
Бәһһи, тарав чилқәһи, һәр'-һәр'
Таракәһ бй кәһәд'им

Н'әлтәк, һоңһһиқән, орһи дилләһ кумкәһ гәһләһид'илрән. Н'ән бәһһән кум-
кав. Ноһән д'үллә әч мәһһса тарав кумкәһ. Бәһд'и әч һәһ, дн-дә, дү-та
чилқәһри. Орән гәһкәһһин. Н'әлтәк мәһдән: орәһни кәһәддән. Орәһни кәһ-
рин. Гору, гору Н'әлтәк һоңһрин, н'ән одһин.

Иһрид'и, һиңһамтиһ гәһкәһһид'и, һиһид'илрән. Орән гәһчәһһинһи йәһдүвән
н'әһрин.

Һуһлсәһид'илһи, Н'әлтәк орәһни мәһһман аһһидаләһ нәһһи, бостәһлбән-д'ә-
гәһдәһә. Гору һоңһдид'и, тарбәһ-та һуһлсәһһи.

Әч һәр, дкн-дә һуһлсәһә. Ноһән мәһлрән, орәһ қоқһиртән кйсәһртән й-
риқән. Мән йәһсәһд'и әч тәд'әһсә: аһһидалән һуһлсәһһин һәһ нәһ әһи һлқән
бәһ, д'әһһдәһлән-дәмәр-д'әһ куһал: аһтқән, һуһкән-дә.

Тәһлә н'әһид'и, кәһәттәкән: әрәһи йәһи урәһчәр һиңһәһч дәһһттиқһин
ичуһитән. Тарроһин орәһтән һәһа бисһи.

Тәһин ноһартән иһд'илритән, аһич н'ән әһәһч.

Тарәһтук һәһа әһсәл дәһтән әрәк тәһ ойһән. Тарәһ әһсәл мут һоңһәһ-
һиһ биситән.

ПЕРЕВОД ТЕКСТА

Нәлтәк

Жили эвены. Жил очень богатый старик со своей старухой. У них было много родственников и людей, которые работали на них. Несмотря на то что старик был так богат, никого не обижал. Поэтому те, которые работали на них, очень уважали старика. У старика было очень много оленей. И он, и его люди были очень удачливые охотники.

Лето проводили на вершинах гор. Взглянешь направо – будто горы покрыты разнообразными цветами: столько много оленей, если взглянешь направо – будто горы покрыты снегом: столько много было у них белых оленей.

Старик не только этим славился. У него был единственный ребенок — девушка невиданной красоты и ума. Такую девушку мужчины не видели еще никогда. О красоте ее слышали люди трех миров.

Со всех уголков земли приходили люди просить ее.

Сколько бы ни просили, старик не соглашался.

Однажды отец и мать девушки начали беседовать, за кого выдать дочку. Не смогли найти такого красивого и умного, как она сама. Отец спросил ее: „За кого хочешь выйти замуж?“ А девушка ответила: „Надо устроить соревнование, чтоб узнать самого сильного. Они будут стрелять в кость подкопытного сустава оленя на расстоянии длины твоего аркана твоим луком, которым ты стрелял в молодости. И попадет (в цель) только тот, кто правильно назовет мое имя“. Никто не знал ее настоящее имя. Мать с отцом, переглянувшись, обрадовались. „Какая ты умница, — сказала мать, — действительно, твое имя никто не знает. А потянет (тетиву) лука твоего отца только человек, по силе равный богатырю“.

На завтра сказали, что дочь (их) выйдет замуж за того, кто луком ее отца попадет в кость подкопытного сустава оленя и назовет одновременно ее настоящее имя.

Настоящее имя девушки знала только одна старуха, ее нянька. Старуха была очень стара.

С разных концов земли приехали люди на соревнование. С верхней земли из трех знаменитых родов, с трех сторон средней земли и трех слоев нижней земли самые богатые, умные, молодые люди. Они готовились к соревнованию. Старик, взяв с лабаза аркан и лук, которым в молодости охотился на диких оленей, поднялся на вершину сопки и нашел глыбу камня величиной, равной двум бодающимся лосям.

Затем сказал:

Манданя-манданя! Сильные, ловкие
Люди молодые,
Слушайте меня.

Манданя-манданя! Вы, на этом камне,
встав на колени,
будете стрелять.

Манданя-манданя! Имя моей дочери,
говоря одновременно.

Затем, когда старик, собрав аркан длиной в тридцать маховых саженей, закинул — только стоял свист. Там, где упал конец аркана, старик поставил ветвистый рог лося, равный высотой с деревом. Повесил там кость подкопытного сустава оленя и говорит:

Манданя-манданя! Сильные, ловкие
Люди молодые,
Слушайте меня.

Манданя-манданя! Только тот попадет
В середину этой кости,

Манданя-манданя! Кто, выстрелив, сразу
Назовет настоящее имя
дочери моей.

Манданя-манданя! За того человека
выйдет замуж дочь моя.

Манданя-манданя! Тот человек
будет счастлив
всю свою жизнь.

Затем в течение трех дней и ночей проходили соревнования. Молодые люди, приехавшие из трех земель, стреляли из лука, соревнуясь между со-

бой. И никто не угадал настоящего имени девушки, а некоторые даже не могли потянуть тетиву лука.

А женщины, дети, старухи и старики совсем устали. Они забивали оленей, варили мясо, кипятили чай, чтоб угостить соревнующихся. На третий день, когда устали совсем женщины и дети, пошла за водой няня девушки, старая старуха. Водоем был под горой далеко от яранг. Старуха, еле спустившись с горы, набрала воды в кастрюлю. Возвращаясь назад, подскользнувшись, пролила воду. Вернувшись, опять наполнила. Поднимаясь, опять пролила воду. И опять третий раз пошла за водой. Старуха очень устала, набирая воду, запела:

Э-эйэ-э-эйэ-э! О! как я стара стала
И, даже воды-то не могу принести

Э-эйэ-э-эйэ-э! Своей любимой, милой
самой красивой внучке,

Э-эйэ-э-эйэ-э! Кто является мне утренним
восходящим солнышком моим.

Э-эйэ-э-эйэ-э! Кто является моей
Звездой надежды,

Э-эйэ-э-эйэ-э! О, столько много людей
С разных земель,
незнакомых нам
собрались здесь.

Э-эйэ-э-эйэ-э! Ой, как будет страшно,
Если попадут в цель
Из-под земли нашей
Приехавшие черти.

Э-эйэ-э-эйэ-э! О! Как будет плохо,
Если уведут мою милую
Доченьку Нёлтэх
В неведомые нам земли.

Э-эйэ-э-эйэ-э! Тогда не будет знать,
Доченька моя милая,

Э-эйэ-э-эйэ-э! Могила своей любимой бабушки
И только иногда вспомнит меня,

Э-эйэ-э-эйэ-э! Вдыхая тяжело, бросит
Костный жир в свой огонь —

Э-эйэ-э-эйэ-э! Бабушке своей, вырастившей
О, моя Нёлтэх!

Когда (она) пела так, из-под воды высунулась чья-то рука и, потянув старуху за волосы, окунула в воду; затем, приподняв, (кто-то) спросил:

Делаха-делаха! Чье имя
назвала ты?

Делаха-делаха! Скорей, говори же!

Старуха ответила:

Э-эйэ-э-эйэ-э! Ничего не сказала.
Сказала только сейчас:
Нога моя болит.

Та рука опять окунула в воду голову старухи. Чуть не задохнулась старуха, приподняв (кто-то), спросил:

Делаха-делаха! Говори, что ты сказала?
Говорю же, сейчас же скажи.

Старуха чуть-чуть вымолвила:

Э-эйэ-э-эйэ! Что я (ничтоженькая) знаю.
Говорю только, вспомнив
Имя своей матери.

Из-под воды опять послышался голос:

Делаха-делаха! Что же ты обманываешь!
Сейчас я тебя по-настоящему
утоплю в воде.

Делаха-делаха! Если не скажешь сейчас же.

Черт опять окунул голову старухи в воду — чуть не до смерти. Приподняв, сказал:

Делаха-делаха! Сейчас же убью,
Задушу в воде!
Делаха-делаха! Если не скажешь
Настоящего имени
Дочери старика.

Старуха, потеряв сознание, сказала: „Нёлтэк“.

Из-под воды послышался голос:

Делаха-делаха! Ну вот хорошо, „Нёлтэк“.
Тебя я отпущу.

Делаха-делаха! Если (ты) никому
не расскажешь потом,

Делаха-делаха! Что разговаривала со мной.

Делаха-делаха! Быстрей иди домой!

Старуха пошла домой, плача, проклиная себя, зачем вымолвила имя (внушки) дочери. Что же она могла делать, что уже вымолвила! Еле-еле доплелась домой, ничего не сказав, легла она и так и умерла, не вставая (с постели)...

Молодые люди так состязались и третий день.

Когда время шло к вечеру, откуда-то пришел старикашка. Одежда старика была совсем неприглядной, рваной, ноги кривые, рот до ушей, один глаз был больше другого, а волосы были растрепаны, как кочка, сам горбатый. Старик озирался вокруг и, глядя на молодых людей, сказал:

Делаха-делаха! Ну-ка, и я попробую!

Дайте мне лук (ваш).

У меня ведь тоже нет жены.

Молодые люди все засмеялись, глядя на рваную одежду, безобразный облик старика, и, шутя, смеялись: „Ха-ха-ха. Вот пришел жених, дайте ему лук, чтоб он стрелял“.

Так, подсмеиваясь над стариком, дали ему лук. „Да ты и тетиву не натянешь“, — смеялись над ним они.

Старик взял лук и пустил стрелу, сказав: „Трава!“ А стрела и не долетела даже до середины цели и упала на полпути. Люди, которые смотрели это, еще лучше расхохотались, катались со смеху по земле, расцарапывая свои животы, смеялись, прыгали: „Как ему взбрело в голову назвать такую красивую девушку Травой. Да и с самого начала мы знали, говорили, что это сумасшедший старик!“.

Старик ничего не говорил, держался, будто ничего не произошло. После него стреляли другие, но никто не попал в цель. Затем снова пришла очередь стрелять старика. Старикашка взял лук, пустил стрелу, говоря: „Птичка“. Чуть не попал в цель — кость подкопытного сустава. На этот раз никто не рассмеялся, удивились, когда чуть не попал в цель. Затем стали стрелять другие парни...

Находясь в яранге (своей), девушка сказала матери:

Мамочка, я, бурина,
Что-то чую, бурина.
Видимо, плохо кончится, бурина.
Это соревнование, бурина.

Мать (ее) говорит:

Нюлгина-нюлгино! Дитя мое, не печалься,
Нюлгина-нюлгино! Хорошо пройдет, дитя мое,
Нюлгина-нюлгино! Это соревнование.
Нюлгина-нюлгино! Но все же почему-то
Нюлгина-нюлгино! И мое сердце
Нюлгина-нюлгино! Сильно забилось.

Так и шло соревнование. Стреляли молодые люди, но еще никто не попал в цель.

Опять пришла очередь стрелять старику. Когда подходила его очередь стрелять, он каким-то стал очень бойким, не стал стесняться никого. Быстро схватил лук, окинул взглядом вокруг, тех, кто смеялся и шутил (над ним), выстрелил, сказав „Нёлтэк!“, и попал в самую середину кости подкопытного сустава, которая висела на роге лося на расстоянии длины аркана в тридцать маховых сажень. Те молодые люди, которые подсмеивались над стариком, не веря, что старик попал, чтоб как следует понять, сходились посмотреть.

Девушка, будучи дома и не видя это, в тот же момент упала без памяти. А мать ее молча схватилась за сердце и села.

Все те, кто приехал, собирались вернуться туда, откуда приехали. На этой земле остались только богатый старик и те, которые жили раньше.

Что же оставалось делать старику — эвену и его жене, кроме как готовить дочь выдать замуж за того старика-черта.

По их обычаю родители девушки должны были дать ездовых оленей и одеть их красиво. Эти приготовления должны были закончить в течение трех дней.

Отец девушки сказал, чтоб пригнали оленей. Чтоб поймать ездового оленя для своей дочери, он должен был только трижды закинуть аркан. Пригнали оленей. Старик-эвен, выбрав очень красивого оленя, закинул аркан, но поймал двухлетнего теленка оленя, тощего, заедаемого личинками овода, который был за тем оленем. Закинул второй раз аркан и поймал того же самого тощенного олененка. Старик, рассердившись, отпуская пойманного олененка, лнул, заклиная: „Пусть тебя съест зверь в эту же ночь!“ Затем опять третий раз, как бы ни стараясь закинуть, поймал того же самого заедаемого личинками овода подышающего плохонького олененка. Старик, рассердившись, не отвязав аркан, силой поволок олененка по земле и привязал так, что передние ноги не доставали земли. „Подохни до завтра,“ — сказал старик, сердясь. По их обычаю девушка должна ехать верхом на этом олене.

Нёлтэк все еще лежала без памяти. Мать ее совсем захворала, не могла ни есть, ни пить.

Старик-черт, их зять, расхаживал, напевая, смеясь, хвастаясь. Ему сшили новую одежду. Он заходил в каждую ярангу подряд ко всем. Когда его угощали, он съедал целого оленя.

Через три дня должны были ехать. Встав утром рано, отец Нёлтэк пошел к месту, где привязывают оленей, и увидел: стоит вчерашний олень, уже чуть выросший и упираясь всеми ногами о землю.

Нёлтэк пришла в сознание, и матери стало лучше.

Старик, отец девушки, пришел в свою ярангу и говорит:

Манданя-манданя! Доченька моя любимая!
Бог тебе велел,
Чтоб быть тебе такой.
Манданя-манданя! Стало быть, поезжай пока
с этим чертом.

Манданя-манданя! На оленя твоего
Бог указал, видимо,
За одну же ночь
Неузнаваемо изменился.

А мать Нёлтэк сказала:

Нюлгина-нюлгино! Видела я сновидение,
Что ты живешь хорошо.

Нюлгина-нюлгино! Много у тебя детей и оленей
Будто есть в далекой стране.

Девушка слушала все молча. И вдруг сказала:

Любимый мой отец, бурине.

Приближается время моего отъезда, бурине.

В неведомую (мне) страну, бурине.

Хочется мне увидеть, бурине.

Какого ездового оленя мне выбрал (ты), бурине.

Отец (ее) отвечает:

Манданя-манданя! Единственная дочь моя.

Правда, приближается

Время твоего отъезда.

Манданя-манданя! Но все же, дитя мое!

Согласно указанию обычая

Манданя-манданя! Ты только перед самым отъездом

Утром должна видеть оленя ездового.

Девушке сшили очень красивую одежду, такую, которую еще никто не видел. На завтра должны были сварить ужин. Трое мужчин поехали охотиться на горных баранов, трое мужчин поехали охотиться на лосей, а трое мужчин – за тетеревами.

Вечером все охотники вернулись, удачно охотившись.

Вечером, когда ложились спать, мать сказала дочери:

Нюлгина-нюлгино! Доченька моя, не печалься,

Нюлгина-нюлгино! И родная твоя земля тоже

Нюлгина-нюлгино! Правда, знает тебя.

Нюлгина-нюлгино! Все охотники наши

Приехали с упачной охотой,

Нюлгина-нюлгино! Такого мы никогда не видели.

Нюлгина-нюлгино! Это тебе подарок хозяина тайги.

Не печалься, все обойдется хорошо.

Все легли спать.

Старик, встав утром, опять пошел к оленю. Видит, олень (его) стал очень крупным. Он подошел к оленю, обнял его за шею и в ухо говорит шепотом:

Манданя-манданя! Не зная тебя как следует,

Прежде ругал я тебя.

Манданя-манданя! Мне становится понятным,

Что дочь моя с тобою будет жива,

Манданя-манданя! Старайся, старайся, старайся.

Все готовились к прощальному столу. Был очень хороший, теплый день.

Все расселись по кругу на ужин. Еда их была очень богатой, даже удивились уважаемые старики. Жениху, старику-черту, сварили отдельно. Поджарили мясо трех оленей, сварили мясо трех лосей и сварили на вертеле мясо трех горных баранов. Все люди расселись кушать.

Начал говорить отец девушки:

Манданя-манданя! Любимые, уважаемые люди мои, родные,

Манданя-манданя! По воле шамана неба

Мы собрались здесь.

На этом прощальном завтраке.

Манданя-манданя! Солнце наше улыбается с неба
Нам, земным людям.

Манданя-манданя! Посылает теплые лучи

Нашей красивой Нёлтэк,

Манданя-манданя! Чтоб ее жизнь была счастливой

Как небо наше, светла и красива,

Манданя-манданя! Чтоб в ее доме всегда было обильно.

Как этот наш прощальный завтрак.

Манданя-манданя! Чтоб наша земная жизнь

постоянно окружала ее

В ее долгой жизни, до смерти.

Манданя-манданя! Эта наша добрая мысль

была ей посохом всегда.

Манданя-манданя! В долгой ее жизни

на неведомой нам земле.

Манданя-манданя! То, что мы здесь говорили,

Пусть сбудется в твоей жизни.

Манданя-манданя! Дочь моя, красивее всех

На земле нашей.

Старик обернулся к старику-жениху и говорит:

Манданя-манданя! Ты стал нашим зятем.

Манданя-манданя! Из всех собравшихся ты

Бойкий, умный, сильный, знающий.

Манданя-манданя! Поэтому ты хорошо знаешь

Наш обычай с давних времен.

Манданя-манданя! По нему все мужчины,

поженившись, начали жить,

Манданя-манданя! В течение первых трех дней

Муж должен слушаться жену.

Наверняка знаешь это, зять!

Прослушав, жених-старик говорит:

Делаха-делаха! Да, правду говоришь,

Делаха-делаха! Я знаю это.

Делаха-делаха! Запрет вашего обычая

Делаха-делаха! Исправно выполняю.

Делаха-делаха! Это вы сами увидите, увидите.

Отец Нёлтэк говорит:

Манданя-манданя! Теперь вы слышали

Настоящее слово зятя.

„Да-да, слышали.“ – ответили мужчины.

Манданя-манданя! Не только вы слышали,

Услышал лес наш,

Манданя-манданя! Видите, даже деревья (наши)

Головы склоняют.

Манданя-манданя! Слышит наша река

И слышат наши горы,

Манданя-манданя! Видит и слышит наше солнце,

Поэтому греет сильней,

И яркость его особая.

Манданя-манданя! Наша красивая дочь

Названа именем солнца – „Нёлтэк“.

Затем люди начали есть. Все ели досыта. И пели, плясали, играли до ночи. Устав, легли спать.

Не спалось отцу и матери Нёлтэк. Мать говорит дочери:

Нюлгина-нюлгино! Единственная любимая дочь!

Нюлгина-нюлгино! Помни всегда хорошенько,

Вспомнив или соскучившись по нас,

Нюлгина-нюлгино! Встретятся ли трудности в жизни,

Постоянно угошай огонь

А отец (ее) сказал:

Манданя-манданя! Дитя мое, дитя!

Пришла пора расстаться

Манданя-манданя! Куда бы ни поехала, с кем бы ни была

Никогда не оставляй ездового оленя.

Манданя-манданя! Он единственный живой

От нас поедет с тобой.

Манданя-манданя! Если будет угрожать опасность,

Где бы то ни было всегда спасет.

Не забудь то, что я сказал.

Нёлтэк слушала и слушала их и согласилась.

Когда наступило утро, старик-эвен вышел и посмотрел на оленя и не верил своим глазам. Олень стал неописуемо красивым. Стал как лось большой. Старик обрадовался и позвал дочь. Нёлтэк, как только вышла из дому, тут же подошла к ездовому оленю. Олень на нее смотрел, как будто что-то хотел сказать. Нёлтэк, лаская его, обняла за шею.

Начали собираться в путь. Старик-жениху для верховой езды поймали дикого оленя.

Ему говорит отец Нёлтэк:

Манданя-манданя! Из тех, кто соревновался,

Ты самый выдающийся.

Манданя-манданя! Победил многих людей,

Поэтому ты сильный и умный.

Манданя-манданя! Я тебе поймал хорошего оленя,

Чтоб во время кочевки не мучился.

Такой олень, будучи сильным,

Сначала не будет стоять спокойно.

Манданя-манданя! Ты же ведь, наш зять,

Знаешь, видимо, это.

Услышав это старик-жених расхвастался:

Делаха-делаха! Да, да, знаю, знаю!

Делаха-делаха! Как бы ни был силен,

Оленя-то успокою.

Делаха-делаха! Скорей, скорей, давайте, поехали.

Перед дорогой начали прощаться. Мать обратилась к Нёлтэк:

Нюлгина-нюлгино! Доченька моя, крепись, не плачь!

Нюлгина-нюлгино! Не плачут, когда уезжают навсегда.

Крепись, крепись.

Так (они) расстались, не проронив ни единой слезинки.

Нёлтэк села на верхового оленя и сзади привязала вьючных оленей.

А старик-муж (ее) не смог сесть верхом, хотя пытался. Олень (его) совсем метался. Прыгая вокруг яранга, сбросил старика на острый камень. Он еле встал, отпуская поводок оленя. Нёлтэк сказала:

Олень не хочет, бурине,

Уйти с родной земли, бурине,

Ты же знаешь это, бурине,

Поэтому сначала, бурине,

Лучше идти тебе пешком, бурине.

Так они тронулись в путь. Дойдя до края ровного места, приостановились. Нёлтэк посмотрела назад: еще были видны люди, стоящие махали руками. Нёлтэк стерла нахлынувшие слезы и прищипорила ездового оленя, олень пошел рысью. А старик идет, еле-еле, чуть не таща ездового оленя по земле. Он очень вспотел, а ездовой олень то пятился назад, останавливался, то вдруг выскакивал вперед. Спустились с горы. Старик очень устал. Несмотря на свою усталость, он хвастался, чтоб скрыть от жены свою усталость. Он шел впереди пешком. А олень его опять вставал или устремлялся вперед. Старик еще сильнее устал.

Повернувшись к Нёлтэк, сказал:

Делаха-делаха! Слушай, моя жена,

Делаха-делаха! Слезай с ездового оленя.

Делаха-делаха! Я испражняться хочу -

Понос у меня.

Нёлтэк сказала:

Ты же знаешь, бурине,

По нашему обычаю, бурине,

Мужчина не должен, бурине,

Делать это около жены (своей), бурине.

Поэтому тебе надо идти, бурине,

За эту сопку, бурине,

А я подожду.

Старик-черт сказал:

Делаха-делаха! Я шучу же.

Делаха-делаха! Все я знаю.

Делаха-делаха! Ты меня подожди здесь.

Затем пошел он за сопку. Далеко пошел, не стало его видно.

Нёлтэк подумала: олень мой ездовой, видимо, устал, лучше я слезу. Когда хотела сойти, вдруг неожиданно олень заговорил человеческим голосом:

Любимая хозяйка моя, хор-хор.

Слушай внимательно меня, хор-хор.

Не слезай с меня, хор-хор.

Сейчас он придет, хор-хор.

И скажет, что есть захотел, хор-хор.

А ты не слезай, хор-хор.

А вечером он скажет: хор-хор.

„Ночевать (вместе)“, хор-хор

А ты скажешь: хор-хор

„Спи один“, хор-хор

А ты сама, хор-хор

Спи на мне, хор-хор.

Когда так разговаривали, прибежал старик-черт. Спросил:

Делаха-делаха! С кем разговариваешь?

Делаха-делаха! Говори же быстрее!

Нёлтэк отвечает:

Что ты, дразнишь, бурине.

Я (бедненькая) одна, бурине,

С кем же буду говорить! бурине.

Я сама бурине.

Одна (про себя) говорю, бурине.

Тоскую по отцу, бурине,

Тоскуя по матери, бурине
 Тоскуя по родным, бурине.
 Старик-черт сказал:
 Делаха-делаха! Ладно, ладно,
 Делаха-делаха! Я знаю, я знаю
 Что ты тоскуешь по родным.
 Делаха-делаха! Давай-ка, я проголодался,
 Делаха-делаха! Слезай-ка с оленя.
 Девушка отвечает:
 Не смейся надо мной, бурине.
 Ты же являешься мужчиной, бурине.
 Как же раньше меня, бурине.
 Проголодался ты? бурине.
 Старик-черт расхвастался:
 Делаха-делаха! Бедняга, как поверила,
 Делаха-делаха! Я пошутил,
 Делаха-делаха! Как же ты поверила,
 Делаха-делаха! Что я проголодался раньше женщины,
 Делаха-делаха! Давай быстрее поехали!
 Как только проговорил так, шагнул вперед. И поехали дальше.
 Вечером, когда стемнело, старик-черт, остановившись, потребовал:
 Делаха-делаха! Слезай-ка с ездового оленя!
 Делаха-делаха! Будем здесь ночевать.
 Говорю, слезай же быстрее.
 Нёлтэк говорит:
 Ты, мой муж, бурине.
 Наш обычай такой, бурине.
 Женщина не должна с мужем, бурине.
 В течение первых трех дней, бурине.
 Ты это знаешь прекрасно, бурине.
 Ты там же посли, бурине.
 А я на олене буду спать, бурине.
 Старик расхвастался:
 Делаха-делаха! Не верь, я шучу,
 Делаха-делаха! Знаю ваш обычай.
 Делаха-делаха! В течение трех дней
 Делаха-делаха! Не буду трогать тебя,
 Делаха-делаха! На время посним отдельно.
 Сказав это, старик-черт, будучи очень усталым, как только лег, заснул сразу.
 Когда он уснул крепко, олень (ее) снова заговорил по-человечески:
 Моя хозяйка любимая, хор-хор.
 Этот человек – настоящий черт, хор-хор.
 Из подземного царства, хор-хор.
 Он нас ведет, хор-хор.
 К своим чертям, хор-хор.
 У него и жена есть, хор-хор.
 Также и дети есть, хор-хор.
 Они там ждут, хор-хор.
 Чтоб съесть нас там, хор-хор.
 Ты не должна заходить в их дом, хор-хор.
 Как-то любым путем, хор-хор.
 Если потребует слезать, хор-хор.
 Не слезай с меня, хор-хор.

Когда разговаривали так, старик-черт проснулся, проснувшись тут же спросил:
 Делаха-делаха! С кем же разговариваешь?
 Делаха-делаха! Сейчас же скажи быстрее!
 Нёлтэк отвечает:
 Ни с кем я не говорю, бурине.
 Про себя одна, бурине.
 Потихонечку говорю, бурине.
 Тоскуя по своим родным, бурине.
 Чтоб тебя не разбудить тихонько, бурине.
 Шепотом говорю, бурине.
 Старик-черт встал. Огляделся вокруг – нет его ездового оленя, убежал.
 Заорал он сильно, аж земля задрожала:
 Кях-ках! Зачем я его раньше не съел!
 И пошел вперед пешком. Так они шли еще один день. А вечером старик опять говорит:
 Делаха-делаха! Слезай-ка с оленя,
 Делаха-делаха! Давай поедим перед сном.
 Нёлтэк ответила:
 Опять ты шутишь, бурине,
 Какой ты веселый, бурине,
 С тобой мне не будет, бурине,
 Скучно никогда, бурине.
 Я как-нибудь потерплю, бурине.
 Доехать до дому, бурине.
 Остался один день, бурине.
 Старик-черт опять расхвастался:
 „Пусть будет,“ – сказал, лег и сразу заснул.
 Когда он заснул крепко, олень (ее) говорит шепотом:
 Слушай, любимая хозяйка, хор-хор!
 Завтра мы доведем, хор-хор!
 До логова этого черта, хор-хор!
 Скажет тебе слезать, хор-хор!
 Ты не слезай с меня, хор-хор!
 Кто бы к тебе ни подходил, хор-хор!
 Будешь бить посохом своим, хор-хор!
 А ему ты скажешь, хор-хор!
 У тебя же дом-изба, хор-хор!
 Находящийся под землей, хор-хор!
 Ты ведь хорошо знаешь, хор-хор!
 По нашему обычаю, хор-хор!
 Мужчина новую жену свою, хор-хор!
 Вводит сначала в свой дом, хор-хор!
 Верхом на олене, хор-хор!
 И в доме я сойду с оленя, хор-хор!
 И буду только тогда я твоей, хор-хор!
 Затем, когда будут вводить в дом, хор-хор!
 Когда меня станут тащить, хор-хор!
 Как следует, чтоб не упасть, хор-хор!
 Будешь держаться за меня, хор-хор!
 Остальное я сам посмотрю, хор-хор!
 И черт опять проснулся:
 Делаха-делаха! Что ты там,
 Делаха-делаха! Кому говоришь
 Делаха-делаха! Говори же скорее!

Нёлтэк ответила:

Говорю я, когда же домой, бурине,

Доедем мы, чтоб спать, бурине.

Да, да, скоро доедем, — обрадовался черт. Встал и пошел вперед.

Видит Нёлтэк, что все кругом изменилось, земля другой стала. Леса и травы совсем не такие зеленые. Небо — какое-то серое, а солнце, как луна, мутное, еле-еле светит.

Старик-черт, дойдя до какого-то пригорка, остановился. Из-под бугорка шел какой-то дым, и запах его распространялся вокруг, какой-то зловонный (неприятный) запах.

„Слезай-ка быстрее с ездового оленя“, — закричал старик-черт. В это время из-под бугорка выскочили совсем голые ребятишки-чертенята: восемь лысых девочек и восемь лысых мальчиков: „Калрак-калрак, ой как хорошо, отец пришел,“ — кричали они, прыгая вокруг них. „Калрак, калрак, ой какие жирные, жирные гостины привез отец“, — орали они. Когда подходили они к Нёлтэк, она ударила их своим посохом, поэтому, боясь этого, они не подходили к ней ближе.

„Калрак-калрак, и женщина жирная, и олени жирные, как хорошо,“ — кричали (они) и прыгали, царапая себе живот, элорадствуя. Старик-черт, отделив привязанных друг к другу вычюных оленей, закричал Нёлтэк: „Быстрее, слезай!“

Нёлтэк отвечает:

Теперь я твоя, бурине,

Не надо так горопитаться, бурине.

До конца выполняй, бурине,

Наш обычай вековой, бурине.

У тебя же дом-изба, бурине.

Стоящий под землей, бурине.

Поэтому ты меня в свой дом, бурине.

Вводишь верхом на олене, бурине.

Там я и сойду, бурине.

А оленя (моего) там же и съедите, бурине.

„Кях-ках! Действительно правду говоришь,“ — обрадовался черт. Взяв за поводок оленя, привел до шели бугорка. Эта шель служила им дверью. Взяв за конец поводка оленя, он зашел в шель. Затем пытался ввести оленя. Позвал старуху, детей и пытались втащить. Черт крикнул Нёлтэк: „Кях-ках, пристегни оленя сильнее, давай быстрее!“ А Нёлтэк делала вид, будто пристегивает оленя. А олень стоял упорно на одном месте. Нёлтэк сказала:

„Тяните, тяните сильнее!“ Все стали тянуть, а олень так и стоял. Нёлтэк делала вид, будто подгоняет, а сама крепко держалась за оленя. Черт крикнул: „Кях-ках, тяните сильнее со всей силой!“ Когда так тянули черти, порвался поводок оленя, и черти так шлепнулись, что провалились по горло в землю. Когда порвался повод, олень взлетел вверх, неся Нёлтэк на себе.

Черт-старик крикнул:

Кях-ках! Когда бы то ни было догону тебя

Кях-ках! Когда родится ребенок-девочка

Кях-ках! И будет играть ножницами.

Кях-ках! Когда родится мальчик-ребенок

Кях-ках! И будет играть, стреляя луком,

Кях-ках! Приду-приду...

Олень поднялся очень высоко. Нёлтэк заснула, обняв за шею ездового оленя...

Вдруг Нёлтэк проснулась. Не знала (она), как долго они летели. Видит, что олень садится на очень красивую гору. (Они) там приземлились. Нёл-

тэк сошла с ездового оленя. Ездовой олень ее был очень уставший, вспотел, будто упал в воду.

Олень (ее) говорит:

Хозяйка моя любимая, хор-хор!

Хорошо мы сделали, хор-хор!

Что убежали от черта, хор-хор!

Теперь мы здесь начнем жить, хор-хор!

Сделай дом для себя, хор-хор!

Спустись вниз, а там — ручей, хор-хор!

Рыбы там много, хор-хор!

А я буду на этом месте, хор-хор!

Не уйду никуда далеко, хор-хор!

Нёлтэк спустилась вниз к ручью. Когда она наклонилась выпить воды, увидела на дне следы оленьих копыт. И подумала, может есть люди здесь поблизости. Когда пошла собирать дрова, увидела недавнее стойбище. „О, здесь есть близко люди,“ — подумала она.

Так прошло три дня. Она была одета как мужчина.

Однажды увидела, к ней навстречу шли три человека, молодые. Поздоровались, поговорили. Они жили поблизости втроем, три брата. Они подумали, что Нёлтэк — парень. Начали соревноваться. В беге Нёлтэк победила их и в прыжках — тоже. Затем стали соревноваться в ловле арканом подвешенного на конец веревки части рога оленя. Нёлтэк несколько раз промахнулась. На третью попытку также промахнулась. От досады вымолвила: „Как же я могу не промахнуться, если всю жизнь держала только иглу и наперсток“. Мужчины только тогда удивились. „Ну, ты девушка что ли?“ — спросили они.

С тех пор жили вчетвером. Нёлтэк готовила им пищу и шила одежду.

Затем вышла замуж за младшего. Стали жить очень хорошо.

Уже родились сын и дочь. Еще они маленькими были, играли только в ярание. Однажды сообщили, что началась большая война. Царь — далекий (их) передавал: все мужчины должны идти на войну. Братья стали собираться идти на войну. Нёлтэк совсем не хотела, чтоб муж ее ушел на войну, но это было невозможно.

Муж говорит ей:

Я все равно приду, тиргаки

Если не умру, тиргаки

Мою смерть узнаешь, тиргаки

По этому ножу, тиргаки.

Сказав это, воткнул он нож в дерево, стоящее у священного места. Затем говорил:

Если умру на войне, тиргаки,

Заржавев с середины, сломается, тиргаки.

Если ничего не случится — будет таким, тиргаки.

Постоянно следи за этим, тиргаки.

Нёлтэк говорит:

Муж мой любимый, бурине,

Победив врагов, бурине,

Возвращайся скорей, бурине,

Бери моего оленя ездового, бурине,

Он очень сильный и умный, бурине,

Непобедимый никем, бурине.

Ты содержи его хорошо, бурине,

Не привязывая к большим деревьям, бурине,

Привязывая только в молодых деревьям, бурине,

Чтоб на случай вырвать с корнем, бурине.

Ладно, сделаю так, — сказал муж (ее), прощаясь.

Нёлтэк подошла к оленю и, обняв за шею, заговорила:

Олень мой любимый, бурине,
Единственный живой от родных, бурине,
Ты меня спас от зубов черта, бурине,
Совсем не хочу отпускать тебя, бурине,
Как тяжело с тобой расстаться, бурине,
А ты ведь мой единственный олень,
Должен помочь моему мужу, бурине,
Оберегать его от врагов, бурине,
Почему-то сердце плохое чувствует, бурине.
Как расстаться с тобой?! бурине.
Постоянно слушай мой голос, бурине,
Если будет очень тяжело, мне, бурине,
Буду звать тебя, плача, бурине.
Береги себя, всегда, бурине,
От луть наших врагов, бурине.

Сказав это, Нёлтэк заплакала.

Олень (ее) говорит:

Хозяйка моя, любимая, хор-хор,
Хорошенькая моя, не плачь, хор-хор,
Я тебя никогда не забуду, хор-хор,
Я ведь не хотел идти, хор-хор,
Ты сама так велела, хор-хор.
Я понял — это надо, хор-хор,
Я постоянно буду слушать, хор-хор,
Голос твой зовущий, хор-хор.
Если будет возможность, приду, хор-хор.
Ты оторви от моей шеи, хор-хор
Восемь волосинок шерсти, хор-хор
Ты их выбросишь, хор-хор,
Когда беда случится с тобой, хор-хор.
Вспомня меня, крикни:
„Превратись в восьминопорный
Лабаз из мамонтовой кости“, хор-хор.

Нёлтэк, плача, взяла восемь волосинок. Затем расстались.

Нёлтэк одна осталась с двумя детьми. Сама ходила на охоту. Иногда ходила смотреть нож, оставленный мужем на дереве у священного места. Нож так и стоял, блестя на солнце.

Нёлтэк очень соскучилась по оленю; вспоминая его, иногда плакала...

Прошел один год, затем следующий год. Дети ее чуть выросли, стали играть на улице. Девочка стала играть ножницами, мальчик — луком.

Однажды Нёлтэк пошла смотреть нож, оставленный мужем. Видит: нож заржавел и по середине чуть треснул. Увидев это, она заплакала, упала на траву и долго-долго лежала. Вспомнив про детей, встала, чтоб идти домой. Повернулась, посмотрела, а нож переломился посередине. Нёлтэк, горюя, пошла домой. Когда вошла в дом, дети плакали. Подумав, что они проголодались, она повесила над очагом кастрюлю с кровавой кашей. „Сейчас будем кушать, не плачьте,“ — сказала она. А дети (ее) плакали еще louder, не переставая. Нёлтэк замешала кровавую кашу. Огонь почему-то сильно задымил. Она хотела класть в огонь сухие палки, и вдруг у костра из-под земли высунулась ручища, затем голова того самого старика-черта:

Кях-ках! Подожди я пришел!

Подожди я пришел! — кричал старик-черт.

Нёлтэк перепугалась, Вскочила и кинула наружу шерсть, которую оставил олень, говоря: „Стань восьминопорным лабазом из клыка мамонта“. Звала детей своих и хотела зайти за ними, из яранги выскочил старик уже с окровавленным ртом. Уже съел ее детей. Нёлтэк ничего не помнила, как поднялась на лабаз. А старик-черт чуть не поймал ее. Черт не смог подняться, так как лабаз был очень высокий. Бегал он вокруг лабаза и лгал: Кях-ках! Там остались твои дети.

Кях-ках! Они зовут тебя.

Кях-ках! Я не трону тебя.

Кях-ках! Пришел съест твоего оленя.

Кях-ках! Быстрей слезай, дети зовут.

А Нёлтэк знала, что детей ее нет в живых, их съел черт.

Нёлтэк, плача, звала оленя:

Ой, ой, ой!

Любимый мой олень хороший, бурине,

Настал мне страшный день, бурине,

Опять пришел черт-старик, бурине,

Съел любимых моих детей, бурине,

Ой, ой, ой!

Сижу я на лабазе, бурине,

Из мамонтового клыка, как ты говорил, бурине,

А черт пытается его сломать, бурине,

Назло меня съест, бурине,

О! Где олень мой, где ты, бурине,

Где твои всеслышашные уши, бурине,

Где твои всевидящие очи, бурине,

Увижу ли я тебя, или нет, бурине,

Услышу ли я топот твоих копыт, бурине,

О! Олень мой, откликнись, бурине,

Настал день моей смерти, бурине,

Оставшаяся одна из эвенов, бурине.

Нёлтэк плакала.

А черт-старик, сидя под лабазом, подсмеивался, злорадствовал:

Кях-ках! Сматри вон!

Кях-ках! Идет твой олень. Ха-ха-ха!

Затем его вырвало, и из его рта упал топор. Старик-черт встал, взял топор и начал рубить одну из опор лабаза.

Нёлтэк очень устала, плакала, плакала и заснула.

Когда проснулась, увидела Нёлтэк: черт уже отрубил одну опору лабаза. Он отдышал, сидя, очень вспотел, видимо, очень устал.

Нёлтэк начала звать оленя:

Мой олень быстроногий, бурине,

Мой олень летающий высоко, бурине, бурине,

Не слышишь ли мой зов? бурине,

Откликнись, любимый милый олень, бурине,

Черт уже срубил одну опору, бурине,

А сейчас взялся за вторую, бурине,

Приди мой олень, единственный друг, бурине.

Черт встал и опять начал рубить вторую опору лабаза.

Он смеялся:

Кях-ках! Идет твой олень, хо-хо-хо!

Нёлтэк увидела, что с севера идет к ним лось. Пришел и поздоровался с чертом и заговорил:

Кор-кор! Что ты делаешь, дедушка?
Кор-кор! Очень уставший ты, отдохни.

Черт ответил:

Кях-ках! Хочу сломать этот лабаз
Кях-ках! И съесть эту женщину.
Кор-кор! Правильно делаешь, дед.
Кор-кор! Она очень радовалась,
Кор-кор! Когда убивал муж моих братьев.
Кор-кор! Теперь пусть знают,
Кор-кор! Что нельзя так просто нас убивать.
Кор-кор! Дай-ка мне, чтоб рубить,
Кор-кор! А ты отдохни.
Кор-кор! Ведь ты очень устал.

Старик-черт очень обрадовался, лег отдохнуть. А лось, делая вид, будто рубит, ударял тыльной стороной топора опору лабаза. Черт тут же заснул, будучи сильно уставшим.

Когда он заснул крепко, лось испражнился на глаза черта и, взяв топор в рот, побежал на север. Старик-черт спал долго. Проснулся и закричал громко и страшно и вскочил. Глаза его слиплись, со страшным ревом он разорвал лицо под глазами и сделал себе другие глаза. И опять стал видеть хорошо. И опять вырвало его, и изо рта упал топор. Взяв топор, снова стал рубить. Так срубил он вторую опору лабаза.

Когда он начал рубить, прибежала с севера росомаха.

Пырху-пырху! Здравствуй, дед!

Что ты делаешь

До такой усталости?

Черт рассказал, как его лось обманул. Прослушав это, росомаха говорит:

Пырху-пырху! О, дедушка, когда-нибудь

Догнав лоса, я его проучу.

Пырху-пырху! Ты правильно делаешь сейчас,

И муж этой женщины

На нас, росомах, охотился.

Пырху-пырху! А теперь-то, дедушка,

Мы преследуем его.

Ты ведь устал, отдохни.

Дай-ка и мне рубить.

Черт поверил, лег и тут же заснул. Росомаха делала вид, что рубит, а сама ударяла опору лабаза тыльной стороной топора. Когда черт заснул крепко, росомаха испражнилась на глаза черта и, взяв топор в зубы, побежала на север.

Проспав несколько времени, черт проснулся. Заорал от злости. Встал и опять продиравил лицо, тем самым сделал себе новые глаза. Снова стал видеть хорошо. Опять рвало его, и из его рта упал топор. Стал рубить изо всех сил. Рубил, рубил и устал. Когда так рубил, с севера прибежал песец. И говорит:

Ньен-ньен! Здравствуй, дедушка!

Что ты делаешь?

Ньен-ньен! Вижу я, что ты

Очень уж устал.

Ньен-ньен! Почему так изнурительно
работаешь, дедушка?

Черт рассказал все подробно.

Песец говорит:

Ньен-ньен! Дедушка, сейчас я

Помогу по-настоящему.

Ньен-ньен! Она радовалась очень,
Когда нас, песцов, убивал муж.

Ньен-ньен! Шкуру нашу
Дарили они людям,
Чтоб шапки сшили.
Так портили шкуры наши.

Ньен-ньен! Поэтому я тебе,
Дедушка, помогу.

Ньен-ньен! Дай-ка мне топор,
Буду я рубить,
Чтоб ты отдохнул.

Черт лег и, будучи очень уставшим, заснул сразу. Песец испражнился на его глаза, взял топор в зубы и убежал на север.

Черт проснулся, глаза его опять слиплись. Заорал страшным голосом очень громко. Опять выцарапал под глазом новый глаз. Рвало его, и из его рта опять упал топор. И принялся рубить опору лабаза. Так отрубил четвертую опору. Начал рубить пятую опору. Рубил и рубил, и очень устал.

В это время с Севера шла к нему лисица. Подходя поближе, лисица заговорила.

Нян-нян! Здравствуй, дедушка, здравствуй, старец наш,
Зачем так сильно работаешь?

Нян-нян! Ты же, наш старец,

Дедушка, береги себя, чтоб быть здоровым.

Черт рассказал все. Рассказал, как его обманули лось, росомаха и песец.

Лисица начала говорить:

Нян-нян! Ох, черти, зла не хватает,

Я отомщу им за то,

Что тебя обдурили.

Нян-нян! Ты такой мудрый,

Как же не знал ты,

Что они заядлые лгуны.

Нян-нян! Ну ладно, не печалься.

Пусть, мы еще не опоздали.

Я сейчас помогу, быстрее срублю.

Черт дал ей топор, а сам лег и сразу заснул. Лисица делала вид, будто рубит. А сама ударяла тыльной стороной топора опору лабаза: „Тук-тук-тук“.

Когда заснул черт, лисица испражнилась ему в рот и в глаза и, взяв топор зубами, побежала на Север.

Долго спал черт, затем проснулся. Проснувшись, громко и страшно закричал, захлебываясь и плюясь, еле-еле встал. Когда всгнал, опять вырвало его, и изо рта выпал топор. Под глазом опять так же сделал себе глаза и стал видеть. С остервенением стал рубить и быстро срубил пятую опору. Затем от радости хохотал, глядя вверх. Нелтэк видит, что у лабаза (ее) остались только три опоры, заметила, что лабаз накренился в одну сторону. В ее глазах потемнело, рыдая, начала звать оленя:

Ой!Ой!Ой!

Где ты, любимый мой олень, бурине,

Не слышишь ли ты мой зов?

Не узнал ли ты мою печаль?

Отчего же ты не отвечаешь?

Сразила ли стрела твоих врагов?

Неужели закрыл свои глаза всевидящие,

Неужели окаменели твои ноги быстрые,

О, где ты любимый мой олень?!
Остались только три опоры лабаза,
Через трое суток я
Попаду в ненасытный рот черта.
Неужели я видела тебя в последний раз?
Откликнись, дай о себе знать, олень мой!

Старик-черт злорадствовал:
„Хо-хо! Вон, твой олень идет,” – кричал он, указывая на небо. Затем начал рубить шестую опору лабаза. Только начал рубить, к нему прибежал волк.

Уо-у-у-уон! Здравствуй, дедушка!
Что ты делаешь?
Отдохни немножко.

Уо-у-у-уон! Проголодался, наверно, бедняга.
Вот мясо оленя этой женщины,

Уо-у-у-уон! Раненого я нашел его,
Убив его, дедушка, это тебе
Принес гостинцы.

Услышав это, Нёлтэк потеряла сознание.

Старик-черт рассказал, как его обманули звери.

Уо-у-у-уон! Да, да, это я почувствовал.
Теперь в будущем я
Им покажу за это.

Давай, дедушка, ешь вкусное мясо.

Черт-старик был очень голоден. Ел мясо, не разжевывая, так и глотал.

Волк сказал черту:

Уо-у-у-уон! А теперь, дедушка, отдохни,
А я срублю все
Опоры лабаза.
А когда проснешься,
Тебе еда готовая будет.
Если не проснешься,
Я тебя разбужу.

„Да, да, разбуди, не забудь, что бы ни было,” – сказал черт.

Уо-у-у-уон! Ладно, дедушка, я тороплюсь
А ты отдохни как-нибудь.

Старик-черт заснул. Волк опять испражнился в глаза и рот старика. И, взяв топор в зубы, пошел на Север. Затем волк вернулся. А черт стонал, валяясь по земле, хватаясь за живот. Проснулся, заорал: „У-у, как болит живот!” Вырвало его! Он так же сделал себе глаза. Увидел, что волк ничего не сделал. Рассердившись, закричал и погнался за волком.

Сначала волк нарочно побежал медленно, а когда старик только начал его догонять, волк побежал еще быстрее.

Кяк! Волк, я тебя живого проглочу.

Кяк! Ты заставил меня есть отраву.

Старик-черт не смог его догнать. Хватаясь за живот, выплунет, опять остановится и орет. Так волк его заманил далеко. Черт-старик опять вернулся к лабазу. И видит, что топора нет. Закричал страшно, валяясь по земле. Вырвало его опять, и изо рта его выпал топор.

От крика черта проснулась Нёлтэк. Видит, что старик еще ничего не срубил, вид у него очень уставший и обремененный, а волка нет. Нёлтэк думает: „Все звери помогают мне, как, зачем?! А кто их посылает?!”

Черт-старик начал рубить, то останавливался, то его вырывало, и оглядывался по сторонам.

Нёлтэк опять начала звать оленя:

О, олень мой, любимый мой, бурии,
Единственный мой помощник, бурии,
Где ты, слышишь ли меня? бурии,
Сейчас, скоро срубят черт, бурии,
Шестую опору лабаза, бурии,
Если ты не придешь, олень мой, бурии,
Я буду съедена этим чертом, бурии.
Тогда наш эвенский народ, бурии,
Исчезнет на этой земле, бурии,
О, мой олень, сильный и быстрый, бурии,
Приди помоги своей хозяйке, бурии.

На этот раз черт-старик не злорадствовал, как это делал прежде. Оглядывался кругом, смотрел на небо и со всей силы рубил.

Подул холодный ветер с севера. Небо заволокло облаками. С севера на небе появился вихрь. Закружил и завертел облака по небу.

Черт стал смотреть только на небо, на черные густые облака, закруженные вихрем. Подул холодный ветер, и Нёлтэк стало как-то хорошо. Вихрь очень быстро кружил. Черные тучи над ними стали опускаться вниз.

И вдруг из-за черных туч появились четыре черные копыта оленя. „О! Мой олень, любимый”, – закричала Нёлтэк и от радости заплакала. А черт-старик, бросив топор, бегал туда-сюда, не зная что делать. Олень все снижался и снижался и вынырнул целиком из-под туч. Черт-старик, превратившись в мышь, юркнул по щели в землю. Олень опустился на землю. На конце веревки было привязано огромное дерево. Он был привязан к очень большому дереву. Как только услышал зов Нёлтэк, он без устали начал копытами рыть корни дерева. Он отправлял зверей, что отвлекали черта.

Нёлтэк слезла с лабаза, обняла оленя и отвязала от дерева.

Затем заговорил олень (ее):

Как хорошо, встретились! Хор-хор.
Потом поговорим как следует, хор-хор.
Сейчас скажи: куда ушел черт? хор-хор.

Нёлтэк говорит:

Боясь тебя, бурии,
Превратившись в мышь, бурии,
Юркнул в щель, бурии.
Отныне давай не будем, бурии,
Расставаться никогда, бурии.
Ты отдохни, очень уж устал, бурии.

Олень (ее) отвечает:

Правда, я очень устал, хор-хор,
Но черт нам не даст покоя, хор-хор,
Думаю, не даст нам жизни, хор-хор.
Давай, сейчас догоню, завтра – поздно, хор-хор,
Черт соберет всех своих, хор-хор,
А я ведь один против них, хор-хор,
Поэтому сейчас же должен догнать, хор-хор.
А ты крепко держи,
Конец веревки, не пуская,
Если он победит меня,
То из этой щели появится
Молочная белая пена, хор-хор.
Если я убью его,
То из щели появится, хор-хор
Густая красно-темная кровь, хор-хор.

Сказав это, олень превратился в горностая, и вошел в шель, куда исчез черт. Нёлтэк сидела в ожидании неизвестного, держа за конец веревки.

Вдруг веревка дернулась, и было заметно, что начался бой. То сильно дергалась веревка и ослабевала. И вдруг Нёлтэк увидела в щели белую пену. Она вскрикнула от испуга и, боясь, заплакала. Затем исчезла пена и появилось что-то красноватое. Спусти несколько мгновений вылилась багрово-красная кровь со сгустком. Нёлтэк обрадовалась. Вышел олень, зацепив на роге легкие и сердце черта. Нёлтэк запрыгала от радости. Обняв за шею оленя, сказала:

Любимый мой олень, бурине,
Больше никогда не расстанемся, бурине,
Будем жить всегда вместе, бурине,
Всю свою жизнь. бурине.

Олень (ее) ничего не ответил. Так они начали жить вдвоем. Нёлтэк очень хорошо жила с оленем.

Однажды олень говорит ей:

Слушай, хозяйка моя любимая, хор-хор

Я очень состарился,

Мне трудно стало жить, хор-хор,

Мы с тобой так, хор-хор,

Не можем долго жить, хор-хор,

Услышав это, Нёлтэк заплакала. Олень ей говорит:

Не плачь, будет все хорошо, хор-хор,

Слушай внимательно мои слова, хор-хор.

Если я умру, хор-хор,

Разделаешь, не боясь, хор-хор,

Так, как разделяют эвены, хор-хор,

Шкуру мою повесишь на тальнике,

Сказав, будь моим домом, хор-хор,

Чтоб эвены всегда имели дом, хор-хор,

Раскидывая внутренность мою, хор-хор

Скажешь, пусть вырастут олени, хор-хор,

Кости мои раскидаешь, хор-хор,

Они превратятся в горы, хор-хор,

Шерсть мою пусти по ветру, хор-хор,

Она превратится в птицы и птички, хор-хор,

Ложась спать, положишь, хор-хор,

На правой стороне сердце мое, хор-хор,

А почки мои — налево от себя, хор-хор,

„Нет, не буду, ты не умрешь, — заплакала Нёлтэк, тогда и я умру“.

Хорошенькая моя хозяйка, хор-хор,

Послушай меня хорошенько, хор-хор,

Я, будучи таким (старым), хор-хор,

Зимой затрудняюсь даже корм достать, хор-хор,

Если так просто подохну, хор-хор,

И тебе будет трудно, хор-хор,

Одной так вовсе жить, хор-хор,

Нужно сделать так, как сказал, хор-хор,

И только в этом случае, хор-хор,

Наш эвенский род, хор-хор,

Будет жить на этой земле, хор-хор,

Другого выхода нет, хор-хор,

Ты сама это знаешь, хор-хор,

А сейчас иди на моей голове, хор-хор,

Там есть вошь, хор-хор.

Найди ее и раздави, хор-хор,

Тогда я умру, хор-хор.

Нёлтэк, плача, начала искать на голове оленя (своего) вошь. И нашла она вошь. Она сначала не хотела давить. И сама не заметила, когда придавила. Олень задрожал всем телом. Нёлтэк заметила, как олень ее умирал. И олень умер. Нёлтэк плакала долго-долго, затем успокоилась. Встала, отряхнула слезы и принялась разделять оленя. Сделала все так, как завещал олень.

Ложась спать, она положила сердце оленя на правую сторону, а почки — на левую сторону. Долго-долго плакала и заснула.

Не знала, сколько спала она. Проснувшись она от шума копыт оленей. Не могла поверить своим глазам: на правой стороне спал здоровый сильный мужчина, а на левой стороне — двое детей, девочка и мальчик.

Вышла наружу и видит, будто горы покрыты были шерстью. Столько много было оленей (у них).

Так они стали жить очень хорошо и богато.

С тех пор в нашем крае стало много эвенов. Те эвены были нашими предками.

Конец.

Эту сказку рассказала эвенка Тайшина Евдокия Иянокентьевна 1892 г. рождения. Написал с ее слов Роббек В.А. м. Типтирге Среднеколымского р-на ЯАССР. Октябрь 1975 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л., 1959. Ч. I. 282 с.
2. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка: Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.; Л., 1961. Ч. II. 294 с.
3. Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку // Тунгусский сборник. Выпуск 1. Л., 1931. С. 1-108.
4. Болдырев Б.В. Категория косвенной принадлежности в тунгусо-маньчжурских языках. М., 1976. 149 с.
5. Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. 114 с.
6. Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978. 174 с.
7. Бондарко А.В. Функциональная грамматика. Л., 1984. 136 с.
8. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. 207 с.
9. Бурый А.А. К фонологической интерпретации некоторых явлений в вокализме диалектов эвенского языка // Фонетика языков Сибири и сопредельных регионов. Новосибирск. 1986. С. 57-63.
10. Бурый А.А. Категория переходности/непереходности глагола в эвенском языке. Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1984. 22 с.
11. Гладкова Н.И. а) Подчинительная связь слов и ее виды в эвенском языке // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 53-58. б) Морфологическая структура наречий времени эвенского языка // Лексико-грамматические исследования языков народов Севера СССР. Л., 1980. С. 30-47.
12. Дуткин Х.И. Термины родства в Аллаиховском говоре эвенского языка // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 77-79.
13. Дуткин Х.И. Аллаиховский говор эвенского языка: Язык эвенов рода Дутки. Научный отчет. 1980. 351 с. (Научный архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 13, д. 141).
14. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л., 1978. 207 с.
15. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л., 1982. 241 с.
16. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь: С приложением грамматического очерка. Л., 1936. 224 с.
17. Насилов Д.М. Некоторые вопросы изучения видовременной системы в урало-алтайских языках // Урало-Алтайстика. Этнопография. Язык. Новосибирск, 1985. С. 188-193.
18. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. I. М.; Л., 1960. С. 263.

19. Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка: Ольский говор. Ч. II. Л., 1980. 243 с.
20. Рижес Л.Д. Некоторые данные по западному диалекту эвенского языка // Уч. записки ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1955. С. 179-203.
21. Рижес Л.Д. Основные особенности эвенских говоров Момского района Якутской АССР // Уч. записки ЯФ СО АН СССР. Якутск, 1958. Вып. 5. С. 76-91.
22. Рижес Л.Д. Арманский диалект эвенского языка: Автореф. дисс. канд. филол. наук. Л., 1947. 20 с.
23. Роббек В.А. Виды глагола в эвенском языке. Л., 1982. 112 с.
24. Роббек В.А. Категория залоговости в эвенском языке. Л., 1984. 188 с.
25. Роббек В.А. К вопросу о категории предельности и неопредельности в эвенском языке // Лингвистика. Научные доклады. XXVI Герценовские чтения. Л., 1973. С. 120-123.
26. Роббек В.А. К вопросу о значении производных основ эвенского глагола в форме настоящего времени // Грамматические категории. Л., 1976. С. 124-131.
27. Роббек В.А. О некоторых закономерностях сочетания суффиксов в одной глагольной основе эвенского языка // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. Якутск, 1980. С. 42-52.
28. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. Т. I, Л., 1975. 672 с. Т. II, Л., 1977. 892 с.
29. Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках: Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л., 1962. 363 с.
30. Функционально-типологические проблемы грамматики // Тез. науч.-практ. конф. Ч. I, II. Вологда, 1986. 166 с.
31. Цинциус В.И. Краткий конспект эвенской (ламутской) грамматики. 1933. Архив ЯФ СО АН СССР, ф. 5, оп. 4, ед. хр. 187, л. 15.
32. Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949. 343 с.
33. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Фонетика и морфология. Л., 1947. 270 с.
34. Цинциус В.И., Рижес Л.Д. Эвенско-русский словарь. Л., 1957. 276 с.
35. Цинциус В.И., Рижес Л.Д. Русско-эвенский словарь: С приложением грамматического очерка эвенского языка. М., 1952. 777 с.
36. Щерба Л.В. Фонетика французского языка. М., 1963.
37. Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко. Л., 1987.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	3
Транскрипция некоторых фонем и их вариантов	5
Список условных обозначений говоров и диалектов эвенского языка	5
Список условных сокращений	5
Условные обозначения	6
Фонетика	7
Состав гласных фонем	8
Классификация гласных фонем	8
Краткие гласные фонемы	11
Долгие гласные фонемы	13
Дифтонгоидные гласные	14
Основные варианты фонем	15
Гармония гласных	16
Состав согласных фонем	17
Классификация согласных фонем	18
Описание согласных фонем	19
Основные фонетические отличия говора	24
Структура слога	25
Основные фонетические особенности березовского говора сравнительно с другими говорами	26
Очерк морфологии	29
Имя существительное	29
Освообразование	29
Отыменные существительные	29
Отглагольные существительные	32
Категории существительных	33
Категория числа	33
Категория принадлежности	35
Категория склонения	36
Типы склонений	39
Глагол	45
Словообразование глаголов	45
Условно-непроизводные основы	46
Производные основы	46
Отыменные суффиксальные основы	46
Отглагольные суффиксальные основы	49
Категории глагола	49
Категория переходности / непереходности	50
Взаимоотношения категорий переходности / непереходности и залоговости	51

Категория залога	52
Лексико-грамматическая категория залоговости	53
Лексико-грамматическая категория возвратности	54
Лексико-грамматическая категория каузатива	54
Лексико-грамматическая категория, обозначающая взаимность действия	54
Лексико-грамматическая категория совместности	55
Категория предельности / неопределенности	56
Категория вида	57
Направление движения	59
Интенсивность действия	60
Категория имитации действия	61
Категория модальности	61
Наклонение глагола	62
Изъявительное наклонение	63
Категория лица	63
Повелительное наклонение	64
Долженствовательное наклонение	65
Предостерегательное наклонение	66
Предположительное наклонение	66
Сослагательное наклонение	67
Типы спряжения	70
Глаголы правильного спряжения	71
Глаголы неправильного спряжения	72
Причастие и деепричастие как глагольные формы	79
Причастие	80
Деепричастие	82
Именные формы глагола	84
Имя прилагательное	88
Разряды имен прилагательных	88
Образование имен прилагательных	89
Степени сравнения качественных прилагательных	90
Образование относительных прилагательных	91
Множественное число прилагательных	92
Склонение прилагательных	93
Имя числительное	96
Классификация числительных	96
Количественные числительные	96
Порядковые числительные	100
Распределительные числительные	103
Повторительные числительные	104
Умножительные числительные	105
Дробные числительные	106
Собирательные числительные	107
Собирательно-исчерпывающие числительные	108
Приблизительные числительные	109
Об именах, показывающих количественный признак предметов	110
Категории имени числительного	110
Категория числа числительных	111
Категория склонения числительных	113
Местоимение	115
Разряды местоимений	116
Личные местоимения	116

Возвратное местоимение	121
Притяжательные местоимения	123
Указательные местоимения	124
Определительные местоимения	126
Вопросительные местоимения	128
Неопределенные местоимения	131
Наречие	132
Классификация наречий	133
Определительные наречия	133
Качественные наречия	133
Наречия способа и образа действия	134
Наречия степени действия и состояния	134
Обстоятельственные наречия	136
Наречия времени	139
Наречия причины и цели	141
Словообразование наречий	141
Служебные слова	142
Послелоги	143
Частицы	146
Частицы, выражающие модально-экспрессивные оттенки значения	147
Выражение союзов	148
Междометия	150
Образные слова	153
Заключение	160
Приложения	
Н'блт'к	162
Перевод текста	181
Литература	202

Научное издание

Василий Афанасьевич Р о б б е к

ЯЗЫК ЭВЕНОВ БЕРЕЗОВКИ

Утверждено к печати

Институтом языка, литературы и истории Якутского филиала
Сибирского отделения Академии наук СССР

Редактор издательства В.Н. Ч у г у е в а

Художник В.Н. В а с и л ь е в

Технический редактор Е.Н. Н и к и т ю к

Корректоры Т.И. Г е й д у р и Г.В. С е м е р и к о в а

ИБ № 33411

Подписано к печати 29.03.89. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная № 1.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 13.00. Усл. кр.-от. 13.18. Уч.-изд. л. 13.94.
Тираж 650. Тип. зак. № 712. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Наука“.
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства „Наука“.
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.